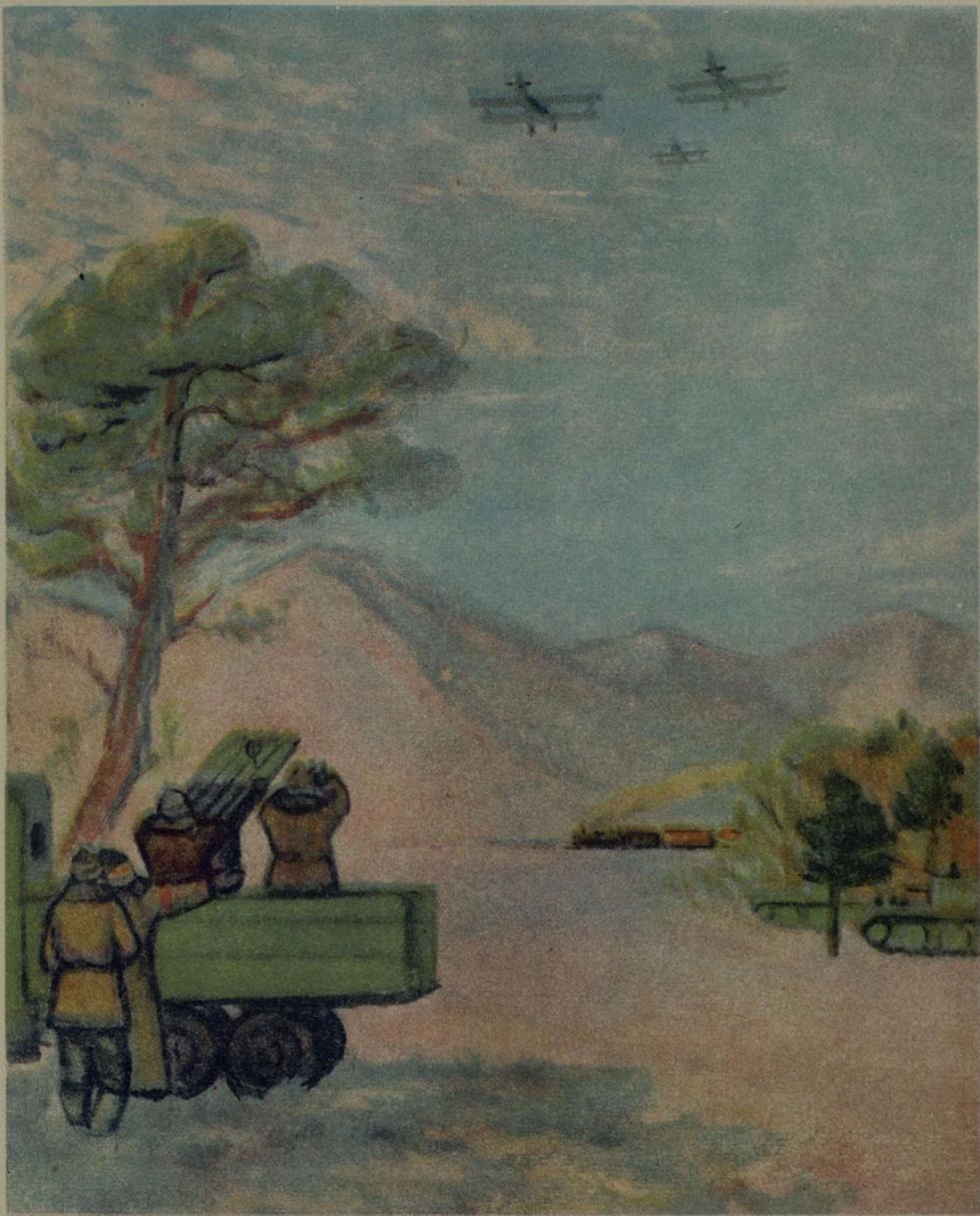

ПИОНЕР

Февраль

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“ 1937 г.

2

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ:

При обнаружении экземпляров с производственным браком (перепутанные страницы, плохая печать и т. п.) возвращать их для обмена в издательство «Правда».

Адрес: Москва, 40, ул. «Правды», 24, комн. № 216.

П И О Н Е Р

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 2

Февраль 1937

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Товарищ Серго

На Красной площади, в старой Кремлевской стене, рядом с прахом Сергея Мироновича Кирова, замурована еще одна урна.

Мы проводили в последний путь великого человека. Его жизнь вся, до последнего вдоха, была отдана рабочему классу и всему трудовому народу.

Только недавно мы праздновали его пятидесятилетие. И здесь, на страницах нашего журнала, описывали его замечательную, боевую, героическую жизнь.

Его имя неразрывно связано с чудесными делами, которые совершаются в нашей стране. В каждом ударе молота, в рокоте самолета, в мерной работе трактора и в грохоте танка мы слышим и видим работу Серго.

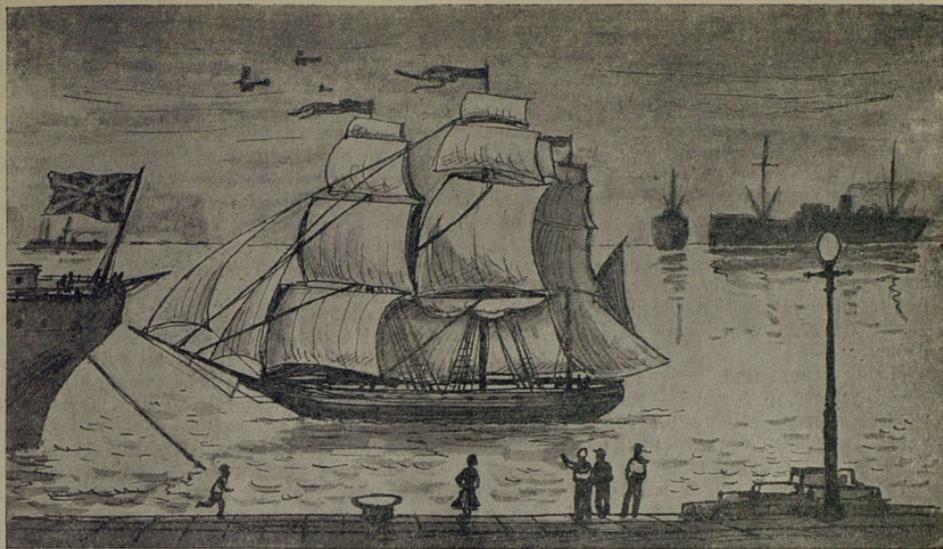
Серго — это неутомимая творческая энергия, это непреклонная воля и мужество, честность, скромность, огромный, яркий ум, это беззаветная преданность делу партии Ленина—Сталина.

Весь советский народ любил Серго как родного и близкого человека.

Враги народа — троцкисты — готовили убийство Серго. Им не удалось убить его револьверной пулей, как они убили Кирова — его ближайшего друга.

Но они виновны в том, что больное сердце Серго не выдержало и откажилось работать раньше времени. Измена и предательство троцкистов, которые за спиной Серго разрушали то, что он строил, нанесли ему тяжелый удар.

Так будем беречь его память, будем продолжать его дело, будем беспощадны к врагам, будем честными и смелыми, каким был Серго Орджоникидзе!

Парусный мастер

Рассказ К. Паустовского

Рис. В. Цельмера

Старик с копченой кефалью, засунутой в карман рваного пиджака, сел в автобус около вокзала. Северный ветер дул над Севастополем. Синие холодные крейсера скрипели на якорях в бухте, и, как всегда зимой, тяжело стонал на рейде пловучий бакен-ревун. Ветер прижимал к севастопольским желтым холмам снеговые тучи, и чем ближе к полудню, тем все заметнее иссякал хмурый свет.

Старик с кефалью сердито посмотрел на небо.

— У нас в Крыму, — сказал он, — все одно — что у людей, что у погоды — нету дисциплины. Где сегодня холод, там завтра жара.

Озавише пассажиры молчали. Старик вытащил из кармана кефаль и засаленную книгу Жюль Верна. Кефаль он засунул обратно в карман, а книгу начал было читать, но автобус внезапно заревел, сорвался с места, начал набирать высоту по белому шоссе, чуть не сдул в канаву татарскую жару, и читать стало невозможно: книга мелко тряслась в руке, и сами собой перелистывались страницы.

— Интересная книга? — спросил старика белобрый моряк с серебряными нашивками, должно быть, морской инженер.

— Было бы интересно, — ответил старик, — когда бы я читал для удовольствия, а то приходится читать по долгу службы, морочить себе, старому, голову.

— А вы чем занимаетесь?

— Я парусным делом занимаюсь. Сорок лет шью паруса.

— Зачем же вам Жюль Верн?

— А затем, что наше дело поггло, — ответил старик. — Не стало парусного дела в нашей республике. Дед мой работал паруса для линейного флота. Так вшивал фалы, что самый здоровый шкипер не мог их оторвать на спор руками. Отец тоже всю жизнь старался, шил помалу паруса для трамбаков. Греки его очень уважали, а греки — отчаянной души моряки. Они с одним драным кливером дойдут зимой с Пирея до Феодосии и еще контрабанду в трюме притащат. Было это в стариковские времена. А теперь пошли пароходы, моторы: стук, гром, — об ветре теперь никто и не беспокоится. Ветер теперь ни к чему!

Кому он сдался? Одним феложникам. Кто мотор купить не осилит, тот сейчас бежит до меня: «Сшей, дядя Федя, паруса, будь другом».

— Паруса! — сказал старик помолчав. — Из парусных кораблей остался у нас один «Товарищ». Мы с ним вдвоем и бедует, старики. А какой был корабль — как невеста! В океаны ходил, брал в шторм все паруса, падал на борт, гнал пену и пел, как скрипка, даже зависть брала заграничных шкиперов. Идет «Товарищ» будто из снега, горит на волне, а пароходы ему сигналы поднимают: «Счастливого плавания старшему брату, последнему парусному кораблю».

Моряк усмехнулся.

— Думаега, я брешу? — рассердился парусный мастер. — Пусть береговые брешут, а нам, морским, брехать нет надобности! У нас и без брехни найдутся свои дела. Когда, положим, паруса набирают полный ветер, кто скажет, что некрасиво! Разве какой-нибудь дурак с пароходной команды, серый сиволап. Или, скажем, корабль идет при слабом бризе, паруса колыхаются на солнце, белый свет от них льется кругом, даже глазам больно. Теперь белых парусов давно не шьют: начали их смолить от сырости. Теперь парус черный, как воронье крыло, глядеть на него противно!

— Верно! — согласился белобрый моряк. — Но какое же у вас общее дело с Жюль Верном?

— Как какое? — изумился старик. — Я такие паруса шил, что загнал Жюль Верна с его парусными кораблями на самое дно, в бутылку. Он в гробу двадцать раз перевернулся от зависти, ваш Жюль Верн, пока я те паруса работал.

Все молчали. Суровые горы, посеребренные снегом, стояли впереди. Машина неслась к ним, дрожа от ярости всем корпусом и рывкая на поворотах. Всех занимала мысль, как она прорвется через стену гор, казавшуюся непроходимой.

— Сколько нас, стариков, в Севастополе, — сказал парусный мастер, — это даже удивительно! Пойдите на Корабельную — по всем дворам одни старики сидят да собаки. Пить нельзя, работать силы не хватает, а хлеб кушать за одну свою старость — тоже как будто обидно, и выходит так, что старички наши хитрят и к малым детям пристраиваются. Одни — внуков нянчат, другие — игрушки стругают на продажу. Такая нам вышла доля, и я от нее не ушел. Для детей тоже стараюсь.

— Игрушки делаете? — вяло спросил моряк.

Он сильно озяб. Машина приближалась к негасу, и моряку уже не хотелось ни спрашивать, ни слушать.

— Зачем игрушки! — возразил старик. — Игрушки за меня пусть адмирал Нахимов делает: я мелкой работой не интересуюсь. Может, читали в газетах, что в Ялте снимают картину для кино по книге Жюль Верна. Перешли под кино этого француза, достали азовскую шхуну, починили, сделали из нее вроде как стариннейший клипер и написали на корме имя «Марианна». Для с'емки! А паруса для «Марианны» заказали мне, Федору Чаге. Врать не буду, шил я паруса на красоту, даже Ханов — последний парусный капитан на весь Советский союз — и тот удивлялся. «Ты, — говорит, — Федя, не паруса шил, а лебединые крылья. Надо тебя об'явить, — говорит, — народным парусным мастером нашей республики». У него изо всего получается смех, у Ханова. Я над теми парусами чуть не ослеп, и сейчас по вечерам в глазах стоит темная вода, вижу мутно.

— Ай как старался! — сказал насмешливый пассажир-грек. — Тысячи зарабатывал!

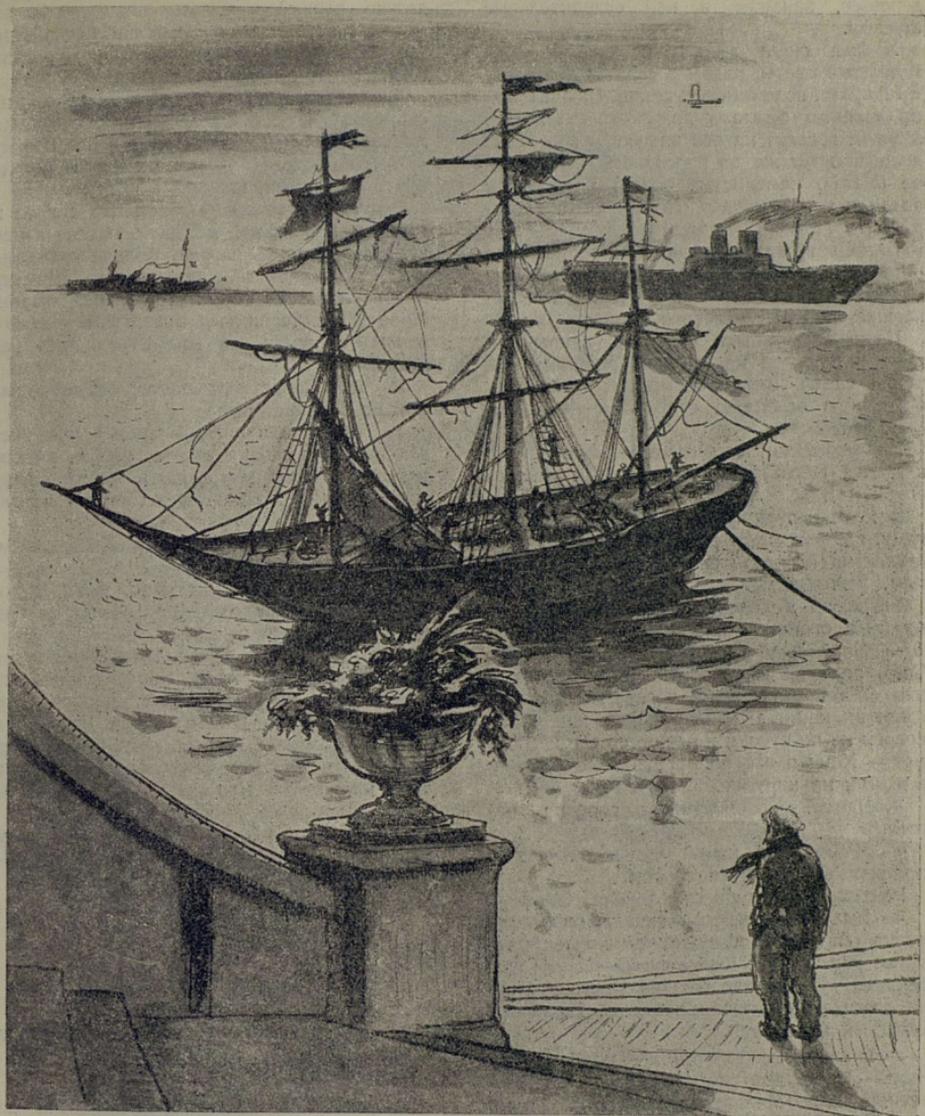
— Не к месту ты ввязался, базарная душа, — рассердился мастер. — Подавись моими тысячами. Мне денег не надо, я на одной кефальке проживу.

— А чего же тебе надо? — удивился грек.

— Сроду ты не поймешь из-за грубости из-за своей. Надо мне, чтобы многие тысячи людей смотрели ту картину и удивлялись великолепным парусам и большую любовь получали до моря. Дети будут радоваться на «Марианну», а, может, где и какой тертый моряк посмотрит и скажет: «Да, знаменитый мастер шил паруса, честь ему и слава от всего морского населения. от всех, кто понимает! Почет Чаге и Жюль Верну, что сработали такую красоту, и вечная память».

Машина вошла в снежные горы. Старик пытался рассказать, что едет в Ялту, чтобы испривить второй кливер, потому что, судя по Жюль Верну, со вторым кливером вышло у него, у Чаги, не совсем удачно. Но его уже никто не слушал.

Леса, будто выкованные из тонкого себребра, сверкали под высоким декабрьским небосклоном. Стекланный блеск играл на горах, засыпанных легкими снегами. Солнце, похожее на золотой запущенный плод,

«Марианна» качалась на якорях.

неслось за прозрачной серебряной листвою деревьев, зажигая в ней ослепительные пожары.

Хлопья снега лежали на кустах, как мохнатые цветы, рядом с серыми пушистыми шарами волокнистых семян. Плющ плотно сжимал белые стволы деревьев. При каждом взгляде на его живую зелень было ясно, что тут же, за перевалом, Черное море бьет о каменные берега прозрачной водой и мерно качает от горизонта до горизонта глубокий теплый воздух.

Шофер гудел клаксоном, и горное эхо неслось навстречу машине. Непрочный снег слетал с деревьев, обнажая стволы, позеленевшие, как тысячелетняя бронза.

Парусный мастер сидел с закрытыми глазами. Из-под красных сморщенных век текли слезы. Внезапная зима летела навстречу и ослепляла его своим невыносимым светом.

За перевалом неожиданное море встало в глазах глухой высокой тучей, и начался спуск к Ялте.

В Ялте парусный мастер пошел в гостиницу, где жил режиссер. В гостинице пахло пыльными коврами, застоявшимся одеколоном, шашлыком.

Режиссер в лиловой пижаме сидел за круглым столом ипил кофе.

— Хочу я у вас попросить... — сказал Чага, замирая от робости. Ему казалось, что он говорит с этим человеком не теми словами, какие нужны, говорит как будто совсем не по-русски и режиссер его не поймет. — Хочу я вас попросить напечатать и мое имя на картине.

— Зачем? — равнодушно спросил режиссер.

— Может, где какой моряк прочтет и помянет меня добрым словом.

Режиссер поморщился.

— Вы же бутафор, — сказал он и закурил сигарету. Сладкий дым висел пластинами над вазой с пирожными. — Зачем вам реклама? Кроме нас больше никто в мире не закажет вам таких парусов. Парусных кораблей не будет!

— Оно, конечно, так... — пробормотал Чага. — Наше дело погибло, нет у нас парусного дела. Мне заказов не нужно, я на фелюжников буду по малости работать.

— Так что же вам, собственно, нужно?

— Простите за мою дурость, за бесполойство, — сказал Чага. — Нету у меня возможности рассказать вам про свою заветную думку. Да и шут с ней теперь, с той думкой!

— На сегодняшний день, — сказал резко режиссер, — я не вижу необходимости упоминать в картине случайного бутафора. У нас и так упоминается сорок имен. Но в общем я подумаю.

Чага вышел на набережную и сел на скамейку. Очень слепило море, слезились глаза. Ненужная, давно снятая на пленку «Марианна» качалась на якорях и робко, будто заискивая, кланялась морю.

Вдруг Чага встал и торопливо пошел к «Марианне», на ней медленно падали с рей и развевались паруса. Солнце садилось, и его последний свет придавал их грубому холсту легкость самой тончайшей ткани. Море у бортов шхуны колебалось в белом ярком свечении — в нем отражались паруса.

— Чего паруса подымаете, отдуя! — кричал с берега Чага.

— Почтение и низкий поклон дяде Феде, — ответил с бака старый рябой матрос Низовой. — Подымаем сушить, с утра дождем промочило. Заходите до кубрика потолковать.

В кубрике Чага рассказал Низовому о разговоре с режиссером.

— Неспокойный ты старик, Федя, — просипел Низовой, выковыривая ножом пробку из бутылки кислого вина. — Чего ты закурился? Ты плюнь! Я так считаю: чи будет на той картине твое имя-отчество, чи совсем его не будет, твои паруса свое возьмут. Кругом возьмут: и в Ялте, и в Одессе и, скажем, во всей республике. Когда радость чужому человеку делаешь, он тебя не пытается, кто ты да что ты, и ты сам с этим делом до него не лезешь.

— Зачем лезу? — сказал Чага. — Я не лезу, ни-ни. Мне бы одного надо — приохотить людей до моего парусного дела.

— Приохотишь! — сказал Низовой.

— Приохочу!

— Через ту картину?

— А хоть бы и через картину.

— И паруса твои свое возьмут!

— Возьмут!

— Ну, тогда наливай шкалик и вытягай с кармана свое кефальку. Хватит плакаться.

Старики пили и шумно беседовали до позднего вечера. В иллюминаторы заглядывали звезды и портовые огни. Они качались на волнах и то подливали к самому борту «Марианны», как будто стараясь подслушать крикливый разговор веселых стариков, то отскакивали и тонули в темноте, испуганные их хриплым хохотом.

Рубен-партизан

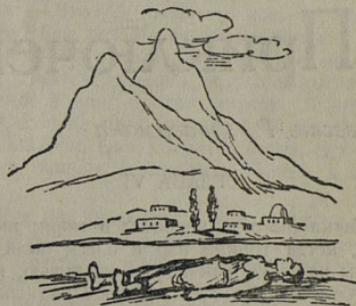
Народная песня

Перевел с армянского А. Глоба

Рис. Б. Синявского

За Эйларом встал туман выше стен.
 — Нет больше надежды! — вскричал Рубен.
 — Нас горсть — и враги окружили нас!
 Нас горсть — и друзья забыли нас!
 Мы гложнем, слушая грохот гранат.
 Семь ночей над нами звезды горят.
 С трех сторон дашнаки¹, теснят бойцов.
 Бьют пули, как огненный град, бойцов.

Нас горсть — и враги окружили нас!
 Нас горсть — и друзья забыли нас!
 И крикнул Рубен:
 — Ребята, не робей!
 Не сдавайся! Мужайся! Бей!
 И крикнул пес Мартирос: «Хумбапет!»²
 — Большевикам сегодня пощады нет!
 И крикнул поп Захар: «Хумбапет!»
 — Стреляй!

На Эйлар надвинулся с гор туман.
 Дашнакские пули косят партизан.
 Ищет смерти боец, не сдается в плен:
 В грудь проклятой пулей сражен Рубен.
 Камни-слезы упали на Эйлар.
 Над Эйларом метель. В сердцах пожар.
 Покрывало Сенам черней земли:
 О сыне Сенам злую весть принесли.

Запрягают бойцы в тележку коня,
 Поезели Рубена, дашнаков кляня.
 На голове Сенам черный платок.
 В груди бойца рана, как алый цветок.
 — Прощайте, мои товарищи-друзья!
 Плачьте, что больше нет с вами меня!
 Займет мое место боец другой, —
 Вспоминайте Рубена в час боевой!

¹ Дашнаки — армянские контрреволюционеры-националисты.

² Хумбапет — начальник отряда.

Приключение на границе

Повесть Р. Фраермана

(Окончание)

Рис. В. Цельмера

ГЛАВА VI

Натка никогда не боялась моря: ни утром, когда тонкий пар и блеск были рассеяны над ним, как песок, ни ночью, когда голубой дым от луны стлался над зыбью, ни даже в бурю, когда тяжелые волны стучали в днища шаланд.

Она боялась леса.

Поэтому Ти Суеви никогда не предлагал ей возвращаться домой через тайгу.

Но дня через два, когда в Тазгоу опять поймали так много рыбы, что до самого вечера отцепляли ее рыбаки, Ти Суеви сказал Натке:

— Сегодня Лимчико не повезет тебя в Малый Тазгоу. Все кунгасы заняты рыбой. Пойдем через Фазанью падь, по верхней дороге: она короче.

— Но ведь скоро солнце зайдет, как же мы пойдем через лес? — спросила Натка.

— Это ничего, — ответил Ти Суеви, — если солнце зайдет, то встанут звезды, а дорога выложена белым камнем, она новая и будет хорошо видна.

— А вдруг не будет звезд? — сказала Натка. — Нет, не пойду.

Теперь Ти Суеви ничего не стоило бы упрекнуть Натку в трусости. Но он этого не сделал. Кто знает? Может быть, Натка вовсе и не боится леса, а просто не хочет больше ходить с Ти Суеви в школу и возвращаться с ним, потому что нигде в Тазгоу не растут арбузы.

И Ти Суеви только заметил:

— В тайге у нас хорошо. Ты поешь громко, и каждое дерево поет, и каждый зверь сходит с твоей дороги, даже медведи. Но их теперь совсем нет, потому что за Кривой сопкой строят завод, а на Перевале недавно взорвали гору. Медведи ушли, только фазаны и мыши остались. Но все равно, — добавил Ти Суеви, — ты идешь и громко кричишь, чтобы тайга тебя слушала.

— Вот как! — сказала Натка.

Это понравилось ей, потому что кричать она всегда любила.

— Что же, пойдем, — сказала она.

И они оставили позади себя море и вошли в лес.

Ветер на закате плыл высоко, на уровне самых старых лиственниц — только они одни качались. И в сумерках леса дорога казалась на самом деле белой.

Коридорами тянулись голубые пихты. словно махты возвышались ели, и как снасти с их ветвей свисал длинный мох. Натка шла с Ти Суеви рядом, не отставая от него ни на шаг. Бесшумно проехал на зеленом велосипеде красноармеец.

Натка обернулась ему вслед. Он летел прямо, как пушенный камень, и вскоре исчез под горой, за глухим поворотом шоссе.

И снова стало пусто. Лесная тишина вышла на дорогу, и только справа раздавался еле уловимый шорох: может быть, это бурнундук обходил муравейник или просто выпрямлялись и потягивались ветки, собираясь поудобней заснуть.

А может быть, кто-то шел тут рядом?

Ти Суеви незаметно слушал, ободряя Натку взглядом своих узких и спокойных глаз.

— А кричать еще не надо? — спросила Натка.

— Нет, — ответил Ти Суеви, — ведь еще не наступила ночь.

— Но если кричать не надо, то, может быть, можно громко говорить?

— Говори, — сказал Ти Суеви.

И Натка громко спросила:

— Куда поехал этот красноармеец на велосипеде? Ты не знаешь?

— Не знаю. На заставу, должно быть. Я слышал, что они ищут кого-то.

— Кого же они ищут?

— Также не знаю. Друзей они искать так не будут. И я, и ты, и Василий Васильевич Пак приходят к ним на заставу сами. Может быть, они ищут врагов, которые прячутся от них.

— Врагов? — повторила Натка. — Разве они тут есть?

— Наверное. Ведь тут близко граница.

— Честное слово, — сказала Натка, — если бы я поймала хоть одного из них, я убила бы его на месте!

— Я тоже, — твердо сказал Ти Суеви.

В это время шорох стал громче, явственней, и совсем близко, за обочиной шоссе, дети услышали легкий шум шагов.

В самом деле, кто-то тут был с ними все время.

Ти Суеви перешел на другую сторону дороги, и Натка побежала за ним. Здесь они подождали немного. У Натки тяжело стучало сердце. Ти Суеви, вытянув шею, взглядывался в сумрак, стлавшийся над тра-

вой как туман. Кусты раздались, уронив вечернюю росу, и показалась лица человека.

Ти Суеви громко плюнул. Он узнал старуху Лихибон. Это ее точно завесой скрывали от дороги кусты бересклета и орешника.

Лихибон собирала траву для свиней. Эта старуха с мутными глазами всегда что-нибудь собирала. За спиной у нее был берестяной ящик, какой обычно носят корейцы, когда отправляются в сойки за брусникой.

Заметив, что дети смотрят на нее, старуха раздвинула кусты еще шире и сорвала пучок молодой крапивы.

«Но кто же собирает крапиву в ящик? Ее собирают в мешок», — подумал с подозрением Ти Суеви.

Но и ящик этот оказался ему пустым. Лихибон свернула на тропинку к морю, ничуть не согнувшись под весы ношей.

— Противная старуха, — сказала Натка. — Я ехала с ней на кунгесе.

— Разве она тоже ехала в Малый Тазгоу? — спросил Ти Суеви.

— Да!.. Противная старуха, — повторила Натка. — Что ей нужно у нас, в Малом Тазгоу? Она везла с собой рис и сою с мясом. А мне так хотелось есть. Но я не просила. Я вынула камешки, которые мы нашли с тобой в яме, и стала играть. Я играла хорошо, пока один камешек не упал к ногам Лихибон. Она хотела поднять его, но я успела раньше и спрятала камень в карман.

Тогда она подошла ко мне, взяла за плечо и спросила: «Где ты нашла эти камни?» Я не ответила ей. Руки у нее тряслись, и она все спрашивала. А до того молчала.

— Да, — сказал в раздумье Ти Суеви, — эта старуха говорит так мало, как только может, потому что внук ее болен проказой.

— Как проказой?! — вскрикнула Натка. — Ведь старуха меня схватила за плечо!

Натка даже остановилась посреди дороги, топоча от ужаса ногами. Ти Суеви в страхе глядел на нее.

— Но ведь не она, а внук ее болен проказой, — сказал Ти Суеви, утешая ее.

— Все равно! Она меня схватила за плечо, — кричала Натка, заливаясь слезами. — Зачем ты мне раньше не сказал. Теперь я скоро умру.

И Ти Суеви не знал, что с ней делать.

— Где, в каком месте взяла она тебя за плечо? — спросил Ти Суеви.

Натка показала.

У костра стоял человек.

Ти Суэви положил руку на ее плечо и сказал:

— Вот, я снял с тебя болезнь. Так говорят наши старики. Теперь не бойся: если ты заболешь, то я тоже. Мы будем вместе болеть. Так всегда лучше.

— Да, так лучше,—сказала Натка. Она

перестала кричать, плакать и топтать ногами.—Теперь я не боюсь.

Она поглядела вокруг.

Тихо подходила лесная ночь. На макушках высоких лиственниц оставалось совсем немного света. А тьма внизу сгущалась как смола.

Луны не было. Только звезды вырастали в глубине, над лесом.

Вдруг на востоке, с той стороны, где в полном мраке стояли сосны и ели, загорелся новый свет. Желтый, он колебался на темных стволах, высоко на том месте, где у сосен начинаются ветви.

В глубине леса кто-то зажег костер.

— Посмотри,—сказала Натка,—что это?

Но Ти Суеви и сам давно уж смотрел на этот качающийся отсвет пламени, такой страшный в ночной темноте. И хотя Ти Суеви давно научился стискивать зубы, но все же холод пробежал по его спине.

Что мог зажечь этот костер в лесу?

Ти Суеви прилег на дорогу, стараясь снизу, сквозь кусты, увидеть что-нибудь.

— Тише! — он обернулся к Натке.

Но она и без того стояла тихо, не шевелясь.

— Человек в лесу.

Ти Суеви осторожно поднялся с земли.

— Что же он там делает ночью?

— Не знаю. Может быть, это тот самый, кого ищут на заставе? — шопотом сказал Ти Суеви.

— Шпион? — тоже шопотом спросила Натка.

Она совсем забыла о проказе. Глаза ее, в которых только что был страх, теперь уже без страха, сурово смотрели в темноту, и лицо при звездном свете казалось бледным.

— Пойдем, посмотрим, — предложил Ти Суеви.

Однако он не был уверен в том, что Натка согласится, и потому добавил:

— Но если ты боишься, не пойдем.

Натка помолчала в раздумье.

— Если это враг,—сказала она,—то я не боюсь его. Но ведь в лесу совсем темно.

— Ничего, я знаю это место. Тут я нашел паутину,—сказал Ти Суеви.—Я хорошо вижу в темноте, а если не вижу, то все равно знаю, где стоит куст, а где дерево: дерево пахнет корой.

Тогда Натка протянула Ти Суеви руку. Он взял ее и шагнул в кусты.

Он действительно знал это место.

Он шел бесшумно, обходя деревья и не наступая на сучья. Только несколько листьев нежно коснулось его щеки. Ах, если бы башмаки у Натки не были так тяжелы!

— Поднимай выше ноги, — еле слышно сказала ей Ти Суеви.

Ключья желтого света уже висели близко на кустах можжевельника и ежевики.

Ти Суеви пополз по траве. С легким вздохом Натка тоже легла. Земля была холодная и влажно пахла мхом.

Виден стал и самый костер.

Он горел на поляне. И огонь его отражался в росе, висевшей на колючках облепихи.

У костра стоял человек. Он был высок, в городской одежде и в шляпе. На шее у него висел мешок, а в руке он держал белую щепку.

Он вел себя загадочно: становился на колени и долго шарил по валежнику, прежде чем подбирал его в костер.

Он выбирал только смолистые сучья, не дававшие дыма.

И огонь горел бездымно, высоко и ровно.

А в освещенном воздухе, колеблясь, летали над поляной бабочки. Одни из них садилась на стволы, другие падали. И все они были белые.

Человек следил за ними.

Он подходил к елям, поднимал голову, отыскивал что-то на коре и щепкой сбрасывал в мешок, висевший у него на шее.

— Однако еще рановато для монашенок, мало их попадается, — сказал он громко.

И все это было так страшно: и ночь, стоявшая в лесу, и одинокий голос человека, и зловещий огонь, — что Натка, державшая Ти Суеви за руку, отпустила ее и поползла назад.

Пополз за ней и Ти Суеви.

Когда за толстыми стволами скрылся свет от костра, дети поднялись на ноги. Наткаясь на сучья, они с шумом прошли сквозь кусты и долго при звездах бежали по дороге.

Она привела их к морю.

Они узнали его по блестевшей полосе прилива. И оба, тяжело дыша, остановились. Море успокоило их. Оно было близко.

Но ропот его, тихо шагая вверх по камням, едва достигал слуха. И лес стоял молча, все глубже погружаясь в сон. Только в бухте, за мысом, бессонно во тьме, как часы, тикал консервный завод.

В Малом Тазроу еще не спали.

Дети вошли в деревню.

И теперь, когда все было позади: и железный мрак в лесу, и странный человек, и проказа, которую так легко снял с плеча Натки Ти Суеви,—ей вовсе не было страшно.

Натка пришла домой, попросила есть и спала всю ночь спокойно.

Ти Суеви же долго не мог уснуть на своей тростниковой циновке.

Он все думал о том, что, пожалуй, нужно было бежать не в Малый Тазгоу, домой, а на заставу, к красноармейцу Сизову.

И всю ночь снился Ти Суеви стоявший в ногах его на нарах китайский сундук, украшенный резьбой и медью. Он раскрывался как шкаф, и из него вылетали бабочки.

ГЛАВА VII

Если Ти Суеви успевал хорошенько обдумать свои слова, то всегда бывал правдивым.

Поэтому назавтра утром в школе он сказал Натке:

— Нехорошо мы сделали, что вчера побежали прямо домой, а не на заставу. Надо было привести красноармейца Сизова туда, в лес. Где мы теперь найдем того человека? Он уже, наверное, скрылся.

— Да, нехорошо,—согласилась Натка.— Но ведь до дому бежать было ближе. Где бы мы тогда ночевали?

И это тоже была правда, которую Ти Суеви еще не успел обдумать, так как в класс вошел Василий Васильевич Ни, а с ним тот самый человек, о котором они только что говорили.

Он снял свою шляпу и повесил ее на край класной доски. На шее у него не было мешка, и в руке он не держал щетки.

Ти Суеви и Натка с изумлением смотрели на него.

Дети шептались.

— Тише,—сказал Василий Васильевич Ни.—Это гость, приехавший к нам из города. Он лесовод, и его зовут Андрей Тихонович Силин. Послушайте, что он вам расскажет.

Лесовод веселыми и зоркими глазами обвел весь класс, подумал немного и вынул из большого оттопыренного кармана своего пиджака платок. Вместе с платком оттуда посыпались вдруг целая куча желтых остьев хвои и мох.

Дети рассмеялись. И сам лесовод усмехнулся.

— Так, так,—сказал он.—Вот мы с вами и познакомились. Отлично. А теперь приступим. Знаете ли вы лес, который растет на еловой сопке?

— Знаем,—ответили дружно дети.

— Так вот, на этот лес напал страшный враг—бабочка, которую зовут монашенка.

— Монашенка!—громко сказала Натка.—Вот это интересно! Расскажите нам о монашенке. А я думала, вы вчера про настоящих монахов говорили.

Лесовод внимательно посмотрел на Натку, и глаза его стали еще веселей.

— Это тебя зовут Наткой?

— Меня.

— А кто из вас мальчик Ти Суеви?—спросил вдруг лесовод.

— Я.

Ти Суеви живо поднялся со скамьи.

— Это ты с Наткой был вчера ночью в лесу?

— Да,—ответил Ти Суеви, стараясь скрыть свое удивление, которое было бы недостойно сына шкипера Суеви.

Но Натка звонко крикнула:

— Откуда вы знаете?

— Мне сказал об этом начальник заставы.

— Так вот, дети,—продолжал лесовод уже задумчиво,—на ваш лес напала бабочка-монашенка. Я расскажу о ней вам завтра, после обеда, в три часа, на заставе. Запомните это время, вы ведь завтра не учитесь, я прочту для всех лекцию и скажу вам, чем вы можете мне помочь. А сейчас только покажу эту монашенку, чтобы сразу приняться за дело.

И лесовод вынул все из того же просторного, как мешок, кармана коробку. Она была не больше тех, в которых продаются папиросы.

Он осторожно раскрыл ее и показал Ти Суеви, и Натке, и всем детям.

На дне ее, на дубовом листке, неподвижно сидела бабочка. У нее было толстое тело и четыре белых крыла. Она пошевелила усиками. На крыльях ее Ти Суеви увидел черные волнистые полоски и по три черных пятна; на спине же их было шесть.

Бабочка вдруг покачнулась на бок, и Ти Суеви захлопнул коробку.

— Не бойся,—сказал лесовод,—она не улетит. Она летает только ночью, днем же спит. Потом я связал ей подкрылья.

И дети увидели, что задние крылья ее действительно стянуты шелковиной.

— Чтобы узнать, сильно ли заражен ваш лес,—продолжал лесовод,—я вот развел ночью на поляне костер. Но поймал на огонь мало бабочек. Для них еще рано. Они выведутся позже. А вот эта бабочка интересна тем, что она уродец. У нее на спине вместо двух черных пятен—шесть. Во всем остальном—окраской и телом—она похожа на других монашенок.

— Но опасны не сами бабочки, а их гусеницы. Это они на тысячу километров об-

едают хвою елей и пихт и даже листья дубов. Ясеня они не едят. Гусениц бывает так много, что под тяжестью их, как в бурю, падают толстые ветки со старых сосен и молодые деревья гнутся до земли. И куда ни посмотришь, лес стоит голый — ни одной свежей ветви не увидишь на елях, ни одной зеленой иглы. Все с'едают гусеницы. А потом лес засыхает и гибнет на сотни километров вокруг. Этих-то гусениц мы и будем с вами уничтожать.

— Вот этих? — спросил Ти Суеви и, вытащив из-за пазухи спичечную коробку, показал завернутую в паутину гусеницу.

Она уже была мертва.

— Да, — ответил лесовод. — Дай-ка ее мне сюда. Ты, наверное, ее нашел вместе с Сизовым в лесу и спрятал в свою шапку. Так?

— Так!

И, видя изумление, светившееся в глазах Ти Суеви, лесовод добавил:

— Это тоже рассказал мне начальник заставы.

— Он знает все, — тихо сказал Ти Суеви и чуть прикрыл своими плоскими веками глаза.

Он решил больше ничему не удивляться.

— Все! — подтвердил лесовод.

Он секунду — две с улыбкой разглядывал Ти Суеви.

— Я много слышал о тебе на заставе. Из тебя выйдет хороший шкипер. Не моряк — капитан, а рыбак, который, как бы далеко ни уплыл, всегда возвращается на свой берег. Не хочешь ли ты мне помочь в лесу? Мы выберем тебя для этого старшиной. Завтра, когда я скажу тебе, ты приведешь ребят в лес. Вы согласны выбрать Ти Суеви старшим? — обратился лесовод ко всем детям.

— Согласны! — громче всех крикнула Натка.

— А ты сам, Ти Суеви, хочешь быть моим помощником?

— Хочу, — сказал Ти Суеви.

И лицо его приняло выражение спокойствия и важности, какое подобает настоящему старшине. Но, вспомнив о Натке, он с беспокойством спросил:

— А Натка тоже может быть помощником?

— И Натка тоже.

Лесовод рассмеялся и вышел, унеся с собой свою бабочку.

Василий Васильевич Ни взял в руки мел, и начал уроки.

Но как ни любили Василия Васильевича

дети, как ни старался он громко читать стихи, как искусно ни рисовал на доске знака солнца, человека и дерева, урок его сегодня пропал даром.

Дети шумели словно кустарник, потревоженный теплым ветром.

Не слушал на этот раз и Ти Суеви. Он смотрел в окно. Оно было прозрачно и так велико, что сквозь него можно было видеть море, и гряды черных скал, и дальний мыс, изогнутый как рог.

У пристани качались кавасаки.

Ловцы уже давно разгрузили сети. На берегу стояли шкипера. Они не собирались больше в море: они смотрели в другую сторону, на тайгу, слушая, что говорит им Пак.

И гость из города был среди них. Он держал свою коробку открытой, заслоняя ее от ветра шляпой.

Гость брал старого Пака за плечо, и Пак слушал его так же почитательно, как рыбаки слушали самого Пака. Он подходил к шкиперам, и те смотрели ему в лицо, чтобы ничего не пропустить. А ловцы теснились вокруг.

Потом все разошлись по фанзам и снова вернулись на берег.

Рыбаки сменили свою обувь — сняли тяжелые сапоги. В руках у них были лопаты, за поясом висели топоры. Женщины принесли с собой ведра.

И Ти Суеви понял, что все собираются в лес. Но зачем в лесу ведра?

На этот раз любопытство сильно мучило Ти Суеви. Он написал Натке записку, так как сидел далеко от нее.

«Посмотри в окно, — написал он, — и ответь, зачем они берут с собой в тайгу ведра?»

Натка ответила сразу:

«Для малины».

Но Ти Суеви, обернувшись к Натке, покачал головой, и это означало:

«Малина еще не поспела».

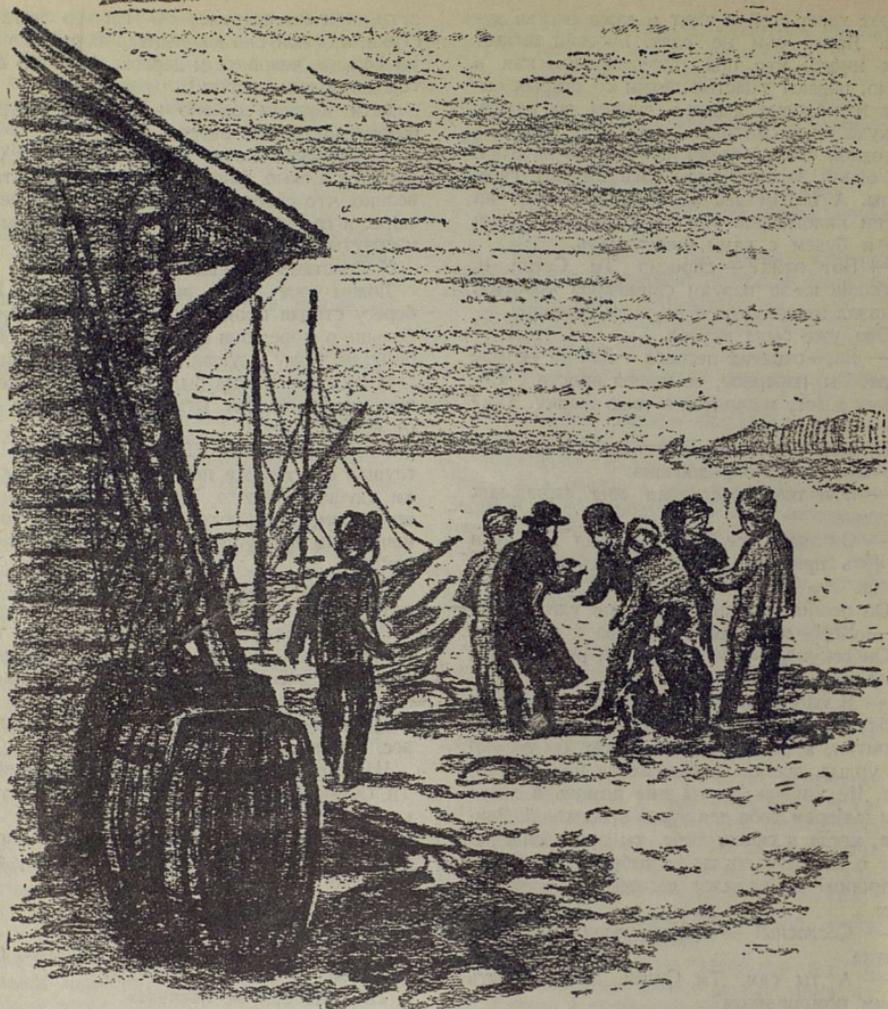
А Василий Васильевич Ни все не кончал уроков.

Когда же он кончил и Ти Суеви с Наткой прибежали на берег, там уже не было никого. Только три тяжелых воза с досками поднимались в гору, к лесу.

Ти Суеви и Натка тоже поднялись в гору и пошли за возами.

Далеко туча огибала мыс, острый и кривой, как рог.

Но солнце стояло над лесом. И он шумел навстречу Ти Суеви и Натке. Он был полон движения и голосов. Кричали скворцы над

На берегу стояли шкипера. И гость из города был среди них.

головой. Как мыши бегали в кустах сенькие птицы — завирушки. Рябчики клевали хвою.

А совсем недалеко слышалось свистение пил, треск и стук.

В лесу работали.

Вскоре Ти Суеви увидел людей. Они копали рвы. Женщины с ведрами ходили вокруг деревьев.

— Погляди-ка направо,— сказала Натка.

Ти Суеви посмотрел. Сизов и еще шесть красноармейцев стояли в ряд, быстро работая своими саперными лопатками.

Рыбаки, привыкшие только к парусам и к веслам, не попевали за ними. Но длинный, мелкий ров, очищенный от корней и травы, тянулся уже далеко.

— Здорово, Ти Суеви,— сказал Сизов. Он остановился, чтобы стереть с лица пот.

— Поздно, брат, пришел: мы уже кончаем. Окружили врага с четырех сторон.

— Как? — крикнул Ти Суеви. — Ведь мы пришли помочь!

— Видно, мала ваша помощь, молодцы, если без вас обошлись, — Сизов подмигнул Натке и снова взялся за лопату.

Ти Суеви, опустив голову, стоял, не трогаясь с места. Он был очень огорчен словами красноармейца Сизова.

Натка же смеялась.

Но где же лесовод? Ти Суеви долго искал его взглядом.

На лицах работавших людей, на тонкой траве, на мху лежали мельчайшие пятна света. Они как чешуя закрывали глаза. Нигде не было видно лесовода. Но неожиданно Ти Суеви заметил его совсем близко, рядом — он шел к нему, улыбаясь, весь в солнечных пятнах, будто одетый в панцырь. Шляпа его была вся в паутине. А в руке он нес ведро.

Ти Суеви шагнул ему навстречу.

— Мы пришли тебе помочь, — сказал он лесоводу.

Натка же заглянула в его ведро и спросила:

— Что тут?

— Тут гусеничный клей, — ответил лесовод.

Он сунул руку в ведро, набрал на щепку клею, похожего на расплавленный мед, и начал мазать по темному стволу старой ели, счистив с него лишай и мох.

Потом пошел к другой ели, к третьей и каждый ствол окружал смолистым и клейким кольцом.

Ти Суеви увидел, что то же самое делают и женщины, бродившие по лесу. Мужчины же клали доски на дно свежего рва и тоже мазали их клеем.

— А ну-ка, ребята, поднимите голову, послушайте, — сказал вдруг лесовод.

Ти Суеви и Натка прислушались.

Тихий звук, похожий на шум дождя, стоял в воздухе. Это падала подточенная гусеницами хвоя.

Вдруг над широкой лапой ели вспорхнул лесной конек и свистнул. И тотчас же несколько гусениц упало с ветки вниз, на мох, другие же повисли на паутине.

— Ты видишь, — сказал лесовод Ти Суеви, — они падают даже от полета маленькой птички, от голоса, от ветра, от дождя, и каждая из них хоть раз да свалится вниз, потом снова ползет вверх по стволу, чтоб добраться до хвои и листьев. Тут мы их и

ловим. Это клейкое кольцо они не переползут. Помощь ребят мне нужна для того, чтобы следить за ловушками. Приходите, счищайте с них паутину, хвою, мох — все, что может прилипнуть, чтобы гусеницы не могли переползти. А теперь давите их вот этой самой палкой: она смочена нефтью. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Ти Суеви и с остервенением начал палкой давить гусениц, скопившихся у края смоляной ловушки.

Натка же сказала:

— Нет, мне это противно.

Лесовод развел руками. А Ти Суеви с грустью отвернулся от Натки.

В это время из-за толстого кедра, из-за кучи сгнившего бурелома появилась женщина. Она шла по лесу, защищая глаза и лицо от ветвей. Она шла как слепая, вытянув руки вперед. И белый халат ее цеплялся за сухой валежник.

Ти Суеви узнал молодую сестру из колонии прокаженных.

Лицо ее было встревожено, шаг утомленный, одежда изорвана о сучки — видно, долго бродила она сегодня по лесу.

Сестра подошла и громко спросила:

— Не встретил ли кто здесь в тайге мальчика, одетого в синюю курьму? Сегодня ночью он убежал из колонии. Я ищу его целый день. Он безумный и болен проказой.

— Нет, — ответил лесовод. — Я всю ночь и утро провел в лесу и никого не видел.

Сестра пошла дальше, спрашивая у женщин, мазавших клеем деревья, у рыбаков, копавших рвы.

— Не видел ли кто мальчика, который как белка забирается на самые высокие деревья?

И так как она была из дома «Ленивой смерти», то рыбаки ее сторонились и отвечали ей издали: «Нет!»

Только красноармеец Сизов и старый Пак подошли к ней близко, воткнув свои лопаты в землю.

Но, видно, и они ничего не знали, хотя долго говорили с сестрой.

«Где же она будет искать его?» — с любопытством подумал Ти Суеви.

Он в эту минуту забыл о лесоводе, о Натке, о гусеницах. Он со страхом вспоминал этого безумного прокаженного мальчика, виденного им только раз в колонии.

Ти Суеви выглянул на дорогу.

Усталая от долгих поисков, тихо брела по ней сестра.

И рядом с ней, не боясь проказы, почти

касаясь рукавом ее одежды, шел лейтенант. Откуда он взялся тут, словно птица опустившись сразу на дорогу?

А по его следам, очень близко, тыкаясь носом в сапоги, бежала похожая на волка собака.

Ти Суеви был очень удивлен.

— Не тревожьтесь, — громко сказал лейтенант сестре. — Мы найдем вашего больного мальчика. С бабушкой его Лихибон мы поговорим сами.

Вдруг дождь упал на дорогу. Туча, огибавшая мыс, подошла уже к лесу. Холодный край ее коснулся солнца. Огромная тень шагнула по вершинам.

Ти Суеви услышал над головою величавый ропот лиственниц. Дождь усилился, запрыгали капли, стуча по корням и по щепню. По дороге пробежал с Сизовым Василий Васильевич Пак, тоже громко называвая имя Лихибон. Прошли окутанные дождем красноармейцы, и один из них сказал:

— Для собак это — гиблое дело. Замывает следы.

Потом все скрылось из глаз Ти Суеви: лейтенант, и сестра, и дрсга. Только ели одни выступали из ливня. С них как с утесов струилась вода.

Вскоре дождь ослабел, покосился от ветра, и низко, над самой дорогой, под дождем проплыл на длинных крыльях коршун.

Ти Суеви возвратился в лес, к Натке. Лесовода уж там не было. Накинув подолю на голову, женщины продолжали работать. А Натка неподвижно стояла под деревом, опустив руки. И даже рот ее был полон воды.

ГЛАВА VIII

Приближался, наконец, тот час, который назначил для своей лекции на заставе лесовод.

Однако никто в Большом Тазгоу его не видел: ни рыбаки, ни женщины, ни дети.

Но рыбаки рано вышли в море, а женщины с полудня собирали морскую капусту. И только дети с нетерпением ждали его все утро, играя на косе у бухты.

Как железо нагревался песок.

И ждать так долго было бы трудно детям, если бы с ними не играл океан; для них стучал он о камни скелетами морских ежей, для них покрывался маслом и сам поднимал над водою головы любопытных нерп. Наконец, для них загнал он в мелкую бухту большую стаю корюшки.

Тысячи рыбок с прозрачным бледным телом как иголы сновали туда и сюда.

— Они уйдут! — закричали дети.

— Они уйдут, Ти Суеви! — повторила Натка их крик.

И Ти Суеви вдруг вспомнил, что вчера его выбрали старшиной.

— Они не уйдут, — сказал он. — Принесите мне в лодку камень, веревку и бидон изпод бобового масла.

Дети принесли эти вещи и положили в лодку, где уже сидел Ти Суеви.

Он погрузил весла в воду и поплыл.

На середине бухточки, в том месте, где в море сбегал ручей, Ти Суеви остановился.

Он привязал камень к банке и осмотрел ее. Она была из новой жести, большая, в два ведра. Он бросил ее в море и, раздевшись, прыгнул за ней. Тяжелая вода раздалась под ним лишь немного. Она не пускала на дно. Он ударил ее головой, растолкал, назвал старой чертовкой и начал рыть ее как песок. С легким плеском море уступило мальчику. Вода, легонько сжимая его, проводила до самого дна. Ти Суеви открыл глаза. Банка стояла на самой струе ручья.

Ти Суеви немного послушал. Густой звук далеко тянулся в воде. Банка гудела прекрасно.

Тени серебряных корюшек прошли по рукам Ти Суеви и исчезли.

Бледные рыбки с огромными ртами остановились, не смея плыть дальше. Этот звук, похожий на хрипение дельфина, пугал их.

Ти Суеви поднялся наверх, блестя мокрым плечом. Он влез в лодку и поплыл назад, к берегу. Несколько женщин уже стояло там, наблюдая за стаей.

— Неплохо, — сказали они Ти Суеви, — теперь она постоит тут долго. Мешков тридцать можно посушить. Пусть только вернуться рыбаки.

Что мог им ответить Ти Суеви? Он сделал только то, что должен был сделать шкипер: вытер брызги с лица и посмотрел на солнце.

— О! — сказал недовольно Ти Суеви.

Он слишком долго провозился с корюшкой. Уже пора было идти на заставу.

Ти Суеви первый напомнил об этом всем детям и Натке, хотя еще со вчерашнего дня был на нее сердит. Она оказалась плохим помощником для лесовода — хуже чем самая старая женщина из Большого Тазгоу.

Дети уж неслица по каменной тропинке к заставе, шуриша средь дубовых кустов. А

Ти Суеви и Натка пошли по берегу моря. Она не любила взбираться на гору, по острым камням. Она любила ровные места, и Ти Суеви легко находил для нее и такие.

«Хорошо,—думал он, шагая за Наткой по тяжелому песку,—если б и старые женщины из Тазгоу послушали лесовода. Но кто же тогда разведет под котлами огонь?»

Рыбаков же сегодня не было. В море у трех скал, у Трех каменных братьев, снова появились ивасы. Еще на заре все шаланды вышли из Тазгоу. Только один ленивый Лимчико, как обычно, сидел на пристани и курил, собираясь отвезти на буксире пять пустых кунгасов.

— Не хочешь ли ты, — спросил он у Ти Суеви, — чтобы я отвез тебя с Наткой домой?

— Нет, — ответил Ти Суеви, — мы пойдем на заставу слушать, что скажет нам лесовод, приехавший из города. Ты не знаешь, Лимчико, где он? Я его нигде не видел.

Но Лимчико не ответил. Он только выпустил дым изо рта, так как даже сказать «не знаю» было ему лень.

Ти Суеви и Натка одни отправились на заставу. Они прошли поле, лежащее в долине, и подошли к яме, где недавно играли в камни, и тут постояли над ней.

— Поиграем, — сказала Натка.

Они заглянули в яму. Там было сыро после вчерашнего ливня, много камней обвалилось, и на дне ее, на влажной глине, виднелись следы толстых деревянных подошв, какие носят в Тазгоу только одни старухи.

— Кто-то тут был недавно, — сказал Ти Суеви.

— Не старуха ли это Лихибон? — заметила Натка. — Ей зачем-то нужны камни, которые я нашла здесь.

Натка вынула из кармана камешки, с которыми с тех пор не расставалась, и положила их на ладонь. Солнце ударило вдруг по кремню, и он заблестел, как соль.

— Быть может, это золото? — сказала она.

— Может быть.

Ти Суеви медленно закрыл глаза.

Он хотел представить себе эту яму, полную золота. Но не мог, так как никогда не видел его.

— Но если это — золото, — задумчиво добавил Ти Суеви, — то оно нужно нам самим, а не старухе Лихибон.

— Зачем нам золото? — спросила Натка.

— Мы купили бы много самолетов и танков для Красной армии, и сам Ворюшилов сказал бы нам: «Ирбо», Ти Суеви и Натка, — спасибо». Сказал бы, как ты думаешь?

— Сказал бы, — горячо подтвердила Натка.

А Ти Суеви продолжал мечтать:

— Я срыл бы горы, размолок бы камни в песок и в глину и сделал бы берег ровным.

— Зачем? — снова спросила Натка.

— Чтобы наши танки могли ходить повсюду. И я сделал бы еще что-то... Я посадил бы немного арбузов, — добавил вдруг смущенно Ти Суеви, так как в конце концов он был мирный человек.

Дети отошли от ямы, оба в большом волнении, и еще немного помечтали о золоте каждый про себя.

— Кто знает, что может стать с этой ямой, — сказала Натка, — ее бы надо было постеречь от этой старухи Лихибон.

— Надо, — ответил Ти Суеви, — мы покараулим ее вместе.

Натка подпрыгнула, чтобы поравняться с Ти Суеви, и долго шла с ним в ногу по дороге, пока шаги его, более проворные в ходьбе, не утомили ее.

На заставе, у открытых ворот, они увидели школьников. Те пришли раньше их и теперь сидели на траве тихо, опустившись по-корейски на корточки.

Смеха не было слышно вокруг. И тревога поселилась в сердце Ти Суеви.

— Разве лесовода еще нет? — спросил он.

— Нет, — ответили печально дети.

И тут никто его не видел, ни вчера вечером, ни утром, ни ночью. Красноармейцы пошли его искать.

Ти Суеви тоже опустился на корточки, прислонившись спиной к дереву, и задумался: «Куда же он мог деваться?»

Дети молча расходились, часто оглядываясь и медленно исчезая в дубовой рощице, за поворотом дороги. Жаль было покидать это место. Может быть, еще придет лесовод и покажет новую бабочку или принесет в кармане вместе с кучей хвои беличье гнездо. Кто знает, что может вдруг сделать веселый и добрый человек?

Но лесовод не приходил, и пусто было на заставе.

Неподвижно стоял у ворот часовой. неподвижно стояла трава вдоль дорожки, обложенной камнями, неподвижны были облака, серые как известь.

Дети разбрелись.

Ти Суеви даже не заметил, как вместе с детьми исчезла и Натка. Она ни слова не сказала ему.

Ти Суеви поднялся на ноги и долго стоял неподвижно, с огорчением думая о Натке.

Нет! Напрасна его дружба. Ничто не помогает: ни утиное яйцо, ни лесные орехи, ни даже золото, о котором они только что с Наткой мечтали. А ведь это и для нее хотел он размолоть камни в песок, сделать берег ровным и посадить в Тазгоу хоть немного арбузов.

Ти Суеви тяжело вздохнул. И снова замер, подчиняясь общей тишине. Она стояла вокруг, зоркая как птица. Так, без крика, поднимаются в небо орлы, если в море появляется сельдь.

Вдруг чья-то рука легла на плечо Ти Суеви. Сизов наклонился над ним. Он был в скатке с ружьем и как всегда дружески улыбался Ти Суеви.

— Что же ты, браток, не заходишь во двор? Личик по тебе сосучился.

Через плечо на ремне висел у Сизова бинокль, а на груди болталась коробка.

Эта глухая коробка, крытая черным дерматином, привлекла внимание Ти Суеви. Он молча смотрел на нее. И, зная обычай Ти Суеви ни о чем не спрашивать первым, Сизов сказал ему:

— Это фотографический аппарат. Я могу тебя снять. Входи.

И Ти Суеви вошел во двор. Давно уже не был он тут. Но все по-старому хрустел на дорожке песок. Слева пахло конюшней, а справа гудела тайга — должно быть, ветер внезапно ее посетил.

У старой вышки лежал свернувшись медвежонок Личик. Он по-собачьи, исподлобья посмотрел на Ти Суеви, не узнав его. Но потом вскочил и подкатился под ноги, урча. Он был рад другу.

Ти Суеви обнял его.

Сизов осторожно снял крышку с объектива. Шерсть стала дыбом на спине медвежонка. Он припал к земле, пополз, визжа как раненый.

— Вот дьявол! — сказал Сизов. — Ни за что не дает себя снять. Пуще ножа боится аппарата. Подержи его, Ти Суеви, покрепче. Я вас обоих сниму.

Но и Ти Суеви, хотя имел сердце более храброе чем Личик, тоже немного боялся. Его не снимали еще никогда.

Медвежонок, словно понимая Ти Суеви, обращал к нему полный жалобы взгляд.

— А-ай, а-ай! — два раза крикнул медвежонок.

Ти Суеви погладил его нетвердой рукой. Сизов нацелился.

— А-ай! — крикнул еще раз Личик и, вырвавшись из рук Ти Суеви, бросился вдрут на старую деревянную вышку.

Доски заскрипели под ним. Древесная плесень упала ввиз на траву, на лицо Ти Суеви, обращенное вверх.

Медвежонок был ловок.

— Теперь доставай его, — с сокрушением сказал Сизов. Он был недоволен своей шуткой.

Ти Суеви вытер туфли о землю. Он помахал руками, чтобы придать им гибкость. Так делал он всегда, прежде чем влезать на кедр.

Гнилые ступени подались под ногой Ти Суеви. Он схватился руками за доски. И еще раз посмотрел вверх. Над самой вышкой пропльвало облако. Но оно казалось неподвижным, а плыла накрепкая вышка. Ти Суеви тихонько смеялся над этим жалким обманом. Он лез все выше. Руки его стали желтыми от раздавленных мхов. Уже близко верхушка, где сквозь сгнившие доски светило чистое небо.

На досках сидел Личик. Он не боялся. Он смотрел сверху на тайгу.

И Ти Суеви тоже огляделся вокруг с любопытством. Он увидел леса, с земли он никогда их не видел такими. Они клубились по сопкам как тучи, они качались будто туман. Но воздух был прозрачен над ними. Океан поднимался вверх, к горизонту, и край его казался выше гор.

Ти Суеви отверг глаза. Теперь перед ним был весь Тазгоу. Вот школа, вот поле, вот пять высоких скал. Где же тут Натка?

Ти Суеви повернул голову в другую сторону. Теперь он увидел дорогу. Она выбегала из леса и падала в море, как река. Из глубины тайги вышли на дорогу два красноармейца. Они несли кого-то на руках. По дороге скакал всадник. Стук копыт был хорошо слышен, как удары дятла, долбившего за забором сосну.

«На заставе всегда тревожно», — подумал Ти Суеви.

Он хотел уже спускаться, забыв о медвежонке. Вдруг взгляд его остановился на

...Сизов уже сидел на перекладине, рядом с Ти Суеви, держа у глаз бинокль.

знакомой лиственнице. Он знал ее: она была выше всех елей — орлы отдыхали на ней.

Две птицы кружились теперь над ее разлапой вершиной, не решаясь присесть. Кто-то мешал им. Птицы громко кричали кружась.

Ти Суеви был зорек, но долго смотрел, притаившись, пока вдруг неожиданно не

увидел среди голубой и зеленой хвои темное пятно. Человек сидел на лиственнице, на самой верхушке ее.

Тогда, волнуясь, Ти Суеви крикнул вниз Сизову:

— Посмотри! Высоко на дереве человек. Не мальчик ли это из дома «Ленивой смерти»? Ведь только он умеет так хорошо влезать на деревья.

И поманил Сизова рукой к себе.

Ти Суеви никогда не поверил бы раньше, что человек в тяжелых сапогах и с ружьем мог так быстро взобраться на эту старую, гнилую вышку, сколоченную ржавыми гвоздями.

Но Сизов уже сидел на перекладине, рядом с Ти Суеви, держа у глаз бинокль.

Сизов не шевелился. Все тело его было настроено чутко к каждому предмету и звуку. Казалось, шопот тайги до самого неба наполнил весь воздух. Но ветер не туманил его, солнце не било в стекла бинокля. До горизонта простиралась прозрачность, и лиственница была видна хорошо.

Кто-то сидел на ней, чуть прислонившись к толстой ветке. Да, это был мальчик в синей курьме.

Сизов секунду—две смотрел на его лицо, казавшееся издали темным, как кора. Потом опустил взгляд на плечи, на руки, тонкие, как лапки паука, и вдруг замер. Человек рисовал, то опуская, то поднимая голову от бумаги, лежавшей у него на колене.

«Шпион!» — мелькнула догадка в голове Сизова, и он стал медленно поднимать винтовку.

В это время в ворота заставы промчался всадник. Это был лейтенант.

— Лесовод убит в лесу,—сказал он, соскочив с коня прямо на крыльцо заставы.

И тотчас же раздался стук оружия, на который сердце Ти Суеви ответило таким же тяжелым стуком.

В это же мгновенье Сизов тихо, чуть слышно свистнул. До Ти Суеви снизу доносился легкий звон. Это звякнула шпора у лейтенанта. Он подбежал к вышке и поднял к Сизову глаза.

— Что заметил?—спросил лейтенант.

Но разговор его с Сизовым был для Ти Суеви непонятен.

Сизов сказал:

— На четвертом квадрате, восточнее высоты номер десять, на вершине отдельного дерева — человек. В руках у него бумага. Он снимает местность. Скрыт от дозора вехушкой елового леса.

И секунду спустя Сизов продолжал:

— Нарушитель заметил нас. Притаился. Он начал спускаться, товарищ лейтенант. — Успеет дозор добежать? — быстро спросил лейтенант.

— Нет, вдоль и поперек местность сильно пересеченная, гиблая местность, товарищ лейтенант.

— Легким ранением в ногу лишить неизвестного возможности скрыться, — приказал лейтенант, — учесть поправку на ветер!

Сизов посмотрел вниз, на траву. Ветер прижимал ее к земле. Он взглянул на осину, росшую у дома. Светлая листва ее кипела.

Ветер был средний.

Сизов прицелился.

Эхо выстрела прокатилось по щебню дороги, по камню, по еловому лесу, отдалось на скалистом берегу.

Оно не успело заглухнуть. Из ворот выбегали красноармейцы. Сизов уже был на земле. Облако древесной пыли вместе с ним опустилось на траву. И когда Ти Суеви слез с вышки, во дворе уже было пусто. Он бросился в лес, вслед за Сизовым.

И справа и слева под шагами красноармейцев скрипела трава.

Сизов мелькал впереди. Ти Суеви догнал его и помчался рядом. Сизов бежал без малейшего звука. Сапоги его не скользили. Ружье не стучало; как живые существа расступались перед ним кусты.

Пересекли крутую тропинку. Среди редких стволов уже сквозил океан. Показалось открытое место. Из Тазгоу, как красноармейцы, цепью бежали по берегу рыбаки. Они только что вернулись с моря. Их тяжелая обувь из резины блестела на песке. Бежал учитель Василий Васильевич Ни, бежал председатель колхоза Пак, легко толкая вперед свое старое тело. Из-за прикритый выбегали часовые.

И край этот, черный от хвойных лесов, прежде казавшийся Ти Суеви пустынным, вдруг ожил.

Ти Суеви остановился, задыхаясь.

«Как много их!» — с изумлением подумал он, глядя на людей, цепью окружавших лес.

А Ти Суеви-то казалось, что он один стережет и любит его.

— Стой! — сказал Сизов. — Теперь не уйти ему никуда. Разве только в эту трубу.

И он указал на узкую долину, запроможденную острыми камнями. Она сбегала к морю, к скалам, висящим над самым прибоем. Кустарник вечно шумел в ней как вода.

Ти Суеви узнал это место. Еще недавно они проходили здесь с Наткой. Сизов начал спускаться, держась в тени, падавшей от крутого склона. Ти Суеви шел позади.

Обогнув обломок скалы, они увидели внизу человека. Он прятался за камни и лишь изредка вставал и бежал, припадая на одну ногу. Иногда же он глядел через плечо назад.

Сизов и Ти Суеви бросились вниз, сквозь кусты. Они прыгали с камня на камень, не заботясь больше о тишине.

Они были уже близко. Человек их заметил. Он круто повернул направо и, хромя, побежал к морю, к скалам, висевшим над самым прибоем, словно собираясь исчезнуть в нем. Он пробежал уже в поле и поровнялся с ямой, откуда брали глину для стен. Вдруг из ямы поднялась Натка.

Ти Суеви в изумлении стал. Он увидел, как Натка упала на землю, под самые ноги бегущему. Человек взмахнул руками, рукава курьмы его раскинулись в стороны. Он тоже упал, оставшись неподвижным. Натка же поднялась на ноги. Несколько мгновений стояла она на краю ямы, качаясь, как задетая птицей ветка. Потом начала падать на спину.

Ти Суеви закричал.

А Сизов уже стоял над человеком, держа наготове ружье.

С другой стороны долины в разлогое устье ее вбежали люди.

Человек лежал на боку. Глаза его были закрыты, голова рассечена камнем, и синяя курьма разорвана во многих местах. Он тяжело дышал.

— Не трогай его! — закричал Ти Суеви, подбегая. Он узнал прокаженного мальчика. — Не трогай его! Он прокаженный.

— Прокаженный? — сказал Сизов, нахмурившись. Он не спускал глаз с человека, лежащего на земле. — Разве ты видел его?

— Я видел его. Это внук старухи Лихибон. Он болен проказой.

— Проказой? — снова повторил Сизов, хмурясь еще больше. И, быстро нагнувшись, повернул вверх голову прокаженного.

Он разжал ему зубы, засунул пальцы в рот и вынул куски еще не разжеванной прочной и тончайшей японской бумаги.

— Плакала старуха твоя Лихибон, — сказал Сизов, расправив мокрые бумажки на ладони.

Подошли лейтенант и красноармеец. Рыбаки окружили их.

Присев на корточки, лейтенант ощупал прокаженного. Он потрогал его голову, плечи и бедра, когда же коснулся левой ноги, мальчик слегка застонал. Но глаз не открыл.

— Молодец снайпер Сизов! — сказал лейтенант. — Задание выполнено точно.

Он снял с мальчика рваную курьму и обнажил его грудь. Это была грудь мужчины, широкая, в мускулах. Следов проказы не было видно на ней. Но на шее, чуть повыше плеча, что-то белело.

Лейтенант, взглядевшись, сказал с удивлением:

— Бабочка.

И верно. Ночная бабочка-монашенка, еле волоча свое толстое тело, медленно ползла по шее, темной и шершавой как ствол. Откуда взялась она тут? Должно быть, сидела, забившись в темные складки курьмы, брошенной возле.

Лейтенант отдал бабочку Паку. Тот посадил ее к себе на палец, и Ти Суеви и все рыбаки узнали бабочку, которую показывал им вчера лесовод. На спинке ее вместо двух черных пятен они насчитали шесть, подкрылья ее были стяннуты шелковинкой, и шелковинка еще цела.

— Это он убил лесовода! — с отчаянием крикнул Ти Суеви, и слезы потекли из-под его толстых век.

Рыбаки, огромные в своей одежде, всегда влажной от морского тумана, двинулись вдруг плотно, подошли. Их тяжелая обувь, казалось, раздавит сейчас человека, растянувшегося на камнях как змея. Они молчали, но гнев качал их как океан.

Лейтенант остановил их взглядом. Он нагнулся и поднял с земли нож — короткий и широкий нож, каким маньчжурские гольды убивают оленей.

Человек открыл глаза и сел.

— Не троньте меня, — сказал он по-русски, — я прокаженный.

Но никто не подался назад.

Лейтенант сказал:

— Я давно ищу вас, господин майор Исикава Санджи Маленький. Вы так же безумны и больны проказой, как и я.

Майор огляделся.

Красноармейцы, рыбаки, часовые люди вокруг молча. Взгляды их были суровы, зубы стиснуты крепко.

И лицо майора, крошечное, плоское, посерело вдруг, будто покрылось пеленой.

Он встал. Часовые взяли его под руки. Лейтенант пошел вперед.

— А где же Натка? — спросил Сизов у Пака. В пылу погони он забыл о ней. Ведь это же она первая задержала шпиона. — Где же Натка?

Сизов искал глазами Ти Суеви.

— Не троньте меня, — сказал человек по-русски, — я прокаженный.

Но Ти Суеви уже давно не было в толпе. Сизов заглянул в яму. На дне ее по-корейски, на корточках, сидел Ти Суеви и плакал. Натка же сидела, прислонившись спиной к стене.

Голова ее была запрокинута, лоб и щеки в царапинах. Веки сомкнуты плотно.

Сизов спрыгнул вниз. И снова втроем очутились они в этой яме, откуда брали глину для стен.

— Он убил ее! — сказал Ти Суеви, плача.

— Нет, — ответил Сизов. — Она только сильно ушиблась. Беги скорей за водой.

И Ти Суеви понесся к утесу, где из красного камня всегда сочила вода.

И пока он нес ее в шапке, ветер, дувший в долину с моря, высушил слезы, горевшие на глазах Ти Суеви.

Сизов смыл кровь с лица Натки и положил на ее лоб мокрый платок.

Она очнулась и посмотрела вокруг. Но еще мутен был ее взгляд.

Тогда Ти Суеви зачерпнул немного воды, дал ей из горсти напиток. И глаза ее стали снова блестеть как два влажных камешка.

— Поймали его? — спросила она.

— А как же! Поймали. От нас он не уйдет, — ответил Сизов и подложил руку под затылок Натки. — А тебе не больно нигде?

Натка покачала головой.

— Нет, он только хотел ударить меня ножом, но промахнулся. Я очень боялась, что он убежит. И я сделала так, как учил меня Ти Суеви.

— Ловко! — сказал с одобрением Сизов. — Но что же ты делала тут, в яме?

— Я стерегла золото от старухи Лихибон, у которой внук болен проказой.

— Золото? — спросил Сизов у Ти Суеви.

Тот не ответил, изумленный бесстрашием Натки. Так вот зачем ушла она, оставив его одного на заставе. Но ведь она так боялась проказы и этой старухи Лихибон.

— Он вовсе не болен проказой, — сказал Ти Суеви.

Натка не слушала его.

— Да, золото, — повторила она и протянула Сизову руку, крепко сжатую в кулак. Сизов осторожно разжал ее пальцы.

На подставленную ладонь его упали пять камешков: два белых и гладких из кварца,

два черных и круглых из шпата и один желтый, блестящий кое-где.

Сизов поднес его к глазам.

— Не зря тут старуха путается,— сказал он задумчиво.— На золото непохоже, но металл обязательно есть.

Сизов поднял Натку на ноги и сказал ей:

— Спасибо.

Потом, как взрослому, подал Ти Суеви руку и тоже сказал:

— Спасибо.

Ти Суеви молчал. Толстые губы его были раскрыты, сердце переполнено: радость волновала его. Хорошее слово «спасибо»!

Пусть сказал его только простой стрелок Сизов, но зато он знает травы и камни и умеет подражать крику многих птиц в лесу.

И, не зная, что ответить Сизову, Ти Суеви схватил Натку за руки и вынес ее из ямы.

Сизов удивился силе его рук и плеч.

— Стой,— сказал он,— что ты делаешь? Давай я отнесу.

Но Натка вдруг встала сама и пошла. Ноги держали ее крепко и несли ее тело легко.

Натка рассмеялась.

Рассмеялся и Сизов.

— Ну, вот,— сказал он,— мы снова живы.

И пока дети шли вдоль поля по тропинке к морю, он все стоял на краю ямы и долго смотрел им вслед.

Дети уже были далеко. Они обернулись.

Сизов возвращался на заставу.

Узкая долина поднималась вверх без уступов. Заходило солнце. Не кричали птицы. Бесшумно взбегали на сопку черные еловые леса.

Неужели здесь, в этой необычайной тишине, происходила страшная погоня?

Ти Суеви думал об этом, осторожно шагая вслед за Наткой.

Да, здесь. Лицо ее распухло, и на руках еще свежи были царапины, и собственные туфли Ти Суеви пробиты камнями наскольз — из них торчит солома.

— Хорошо, что его поймали,— сказал Ти Суеви.— Ведь это внук Лихибон, он не

мальчик, не сумасшедший и вовсе не болен проказой. Он шпион.

Натка молчала.

Она шла медленно, прислушиваясь и словно ожидая, не покажется ли снова враг. Но кругом было тихо. И только издали доносилось слабое шипение океана.

Ти Суеви тронул Натку за плечо.

— Ты слышишь: внук Лихибон не был болен проказой,— повторил он.

И как всегда, Натка ответила не так, как ожидал Ти Суеви. Но она сказала то, чего он так сильно желал.

— Хорошо тут у вас жить, Ти Суеви,— вдруг сказала она.

Он посмотрел ей в лицо.

Она говорила правду.

Тогда Ти Суеви опустил глаза к земле. Он улыбнулся. Он взял руку Натки в свою и снова оставил, чтобы забежать вперед и отшвырнуть ногой несколько острых камней, лежавших на ее дороге.

Они вышли на берег.

Навстречу им из Тазгоу шла с красноармейцем Лихибон. Деревянные башмаки ее стучали по гальке, жесткие волосы поднимали на голове платок и развевались по ветру, страшные как у мертвеца.

Она уже не собирала ни камней, ни молдой крапивы. И даже тонкая морская трава, даже морская капуста, выброшенная волною на берег, не привлекала ее внимания.

Она прошла близко, посмотрев на Ти Суеви мутным взором.

Он запел веселую песенку. А это вовсе не то, что следует делать, когда встречаешь на дороге старух.

Дети двинулись дальше по берегу, к бухте. Они шли, а у ног их, как на цепях, качался и тихонько скрипел океан.

Ворчал прибой, катаясь по твердому песку, журнал на гравии, ворочался меж высоких и низких скал.

И, шагая вдоль границы прибоя, Ти Суеви думал о том, что теперь, пожалуй, ему не придется разводиться в Тазгоу арбузы, если Натке и без них здесь жить хорошо.

Вук Стойович

Радуле Стиенский

Перевел с сербского А. Штейнберг

Рис. Ю. Кискачи

— Горе мне, одинокому юнаку!
Горе мне, неимущему бродяге!
Кто поможет беде моей великой,
Кто меня обогреет и накормит?
Закатилось лето, словно солнце,
Закатилась меднокрасная осень,
Облетели гранатовые рощи,
На альпийских лугах истлели травы.
Ветер вытоптал цветы полевые,
Разметали дожди листву шелковицы,
И снега засеребрились, как седины,
На висках базальтовых утесов.
Эй, зима! Уйми нетерпенье!
Погоди недельку, другую!
Дай последний раз налюбоваться
Ярым блеском неба голубого!
Горе мне, одинокому юнаку!
Горе мне, неимущему бродяге!
Кто поможет беде моей великой,
Кто меня обогреет и накормит?..

...Так взмолился бедный Вук Стойович,
Так взмолился храбрый Вук Стойович,
Самый жалкий, самый бесприютный
Изо всех юнаков черногорских.
Но зима пощады не знает,
Не дает Стойовичу отсрочки,

Как чихнет на него колючим снегом!
Как дохнет на него морозом жгучим!
Тут юнак подпрыгнул выше дуба,
Бельми зубами защелкал
И помчался, словно угорелый,
К своему укромному жилищу.
А жилище его не из обычных!
Находилось оно в ущелье горном,
Там росла дуплистая липа
От времен великого Немани.
В ней обосновался Вук Стойович.
Он кору прогнившую расчистил,
Выстлал днище листьями сухими,
Перед входом сложил очаг из камня,
Вместо двери повесил козью шкуру.
Тесновато, но зато уютно!

В те далеки годы Вук Стойович
Не был так дороден, как сегодня.
Вы б его никогда не узнали,
Если б с ним довелось вам повстречаться.
Он тогда был худым и поджарым,
Тощим, словно собака борзая,
Долговязые вуковы ноги
Походили на стебли кукурузы,
Руки изможденные болтались,
Словно мачты, сложенные бурей,

Ребра выпирали, как сабли,
Из спины торчали лопатки,
И, подобно кожуре лимона,
Золотились голодные скулы.

В те далеки годы Вук Стойович
Был нуждою дочиста обглодан;
Занимался он тогда охотой,
По лесам бродил, стуча костями.
Но смеялись над ним лесные звери,
Издавались волки и медведи,
Барсуки, лисицы и зайцы
Хохотали, сколько было силы.
Потому над ним смеялись звери,
Что его джефердар допотопный
На сто выстрелов, по меньшей мере,
Девяносто девять раз осекался.
Оттого и голодал бедняга,
Оттого и пустовала сумка,
У кострища не жарилась ди-

Шкуры не лежали на постели.

Не было у Вука ни подружки,
Ни детей румяных и веселых,

Ни козы, ни овцы, ни коровы,

Ни собаки, ни кошки пышнохвостой.

И бежал он без радости к жилищу,

К старой липе, что росла в ущелье.

Добежал до липы и увидел,
Что судьба его снова лягнула.

Он увидел, что дуплистая липа
Повалилась поперек ущелья,

Высоко взметнув густые корни,
Низко опрокинув чашу веток;

И ему укрыться больше негде
От побоев злобного ветра.

И пошел, понурясь, Вук Стойович,
Прочь пошел от разоренного жилища,

Он пошел искать по свету счастья
Или смерти быстрой и легкой.

Загремел на небе гром гремящий,
Зашипели молнии, как змеи,

И подула свирепая Мечава,
Сотрясая горы и долины.

Покатились камни и деревья,
Вдоль хребтов скользнули лавины,

Словно свечи, погасли звезды,
Вздулись реки, и Ядран взбесился.

Звери спрятались в берлоги и норы,
Люди в каменных хижинах укрылись,

И луна, побледнев от испуга,

В теплые закуталась тучи.
Вук Стойович бредет по черным тропам,
Еле-еле ноги волочит,
Падает в крутые овраги,
Натыкается на сосны и ели.
И нашел случайно Вук Стойович
На скалистой вершине Орелуки
Узкий лаз между камней огромных.
Он проник в пещеру, ударя
О кремень своим стальным огнивом,
И увидел жерло второй пещеры,
Миновал ее, увидел третью,
Вслед за третьей — четвертая, а дальше —
Пятая, шестая и седьмая,
За седьмой восьмая, за восьмой
Следует девятая пещера.
Вук Стойович снова искру выск
И увидел великое чудо:
Оторвалась искра от огнива,

Как пчела, к потолку взлетела,
И девятая, последняя пещера
Озарилась трепещущим светом.
Вук Стойович глаза протирает,
Крепко трет обеими руками,
С места сдвинуться никак не может,
Как прикованный, стоит и смотрит.
Перед ним обширные покои,
Убранные, как чертот падишаха;
Сто колонн из янтара морского
Подпирают лазоревые своды,
Устлан пол иранскими коврами,
Стены затканы шерстью и шолком,
Посреди палаты — стол накрытый
Золотою скатертью парчовой,
На столе серебряное блюдо,
А на блюде — мраморная змейка,
Вместо глаз два черных алмаза,
И травинка в пасти вместо жала.
Справа от стола очаг богатый,
Сложенный из глыб малахита,
Золотой котел над ним свисает
На цепях из золота литого,

А в котле драгоценные камни:
Аметисты, рубины, сапфиры,
Изумруды, алые гранаты,
Полновесный жемчуг восточный
И топазы, огромные, как дыни.
У костра, на бархатной подушке,
Жирный кот с черной длинной шерстью.
Слева от стола — большая груда
Всех плодов, какие есть на свете.
Были здесь я яблоки, и груши,
Апельсины, сливы, ананасы,
Голубые кисти винограда,
Айва и многое другое.
В этом ворохе плодов душистых
Исполинские торчали гусли,
Книзу грифом, корпусом вверх,
А на гусях сидел носатый ворон:
Левой лапой он вцепился в гусли,
В правой лапе держал сухую палку,
Неприглядный посох чабанский.
Поглядел на Вука хитрый ворон
И прокаркал голосом хриплым:
— Десять тысяч лет и две недели
Стерегу я здесь чужое счастье,
Счастье одного черногорца,
Некоего Стойовича Вука...
Вук Стойович радостно воскликнул:
— Я и есть известный Вук Стойович!
Отдавай скорей мое счастье,
А нето тебе придется худо!

Засмеялся ворон черствым смехом:
— Ишь какой ты проворный да шустрый!
Разве можно такое богатство

Отдавать любому проходимцу?
Докажи-ка мне, что ты Стойович,
И бери свое счастье по праву,
Думаешь, мне очень приятно
Десять тысяч лет и две недели
Сторожить от разных проходимцев
Столько удивительных предметов?
Докажи-ка мне, что ты Стойович,
А нето убирайся обратно,
Уходи по добру, по здоровью!

Обмелел от злости Вук Стойович,
Всканул джефердар, направил
В сердце птицы и накал собачку...
Но его джефердар окающий,
По привычке данней, осекся.
Засмеялся ворон, щелкнул клювом,
Трижды крыльями взмахнул и молвил:
— Будь здоров, незадачливый нищий!
Будь здоров, назойливый бродяга!
Ты стреляешь изрядно, спора нету,
Может быть, ты мне спляшешь на потеху?
Тут совсем взъярился Вук Стойович,
Шваркнул об пол изменившим джеферда-
ром,

Скинул прочь заплатанную струку,
Стал бороться с вороном ехидным,
Стал душить его голыми руками.

Воев вьюга в гранитных ущельях,
Снег заносит боры и дубравы,
Гнуты вековые деревья,
Замерзают быстрые реки.
Небо сизыми тучами одето,
Ни одна звезда не проглянет,
Овцы жмутся в кошарах друг к дружке,
Люди греют руки над кострами.
А внизу, в подземной пещере,
Бьются насмерть человек и птица.
Десять тысяч лет и две недели
Продолжается лютое сражение.
Наконец, Стойович изловчился
И подставил ворону ногу,
Повалил его, наступил на сердце,
Вынул нож и горло перерезал,
Подобрал с ковра сухую палку,
Неприглядный посох чабанский
И ударил посохом чабанским
Издыхающую птицу по макушке —
И мгновенно ворон обернулся
Черноусым войводом усатым,
В черной струке, в черной долине,
Плавающим в луже черной крови.
И ударил змейку Вук Стойович
Неприглядным посохом чабанским,
Он по голове ее ударил,
Между глаз ударил алмазных —

Рассказ Ивана Новикова

Рис. П. Митурича

...Свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства, жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался...

(Из письма А. С. Пушкина к брату Льву)

Пушкин проснулся и не мог сразу понять, где он находится. Он все не привык еще к новым местам.

Ему только что снилось: сначала военный бриг под парусами, на котором шли сюда целую ночь из Феодосии; сильно качало, и он едва с палубы не остушился. Но потом оказалось, что он совсем не на море и не остушился, а благополучно стоит на берегу пруда в ландшафтном саду, а это потешный Видльгельм Кюхельбекер бросился топиться в пруду, где и дышлонок, пожалуй, не утонул бы. Невольно представилась ему сейчас и вся давняя эта история, как шалун Малиновский опрокинул над головой задумавшегося Кюхли полную тарелку супу и тот от потрясения свалился в горячке, а потом, убежав из больницы, винулся в грязную лужу и как оттуда его извлекли...

«Приснится же этакое!—подумал Пушкин.—Верно, от близости моря».

И с радостью он ощутил себя далеко от Петербурга.

В комнате окна были открыты и не занавешены. Теплая августовская ночь стояла в саду и над морем. Звезды, ныряя, выскакивая, как бы плескались в зыбкой листве колеблемых ветром деревьев. Но колебание это было беззвучно и мягко, и тишина нарушалась лишь волнами, неподалеку бившими в берег. Пушкин любил этот ровный шум моря и готов был его слушать часами. Так хорошо под эти размеренные звуки лежа думать и твердить возникавшие в нем легкие строки: рифмы и ночью не оставляли Пушкина. Зажегши свечу у изголовья, а то и в темноте набрасывал он короткие полуслова, чтобы их днем восстановить, отгадать.

Памятной ночью на бриге, когда и Равевские еще не ложились, ходил он по палубе и шептал про себя строки элегии, порой встречая полусонный уже, но все еще внимательный и любопытствующий черный глазок следившей за ним смуглой Марии. Скоро, однако, и сам генерал, и сын Николай, все еще жаловав-

пийся на поврежденную ногу, и обе девочки — Мария и Соия, — и компаньонка-татарка, крестница генерала Раевского, и состоящая при девочках англичанка — мисс Мятен, — и русская няня — все мирно уснули; всех убавокала морская волна. И, наконец-то, Пушкин остался наедине — с морем, с собою.

На огромных своих парусах, как бы на крыльях, летел через мглу быстрый и легкий корабль, оставляя прошлое все позади.

*«Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отечески края...»*

Однако же вся недолгая, но уже бурная жизнь настигала Пушкина своей печалью, томлением, неудовлетворенностью. И мощное как море волнение все сильнее охватывало беспокойного юношу. Он ходил и ходил по засыпавшей, то поднимавшейся, то опускавшейся палубе, вдыхая морской солоноватый воздух ночи, ощущая порой на лице свежие брызги, — и на устах рождались стихи. Как волны ложились они широко и плавно, и дружные рифмы набегали одна на другую. Это была музыка моря:

*«Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый
океан».*

Так он сердцем прощался с покидаемым прошлым, а окрыленный корабль уносил его в ночной этой мгле — под мерцанием звезд — мимо дремлющих гор, подернутых сизою дымкой тумана, в иную, неведомую страну.

Пушкин потянулся было, но сон на сей раз сладко его поманил. К тому же и Николай на соседней кровати, закинувши руки за голову, так мирно посапывал, что и он быстро поджал под себя ноги и незаметно уснул молодым крепким сном: в новой стране было ему хорошо.

Дом Ришелье, не так давно им построенный и предоставленный гостеприимно генералу Раевскому и всей семье его, стоял недалеко от моря. Главный фасад его выходил, однакож, в сторону гор, где был расположен и сад. Весь дом состоял

из одного этажа да еще одной большой комнаты-кабинета сверху, под чердаком; там Пушкин и поместился вдвоем с младшим Раевским. В нем, собственно, нужно было расположиться самому генералу: комната эта была значительно больше тех, что внизу, но лестница вверх была очень узка и пролезать по ней надобно было с трудом. Сын Николай, невзвирал на поврежденную свою ногу, отцу не позволил туда подниматься. Правду сказать, Николаю Николаевичу старшему трудно было чего-нибудь не позволить: был он мягок и обходителен, но держал весь дом и домашних крепкой рукой. Однако же он оценил доброе чувство сына и уступил ему, оставшись внизу. Да и покойнее было в маленькой угловой: все же один.

Была такая же угловая комнатка и по другую сторону дома да еще две побольше. Там потеснились теперь Раевская-мать, приехавшая сюда раньше и ожидавшая их со старшими двумя дочерьми — Екатериной и Еленой.

Утром Пушкин проснулся раньше Раевского. Не одеваясь, он подбежал прямо к окну. Горы дышали еще далекой ночной росой. Солнце только что глянуло справа из-за гряды высоких холмов, на востоке опускавшихся к морю. Легкий дымок вился уже из трубы маленькой кухни. Дворник-татарин нес воду и ведро для умывания господ. Но Пушкин любил после сна — сразу же в море.

Так и сейчас он потянулся было уже за одеждой, но взор его упал на тетрадь, которую с вечера так и забыл на столе. Там было написано посредине страницы:

КАВКАЗ

поэма

1820

И пометка внизу:

Юрзуф... Августа

Перевернув страницу, он увидел эпиграф из гётева «Фауста»:

«*gieb meine Jugend mir zurück*»¹.

Да, да, кавказская эта поэма была вся о тех чувствах и думах, которыми была исполнена его юность! Он считал это время уже отошедшим, но и сейчас разве не был он молод? И, быть может, моложе чем когда-либо до сих пор? Невольно он улыбнулся и стал пробегать глазами начало поэмы:

¹ «Отдай мне назад мою молодость».

*«Один в глуши Кавказских гор
Покрытый буркой боевою
Черкес над шумною рекою
В кустах таился. Жадный взор
Он устремлял на путь далекой,
Булатной шашкою сверкал
И грозно в тишине глубокой
Своей добычи ожидал».*

Вся эта поэма о русском юноше, попавшем в плен к горцам, и о любви к нему прелестной черкешенки, чем дальше он удалялся от Кавказа, тем больше ему прояснялась и требовала себе тем настоятельнее и дум и творческих сил.

Пушкин уже было тронул и огрызок пера, но Раевский проснулся и, опершись о локот, глядел на товарища, как бы соображая со сна, где это он очутился и кто там у стола.

— Ты уже встал, Александр? Рано еще.

— Рано, так спи.

— Ох-хо-хо!— потянулся Раевский всем своим могучим телом, так что жалкая кровать под ним застонала.— Нет, уж видно вставать. Купаться пойдем?

— Да, я только собрался.

— Коли б не нога эта проклятая, хорошо бы верхом.

И они принялись оживленно болтать, как болтали каждое утро.

Захватив полотенца, они вышли на воздух. Дворовые псы, уже привыкшие к ним, терлись о их колени. Гравий скрипел под ногами. Под окнами девушек Пушкин заметил клочок изорванной бумаги. Невольно он наклонился и их подобрал.

— Это Елена,— сказал, заглянув на черк, Раевский; писано было по-французски.

— Надо отдать,— сказал Пушкин и покраснел,— может быть, это письмо?

— Когда бы письмо, не стала б кидать. Дай-ка сюда! Ну так и есть: это из Байрона, а то из Вальтер Скотта,— и он протянул рукопись обратно Пушкину.— Ну, а как твой «Кавказ»?

— Так она переводит?

— Ты ей не вздумай сказать! Это она потихоньку.

Пушкин бережно спрятал листки.

В кабинете, где оба они помещались, в первый же день он основательно перебрал остатки небольшой библиотеки. Там, среди груды книг, сваленных прямо в угол, попались ему разрозненные томники давнего его любимца Вольтера, был там

и Вальтер Скотт. «Так она переводит... Посмотрим, посмотрим!»

Утренняя вода была в море прохладна, и с великим наслаждением Пушкин кинулся прямо в воду. Большая нога мешала Раевскому, и он окунался только у берега.

Пушкин отплыл, однако же, недалеко: он не был сильным пловцом. Обернувшись назад и отдувая впереди себя воду, он видел теперь привычную уже, но каждый раз по-новому свежую панораму гор и долины с пышной их зеленью, еще не тронутой дыханием позднего августа. Татарские редкие домики почти совершенно сливались с землей, и, соседствуя с ними, дом Ришелье казался настоящим дворцом.

— Прощай, Николай! — крикнул он по направлению к берегу и, вскинув руки и изогнув братую голову, нырнул.

Пушкин это редко себе позволял и не очень умел. Крикнув еще раз, уже над самой водой: «Прощай, Николай!» — он едва не захлебнулся. Вода ударила в нос, и он под водою закашлялся. Мутные опаловые пузырьки поднимались у него перед глазами. Не было неба, не видно земли, в правой ноге дрогнула какая-то жилка; это мешало ему сделать усилие — выпрыгнуть...

Раевский глядел, стоя у берега, и уже начал тревожиться. Он ступил еще в воду и попробовал плыть. Но едва он сделал несколько взмахов руками и одной здоровой ногой, как увидел броском вылетевшего над водой товарища.

— Что за шутки! — крикнул он полу-сердито, но в голосе зазвенела нескрытая радость.

— Здравствуй, Раевский,— ответил ему издали Пушкин, но голос его был таким слабым, что у берега было его не слышать.

Пушкин откашлялся и лег на спину — передохнуть. Он глубоко запрокинул голову в воду, и она держала его легко. Блаженное состояние охватило его. Глубокое синее небо, без единого облачка, сияло над ним своей чистотой. Море его чуть подымало и опускало, колыхая как щепку, отданную на волю волны. Он едва шевелил в воде пальцами, и ничтожного движения этого было довольно, чтобы держаться. Дыхание его успокоилось, и кровь в молодых его жилах зазвенела певуче и сильно. У Пушкина в эту минуту не было дум, но общее одно ощущение было широкое, мощное: жить — хорошо!

Сначала Пушкин взял в горы...

Вдруг он почувствовал силу, потребность движения; быстро ударил руками, перевернулся и ровно и сильно направился к берегу.

— В море отлично, но на земле как-то прочнее,— смеялся он на берегу, одеваясь.

Молодая, вскипевшая в нем сила не покидала его и на возвратном пути.

— Я что-то в пучинах морских захолодал!

И он принимался бегать, делая круги и зигзаги, дабы не покидать медленно шедшего Раевского. Тот глядел на него с улыбкой:

— Ты точно щенок после купанья.

А Пушкин в ответ, смеясь, как бы отряхивал шерсть.

Перед домом росли три молодых кипариса. Один стоял справа, два — полевее; из этих последних особенно ему полюбился тот, что стоял подале от входа. Он навещал его каждое утро. Так и сейчас, набежав словно ветер, он сразмаху рукою, как бы приветствуя, пробежал снизу вверх по темной его, плотной листве: упругая, она, тотчас за ладонью его, выпрямлялась. Вглянувшись назад, на Раевского, он, тайком от него, не нажимая, легонко пальцем изобразил на стволе какие-то две начальные буквы.

Если бы отставший Раевский вдруг догадался, чем занят там Пушкин, то в буквах фамилии мог бы не сомневаться: это, конечно, была буква «Р.», но кто же из сестер, которая? Пушкин со всеми был мил одинаково, однако же тайн своих никому не доверял.

— Все говорят, Николай, что я здесь облезл, сиднем-сиджу и только и делаю, что обедаюсь виноградом...

— А что же, разве не правда?

— Сушная правда. Но только сегодня я обуян. Нынче должен быть день происшествий!

— Это так почему же?

— Кюхельбекера видел во сне. Как он тошился.

— Тогда берегись! Ты хочешь ехать верхом?

— Обязательно.

Дом еще спал. Но на дворе было движение. Хорошенький татарчонок, с надвинутой на затылок тубетейкой, трудился из пузатого плохо очищенного самовара. Он целыми пригоршнями сыпал в трубу сосновые шишки, и дым из трубы валил густым пахучим столбом, щекоча нос и

затмевая небеса. Голоса доносились из кухни, и домашняя птица важно прогуливалась, порой поднимая головки и озирая окрестность.

Пушкину дали коня. Он принял в руки коротенький хлыст и ловко вскочил на седло. Лошадь затанцовала.

— В горах, Александр, держи покороче узду,— послышался свежий еще, внушительный голос, и, обернувшись, Пушкин увидел в окне генерала Раевского.

Он повернул свою лошадь к окну и, шутиливо отдавая честь, отрапортовал:

— Рад стараться, ваше превосходительство! Так что честь имею доложить: еду в поисках происшествий!

Никакого происшествия из этой поездки не вышло, но вышла отличная прогулка.

Сначала Пушкин взял в горы. Тропинка была довольно крута, и дикий кустарник цеплялся за стремя. Но конь и седок одинаково были в хорошем расположении духа. Первое наслаждение — дышать. Воздух был чист и пахуч. Солнце топило смолу. Травы и цветов было немного, но мощная хвоя и листва лились, казалось, каскадами с гор, все окрест затопляя. Там, где зелени было поменьше, на высоте, отдельные пинии, как на прогулке, открывали свои плоские зонтики. Ветер веял с востока и на полном ходу трепал сюртук Александра. Белые брюки его, натянутые штрипками, хранили следы цепких кустарников. Неудержимо тянуло вперед и вперед!

Перевалив через восточную грядку холмов, снова вздымавшуюся в море высокой острокопечной скалой, Пушкин подумал: «Назад?» Не хотелось.

Далеко перед ним уходило, переливаясь оттенками, синее море: синее самого неба. Медведь-гора, грузно налегши мохнатой грудью и низко уткнувшись косматой своей головой, пила соленую влагу и не напивалась. Две небольшие скалы, как бы отбежав к сторонке, любовались вечным тем зрелищем. За всю дорогу Пушкину встретились лишь два татарина-дровосека, блеснувших в улыбке зубами. Зато на море несколько парусных лодок медленно, как бы чего-то ища, белело вдали. Одинокое дерево на берегу простирало к ним свои неподвижные ветки.

Пушкин невольно вздохнул. Так же и он стоял здесь с конем и глядел в дале-

кую запредельную даль. Там была Турция. Там была Африка. И там, за морями,—многие страны... В раздумье он тронул коня, направив его к Аю-Дагу.

Постепенно не стало и хижин. Реже деревья. То ясень, то дуб. Перескочив через небольшую речонку, он оказался совсем в виду Аю-Дага. Местность была совершенно пустыня. Казалось, что навсегда так ей и оставаться. Глубокая тишина царила окрест. Вдруг одинокий ружейный выстрел раздался из лесу, а вскоре и Пушкин туда поскакал. У самого подножья горы он встретился с охотником. Чернобородый охотник, отвечая на приветствие, снял старый картуз.

— Охотитесь?

— Да.

— А разрешают?

Тот только широко махнул картузом и надвинул его на самые брови.

— А как называется эта земля?

— Пустыня? Артек.

— Кто ж тут хозяин?

— Да никого еще нет.

— А говорили: земли Потемкина?

— Это неправда.

Человек этот был похож на разбойника. В коренастой фигуре его, как поглядел потом Пушкин, когда они разминулись, в самой походке было что-то не совсем обычное... Пушкин настроился на романтический лад и, поднявшись немного на самую гору, дал коню отдохнуть, привязав его к дереву.

Шум прибоя сюда досягал. Деревья молчали, как бы в полусне. Нечаянно тронул он ствол старого дуба, и от прикосновения этого еще живые пробудились в нем те самые чувства, как и тогда, когда

он начертал на кипарисе милые буквы. И, как всегда, запело в душе:

«Там на берегу, где дремлет лес священный,

Твое я имя повторял;

Там часто я бродил уединенный

И в даль глядел... и милой встречи ждал».

Нет нужды, что попал сюда лишь впервые. Он будет сюда приезжать, а ежели и не приедет, место сие все же будет памятно памяти сердца.

Сады, виноградники, повыше — табак и одинокие тополя; чаимы из камней — татарское кладбище; кустик, увешанный в память покойного выплывшими лоскутками пестрых материй; татарские хижинки и ребятишки в длинных рубахах; небо и горы; горы и море и, наконец, милый дом и ворота! И галерея, откуда машут платком и кричат:

— Опоздал! Опоздал!

Он узнает голос Марии и улыбается ей. И видит, как младшая, Сонечка, как бы подавившись, крепко зажала свой рот, боясь рассмеяться громче, чем ей дозволяла строгая мисс и чем сама себе она была склонна позволить. И старшая, Екатерина, красивая, гордая, тоже стоит, улыбаясь. И только нет между ними Елены...

Но уже на дворе, когда соскочил он с коня и, передав поводья подбежавшему конюху, направился к дому, он увидел Елену. С тихой улыбкой, как и всегда, она его встретила у самых дверей.

— Вы опоздали. Как я беспокоилась!

Пушкин смеялся и покраснел, не найдя, что ей сказать.

Так проходил этот день, один из тех дней, которые останутся в памяти его незабываемыми.

Первый русский телеграф

Н. Григорьев

Рис. Г. Шевякова

В 1854 году по приглашению царя Николая I в Россию приехал известный немецкий электротехник и изобретатель Вернер Сименс.

Сименс прославился тем, что соорудил впервые в Европе электрические телеграфы.

Устраивать телеграф пробовали раньше. Для этого помещали медную проволоку в деревянный жолоб и заливали смолой, а потом жолоб с проволокой закапывали в землю. Работа была сложная, дорогая, и соединить такими жолобами, скажем, два города никто и не брался. Да и надежных аппаратов для телеграфирования еще не было. И крупные города в Европе сообщались посредством голубиной почты.

Вернер Сименс несколько лет исправлял все изобретенные до него телеграфные приборы и внес много усовершенствований.

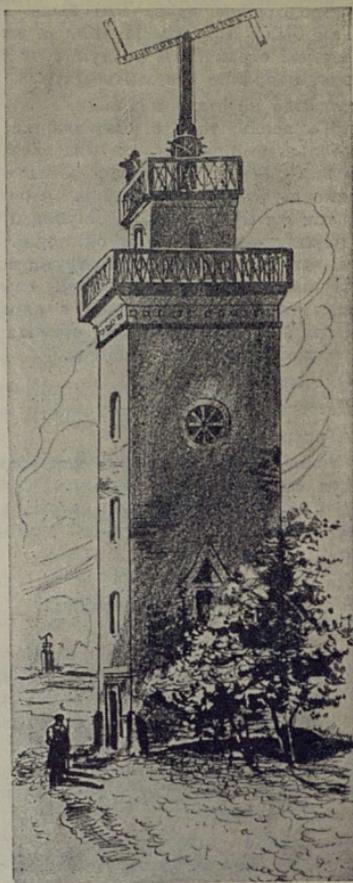
Так и были построены первые действующие телеграфные линии. Это были линии: Берлин—Франкфурт на Майне, Берлин—Кельн—Аахен—Вервье (Бельгия).

После этих успешных работ Сименс в компании с механиком Гальске основал в Берлине завод и стал изготовлять телеграфные аппараты и другие принадлежности на продажу. Изделия Сименса начали расходитьсь по всей Европе, и в короткий срок все страны Европы обзавелись телеграфами.

Проникли изделия Сименса и в Россию. Так, в 1851 году «сименс-аппараты» были установлены на железной дороге между Петербургом и Москвой для сношений между станциями. Годом позже Сименс сам приезжал в Россию и руководил прокладкой кабеля в Финском заливе—Петербург получил телеграфное сообщение с Кронштадтской крепостью.

Но на этом постройка телеграфов в России и кончилась.

Правда, в Петербурге действовала еще одна линия протяжением в 175 саженей. Линия начиналась в кабинете Николая I в Зимнем дворце и заканчивалась в кабинете министра путей сообщения графа Клейнмихеля в главном штабе. Николай I лично

Телеграфная башня.

перестукивался с Клейнмихелем через площадь. И всех придворных очень забавляло, что курьеры и дворцовые скороходы—как ни ловки были в беге—не могли поспеть за электричеством.

Царская потеха—так и смотрели в России на электрический телеграф. В России и почтой-то мало кто пользовался (какие уж там телеграфы!), хотя Николай I и завел почту на французский манер. В почтовых конторах были посажены чиновники с весами. Чиновник, приняв письмо от обывателя, кидал его на весы. Взвесив письмо, выдавал «куверт»—конверт с почтовым гербом (марок тогда не было)—и требовал плату. Плату чиновник взыскивал с веса

письма, по гривеннику за лот. А это были деньги немалые: за гривенник тогда в провинции можно было купить полпуда, а то и пуд хлеба.

И обыватели норовили пересылать письма поимому почтой—с оказией. Ехал откуда-нибудь из Конотопа или Малмыжа молодой человек искать должность в столице— вот и случай, оказия. Тут во всем городе, знакомые и незнакомые, садились писать письма и сносили их к молодому человеку. И на словах еще передавали поклонны и всякие просьбы. Всем городом и провозжали молодого человека в дальний путь. И так—до новой оказии.

А почта обслуживала больше казенные надобности: доставляла в столицу пакеты от губернских чиновников, донесения от жандармов, развозила исполнительные листы ко взысканию податей и недоимок с обывателей.

Почту возили почтовые ящики. От казны выдавалась им форма: синий кафтан, красный кушак и шапка «горшком». Каждый ящик был за номером; у каждого на рукаве была штампованная жестянка с царским гербом и цифрой. Приняв от почтового чиновника почту, ящик выезжал на тракт и катил на тройке до следующей почтовой станции. Станции стояли на трактах через каждые тридцать—сорок верст. Тут ящики обогревались, меняли лошадей, а почта шла в разборку.

За сутки почта уходила на 60, много— на 80 верст. Вот и шла почта от одного города до другого целые недели, а то и месяцы.

А для срочных царских указов была заведена особая почта—фельд'егерская. Из дворца снаряжали расторопного офицера, подвешивали ему на грудь ранец, а ремни от ранца туго затягивали крест-накрест на спине. В ранец клали царский указ. Офицеру выписывали «подорожную»—путевый лист—и ставили четыре гербовых печати.

Для фельд'егеря закладывали самых резвых лошадей, и он, вооружившись пистолетами, мчался во весь дух от станции к станции, от станции к станции... Сто верст делал за сутки фельд'егерь, а то и двести.

И все-таки царские указы приходили поздно: в Оренбург—через две недели, на Кавказ—через три недели, а в дальние сибирские губернии шли по два, по три месяца.

В 1830 году в Польше, бывшей под властью России, вспыхнуло восстание: поляки провозгласили отторжение Польши от

царской России. В Петербург из Варшавы по тракту за полторы тысячи верст поскакал фельд'егерь. Он мчался к царю с письмом наместника Польши, великого князя Константина. Константин требовал из Петербурга гвардию. Но как ни спешил фельд'егерь, а столицы он достиг только на шестые сутки.

Между тем восстание перекинулось на все польские города.

Целый год пришлось действовать запоздавшим войскам Николая I. Целый год они истребляли повстанцев и опустошали страну.

Наконец, Польша была приведена к повиновению. По всем городам были расставлены усиленные гарнизоны царских солдат. Константин, в страхе бежавший от повстанцев, больше не вернулся в Варшаву. Вместо него наместником был посажен бравый генерал. Но Николай I уже не доверял никому. Он решил лично из Петербурга управлять Польшей и потребовал, чтобы ему представляли ежедневный рапорт из Варшавы.

Но рапорт шел не меньше шести дней.

Эту необычайную для того времени задачу взялся разрешить некий француз, мосье Шаппо. Шаппо разработал «способ оптического телеграфического устройства» и представил его Николаю I—и «способ» тотчас же получил высочайшее одобрение.

По указанию Шаппо, между Петербургом и Варшавой выстроили огромных размеров башни. Башню от башни поставили на расстоянии 10—12 верст, так, чтобы с каждой была видна соседняя. Клали их из тесаного валунного камня и вершиной выводили над лесом. Для лучшей видимости башни покрасили в яркий палевый цвет. На вершине каждой башни вмуровали железный шпиль с подвижным крылом—семафором.

От Петербурга до Варшавы встало 149 башен. Издали они были похожи на ветряные мельницы.

И начали эти мельницы махать крыльями. Для каждого слова был придуман свой поворот крыла. Поставят семафор пяткой вверх, концом вниз—читай: «благословение», вынесут крыло сперва вправо, потом перекинут его влево—«драгун», а если сперва вынесут влево, а потом перекинут вправо,—значит, приказ арестовать кого-то.

Каждое слово было вписано по-французски в секретную книгу—«код»,—и тут же на полях были перышком нарисованы все фигуры и названия сигналов. В книге име-

лось 24 025 слов, и допускались к ней только особо доверенные лица.

При помощи этого «телеграфического устройства» и пошли из Варшавы суточные рапорты во дворец, царю.

На вышке каждой башни стоял солдат-сигнальщик с подозрной трубой. Попеременно он делал «фрунт» то Петербургу, то Варшаве. Встанет лицом к Петербургу, приложит трубу и вглядывается, не шевелится ли крыло на башне со стороны Петербурга. Потом повернется через левое плечо, прицелкнет каблучками и вытягивается во фронт к Варшаве: глядит, нет ли шевеления крыла с той стороны. И опять, щелкнув каблучками, поворачивается к Петербургу, а потом—опять к Варшаве.

Отбивает солдат повороты час, отбивает два—и вдруг видит в трубу: зашевелился и встал напопа семафор от Петербурга. Поставил немного, кувыркнулся концом вниз, потом вытянулся в сторону и замер. Это подан из Петербурга сигнал: «Предварение на Варшаву».

Солдат сразу же откладывает в сторону трубу и брался за штурвальное колесо. Покручивая колесо то вправо, то влево, он устанавливал семафор, стараясь в точности повторить—«отрепетовать» — сигнал. За ним принимала сигнал следующая башня, потом следующая. Отрепетовав «предварение», все сигнальщики снова вооружались трубами и поворачивались лицом к Петербургу: ждали самую депешу из императорского дворца. И вот семафор от Петербурга начинал выставлять сигнал за сигналом—депеша пошла.

Солдаты для сигнальной службы подбирались из гвардии вышколенные, не меньше чем с десятью годами действительной службы. Брали солдат самых зрячих, научали их грамоте. Каждый сигнал, переданный с башни, сигнальщик обязан был занести в прошнурованный, с сургучной печатью «Журнал телеграфического действия».

А все устройство, особым указом государя, было подчинено телеграфному генералу.

Генерал неусыпно следил за операциями телеграфа. Сигнальщики несли службу с отменным усердием, и все-таки телеграф постоянно перевирал депешу. Шутка сказать—149 башен! Машут сигнальщики, машут сто сорок девять раз от Петербурга до Варшавы, повторяют каждое слово. Скрипят колеса на башнях, лязгают цепи, хлопают семафоры. Полдня, день вымахи-

вают солдаты депешу. А что машут, не принимают: депеша секретные. Кто-нибудь из сигнальщиков, отмахав руки, и ошибется: не повернет или, толкнув шибко, перекрутит колесо, выбросит не тот сигнал, ну и пойдут сигнальщики путать все, сколько их есть, подряд. И вместо «бить палками» в депеше получается «представить к награде», а вместо «графиня»—«базар». Всякий раз после такого случая телеграфный генерал производил дознание. И худо приходилось сигнальщику, у которого в «Журнале» оказывался неточный знак. Солдата бросали в карцер (карцеры были устроены при всех башнях), а то и уводили с линии, заковав в цепи.

Редко депеша достигали места в исправном виде. Да и самый телеграф действовал не всякий день—только в ясную погоду. Чуть прыснул дождик—и семафоров уже не видеть: передача депешы обрывается на полуслове. А зарядят осенние дожди или закрутят зимой вьюги—тут и совсем остановится дело. Осенью и зимой телеграф бездействовал месяцами.

Ненадежной получалась оптическая связь. Так, больше для виду и стояли эти башни на варшавском тракте. А депешу попржнему развозили на тройках фельд-егери.

✱

В 1854 году новые, чрезвычайные обстоятельства снова побудили Николая I взяться за устройство скоростной связи—и на этот раз уже не только до Варшавы.

На юге, у Черного моря, шла война. По всей столице: на стенах домов, на заборах, на фонарных столбах—расклеивали реляции «О действиях русских войск против вероломных англичан, французов, турок и сардинцев». В казенных реляциях возносились победы русской армии, но реляции эти составлялись наобум. Ни в главном штабе, ни даже в самой императорской квартире никто по-настоящему не знал: где русские войска, держатся ли они еще против грозной силы четырех держав или уже побросали ружья и пушки и разбегаются по степям?

Пока фельд-егери везли от Черного моря через всю Россию донесения, пока они возвращались с приказом императорской квартиры к войскам, все расположение войск настолько изменялось, что приказ уже не мог быть выполнен. А донесения в Петербург поступали одно другого неожиданнее.

Царские адмиралы, столкнувшись в Черном море с эскадрой союзников, доносили

в столицу: «Вражеские корабли плавают под ветром, и против ветра, и даже совсем без ветра. На всяком корабле стоит паровая машина, она и двигает корабль». А русский флот на Черном море был парусный. В безветренную погоду он не мог снаться с якоря и принимать бой. И союзники на своих паровых судах врывались в бухты и топили один за другим русские корабли.

И на суше было не лучше. «Французы и англичане,—писали генералы,—открывают пальбу из ружей с дистанции в 1200 шагов. Они поражают огнем наших солдат, не дав им даже развернуться для боя». Русскому солдату, чтобы выстрелить, надо было подбежать к противнику на 400 шагов: дальше этого ружье не брало: ружья в русской армии были кремневые и гладкоствольные. А союзники привезли с собой нарезные штуцера.

Николай I послал за границу интендантов. Где только могли, интенданты скупали нарезное оружие. Но все понимали, что перевооружить армию и приучить солдата к новому оружию—дело нелегкое. Проще уж было бы гнать солдат на рукопашную. И царь беспрерывно объявлял рекрутские наборы: едва успевали собрать и обрить новобранцев, объявлялся следующий набор. Увозили этих—и тотчас в деревнях появлялись пристава с новым царским указом. Солдат для армии помещики выставляли из крепостных мужиков.

Нескончаемыми вереницами по всем трактам тащились люди в солдатских мундирах и лаптях к Черному морю (сапог новобранцам не давали, чтобы даром не носили: в сапоги обували людей только перед боем).

Николай I выставил против союзников огромную армию—такой армии еще никогда не набирали в России.

И вот тут-то и обнаружилось, что с помощью фельдгегеря на тройках нельзя ни управлять такой армией, ни снабжать ее, ни пополнять вовремя и в нужных местах свежими людьми.

Для управления армией потребовался электрический телеграф.

С особенным нетерпением ждали на этот раз Сименса в Петербург. И едва только Вернер Сименс переступил пограничный шлагбаум,—его тотчас подхватил адъютант императорской квартиры, уложил в кибитку, лег с ним сам и погнал лошадей вскачь. Все попутные почтовые станции были предупреждены о проезде к Петербургу зна-

чительных лиц. Станционным смотрителям было строжайше наказано день и ночь держать наготове сменных лошадей. И адъютант не успевал даже предвелять на станциях «подорожную»—наскоро чиркал только в станционных книгах: «По самонужнейшей казенной надобности», «по собственному государя предписанию»,—как уже были перезаложены лошади, и свежая тройка мчала их дальше.

В Петербурге офицер не пустил Сименса даже перодеться с дороги—свез его прямо в главный штаб, к министру Клейнмихелю.

Сименс согласился взять на себя постройку телеграфов. Но он тут же обратил внимание министров на военные обстоятельства, на особую срочность работ—и заломил с русской казны неслыханные деньги: за установку телеграфной линии, для которой и нужна только была простая проволока да сосновые столбы, он потребовал вдвое больше, чем стоили каменные башни с семафорами и всеми механизмами.

Начались переговоры.

Царский министр увещевал Сименса, пытался доказать ему, что цена его несуразна и даже оскорбительна. Потом намекнул, что русский царь окажет ему особое свое расположение и пожалует ему, если он сбавит цену, императорский орден святого Владимира с бантом. Но Сименс уперся и не спустил ни копейки.

Русскому правительству ничего не оставалось делать—пришлось согласиться на все условия Сименса.

Начали обсуждать направление телеграфных линий.

Телеграфная связь нужна была с югом, но еще более срочно требовалась связь с западом: границей шли крупные закупки военных материалов, интенданты то и дело запрашивали из Петербурга инструкции. Кроме того Николай, не полагаясь особенно на свою «рукопашную» армию, замышлял склонить к военному союзу прусского короля. Тут в переговорах тоже мог очень помочь телеграф. Наконец, царь не забывал и о Польше. Поляки, воспользовавшись военными затруднениями империи, могли каждую минуту снова взяться за оружие. Словом, раньше всего требовалась телеграфная линия к Варшаве и дальше—до западной границы.

Сименс приступил к работам без промедления. Чтобы выиграть время, он составил два отряда и решил вести постройку

Вернер Сименс устанавливает первый телеграфный столб в Варшаве.

линии с двух концов: от Петербурга и от Варшавы. А каждый отряд он еще разбил на два «абтейлунга» — на две партии, или смены, чтобы работать со свежими рабочими от зари до зари.

Петербургский отряд Сименс поручил своему младшему брату, Карлу. Он его всюду возил по постройкам, привез с собой и в Россию. Карл был еще совсем молодой человек: он едва только окончил «миттельшуде» — среднюю школу в Берлине. Он не был ни изобретателем, как брат, ни даже техником. Но за каждое дело брался серьезно, с охотой и в телеграфах понимал уже настолько, что мог самостоятельно вести отряд.

Оставив Карла в Петербурге и дав ему в помощь нескольких монтеров, Вернер поехал в Варшаву присматривать за встречным отрядом.

Работы, однако, наладились не сразу. Почти месяц пришлось дожидаться материалов. Провода, изоляторы, железные крючья, вязальную проволоку — все надо было подвезти из Берлина. В России, на месте, можно было заготовить только телеграфные столбы да лапти для рабочих.

Наконец, пришли из-за границы обозы. Вернер, перехватив их в Варшаве, отобрал себе, что было нужно для работы, и пустил обозы дальше по тракту на Петербург.

Теперь уже можно было приступать к работам. Был назначен день закладки ли-

нии. Взяв с собой рабочих-лесорубов, Вернер Сименс поехал в лес и велел срубить толстую, вековую сосну. Рабочие повалили дерево, очистили его от коры, сучьев, спилили гибкую верхушку. Грязное сосновое бревно привезли в Варшаву, на главную, Маршалковскую улицу. Вернер остановил воз близ дворца генерал-наместника Польши. Велел рабочим расковырять мостовую и выкопать яму в пять футов глубиной. Выкопали яму и тут же, на улице, развели костер. Прохожие останавливались, с любопытством ожидая, что будет дальше. Из дворца наместника, завидев толпу прохожих, вышел караул. А рабочие задвинули в костер бревно комлем и, переворачивая, стали комель обжигать.

«So, es ist gemacht! — сказал Вернер, когда комель обуглился. — Теперь не будет гнить в земле». И велел устанавливать столб. Пока рабочие, подпирая и перехватывая тяжелое бревно, волокли его к яме, Вернер достал из кармана серебряный талер, с портретом своего короля, и, подержав его на ладони, кинул на дно ямы, под столб.

Это был коренной столб. Его укрепили со всех сторон оттяжками, как крепят мачты на корабле. После этого рабочие, выставляя в линию столб за столбом, двинулись из города на тракт. Впереди шли землекопы и через каждые двадцать пять саженей рыли ямы. За ними шагали масте-

ра-немцы. Они промеряли ямы длинными палками—шаблонами. А дальше уже двинулись подносчики, столбовщики, монтеры.

Дело совсем было пошло на лад, как вдруг из Петербурга неожиданно явился Карл и сообщил, что министр граф Клейнмихель отстранил его от постройки телеграфа.

Узнав об этом, Вернер тотчас распорядился прекратить все работы на линии. Рабочие стали сдавать инструмент, а Вернер, быстро собравшись, поехал с Карлом в Петербург, чтобы потребовать у Клейнмихеля объяснение его действий.

Клейнмихель принял Сименса в покоях Зимнего дворца. Оглядел его высокомерно и стал отчитывать: «Вы что же, смеетесь над нами? Какой-то мальчишка начальствует у вас над отрядом, сооружает правительственный телеграф! Как же он может входить в сношения с министерством? Не говорю уже, что он без чинов, но он и вида не имеет. Начальник отряда и на-те: безбородый мальчишка! Извините, господин Вернер, но я этого не потерплю...»

Вернер постоял в пышном приемном зале дворца, размышляя над словами русского министра. Потом молча откланялся.

В этот же день Вернер представил счет в казначейство.

Он подсчитал, что за время, которое он stráтил на поездку в Петербург, линия телеграфа ушла бы вперед на целых сто верст. Работы были прерваны из-за Клейнмихеля. Поэтому Вернер отнес убыток на счет русской казны.

Придирка министра обошлась русской казне в 9 200 золотых рублей.

После этого Вернер послал Карла в Варшаву, а сам остался с петербургским отрядом.

Постройка телеграфа у Вернера Сименса была рассчитана по дням—на 90 дней. Неожиданная прогулка в Петербург нарушила ход работ—и Сименс решил наверстать упущенное время.

Он велел составить в обоих отрядах еще по одному «абтейлунгу» для работы ночью с фонарями.

Только из этого ничего не вышло.

Стали мастера выгонять мужиков из окрестных деревень на работу, а те на них с криками: «Не разбойники мы, нечего нам делать ночью на большой дороге!» А уж если удавалось согнать их на тракт, все равно толку от этого было мало: больше материала переведут, чем наработают.

Раз даже самого Сименса чуть не изби-

ли. Выехал Вернер ночью на тракт, глядит: партия рабочих человек в двадцать расселась вокруг костра. Тут же ведро стоит с водкой, и у каждого в руках вместо чарки фарфоровый изолятор— чокаются изоляторами и песни орут. Вернер затопал ногами и велел своим мастерам у всех двадцати отобрать шапки, чтобы дознаться на утро, кто это такие. Но рабочие повскакали, выдернули из костра головешки и взяли Вернера в кольцо: «Сказывай, для чего столбы ставишь?—закричали они.—Россию огораживаешь?.. Врешь, не пойдем в немецкую кабалу».

Едва ноги унес от них Вернер.

Тогда Вернер решил ускорить работы другим способом. Он исходатайствовал у Клейнмихеля, чтобы к каждому отряду рабочих был приставлен урядник, а сверху того взял еще к себе на службу пристава, который неотлучно сопровождал его в разъездах по работам.

С урядниками и с приставами дело пошло бойчее.

Только подкатит Вернер к отряду, едва завидят его с приставом рабочие—и пойдет тут трещать под топорами ближний лес. Подносчики, кинув шапки о землю и распахнув ворот, волокут готовые столбы к дороге. Крючники ввертывают крючья, столбовщики с ходу подхватывают столбы баграми, заводят их козлами в выкопанные уже ямы и поднимают верхушками к небу. Монтеры-немцы, как кошки, карабкаются по столбам и навешивают на изоляторы бронзовый провод. А урядники, шныряя с нагайками между рабочими, еще жару подбавляют.

Потом тележка Сименса, брэнча и заваливаясь то одним, то другим колесом в ухабы, катила дальше. Чтобы не стукаться головами, седоки подвязывали себя локоть к локтю полотенцем.

На исходе третьего месяца постройка стала подходить к концу. К четвертому месяцу отряды сблизились уже настолько, что Вернер успевал за один день побывать и в петербургском и в варшавском отряде. И вот, наконец, отряды сошлись лицом к лицу—это произошло у небольшого городка Динабурга, на 573-й версте почтового тракта. От обоих отрядов выступили вперед обермейстеры, подали друг другу руку и кинули жребий: кому устанавливать «шлюссбаум»—последний, замыкающий линию столб. Все немцы прокричали три раза «Hoch»—и линия между Петербургом и Варшавой была сомкнута.

По случаю счастливого окончания работ Вернер отстоял в местной кирхе благодарственную службу и, прихватив Карла и обермейстеров, помчался в Петербург.

✱

На крыше Зимнего дворца стояла небольшая башня с семафором—головная башня оптического телеграфа: отсюда передавали крыльями царские депеши в Варшаву.

В башне надо было устраиваться и с электрическим телеграфом. Помещение башни было загромождено штурвалами, лестницами, передаточными цепями. Вдоль стен стояли ружейные сошки, по углам—кбзлы с барабанами.

В башне держали караул гвардейские солдаты.

Сименсу ничего не позволили трогать в башне—и его обермейстеры, ползая между барабанами и сошками, кое-как расставили необходимые приборы и батареи элементов. Втиснули столик с аппаратом и стул.

Из башни спустили наружу провода, запрыгав их, чтобы не портить вида дворца, в водосточные трубы, и присоединили провода к линии.

По приглашению Сименса, во дворец приехал и поднялся на башню Клейнмихель. Министр посмотрел, не нарушен ли порядок в башне.

Барабаны и солдатская амуниция оказались на месте. Клейнмихель присел в кресло.

— Итак, когда же мы увидим действие вашего телеграфа, господин Сименс? Сумеете ли вы его вовремя закончить? Через два месяца наступает уже срок концессии.

Тут Вернер сел к аппарату, положил руку на ключ и пригласил министра продиктовать депешу в Варшаву.

— Полагаю ваши шутки, господин Сименс, малоуместными,—сказал Клейнмихель и встал.

Вернер снова предложил министру продиктовать несколько слов.

«Наместнику царства польского, в собственные руки,—продиктовал Клейнмихель.—Ваше сиятельство. Благоволите удостоверить меня, что сии несколько слов получены вами именно через устройство господина Сименса, а отнюдь не семафором».

Вернер выстучал депешу и откинулся на спинку стула.

Прошло пять минут, десять. Прошло полчаса. Все смотрели на медную коробку

аппарата. Клейнмихель, постояв, опять опустился в кресло. И вдруг в аппарате дрогнул рычажок и начал быстро-быстро, прищелкивая и суетясь, набивать дырки и царапины на бумажную ленту. Лента, как нескончаемый язык, поползла из аппарата.

Клейнмихель подался всем корпусом вперед, протянул руки.

Лента поползла по его ладоням, выгибалась змейкой и, скручиваясь в кольца, падала с рук.

Наконец, передача кончилась. Вернер встал и, перепуская ленту между пальцами, объявил ответ Клейнмихелю из Варшавы.

«В мгновение ока,—был ответ,—сигнальщик-немец, сидящий передо мной, объявил мне запрос вашего сиятельства. Никаких подозрительных действий при этом со стороны сигнальщика, в смысле негласных сношений с семафорным устройством, мною не усмотрено. Отсюда заключаю, что действовал именно электрический телеграф. Наместник, генерал и кавалер орденов, князь Паскевич».

Клейнмихель выхватил у Сименса ленту и, волоча ее и путаясь в ней ногами, побежал во внутренние покои дворца, к государю.

Через несколько минут Николай I неслышными шагами вошел в башню. За спиной его был Клейнмихель.

Солдаты в башне сделали накараул и замерли.

Сименс, встав со стула, отвесил глубокий поклон.

Царь кивнул, и Сименс тотчас, сев опять, мелко застучал ключом аппарата.

Всю ночь напролет Вернер и Карл, едва успевая сменить друг друга, выстукивали под диктовку царя запросы в Варшаву о штуцерах, о порохе, пушках, амуниции, о передвижении военных транспортов. Потом прочитывали царю нескончаемые отчеты и донесения интендантов. И снова выстукивали и выстукивали частую дробь.

Только на рассвете они, ошалелые, вывалились из дворца.

Николай I остался доволен работой Сименсов. На другой же день он подписал указ об упразднении оптического телеграфа. Башни с семафорами пошли на слом. Некоторые из башен откупили у казны местные помещики и устроили в них ветряные мельницы и крупорушки.

А с Вернером Сименсом была подписана новая, большая, как ее называли, «генераль»-концессия. Сименсу поручили сроч-

Царь диктует Сименсу делеши в Варшаву.

но соединить Петербург с югом: с Киевом, Николаевом, Одессой—и проложить от Петербурга линию на Ревель и линию на Гельсингфорс. По личному указу царя, на постройку этих линий были согнаны и крестьяне, и мещане из прилегающих городов и местечек, и ремесленники. Губернаторы получили предписание: оказывать Сименсу «всяческое содействие к скорейшему сооружению телеграфов и к отращению всех, могущих произойти препятствий».

У Сименса составилось двадцать отрядов, фронт работ растянулся от Балтийского до Черного моря. К каждому отряду было наряжено от местных гарнизонов по полуроте солдат. Солдаты подгоняли рабочих, ловили бежавших с работ и учиняли над ними экзекуции.

Сименс разослал по отрядам всех своих монтеров, монтеры пошли в отрядах за начальников. Сам Вернер месяцами не вылезал из тележки: раз'езжал от края до края по участкам работ. В огромных количествах пришлось доставлять из-за границы материалы. «Лиферантом», то есть поставщиком материалов, работал Карл: он ходил с обозами и распределял материалы по отрядам.

Через год постройка была окончена. К осени 1855 года все новые линии уже действовали. Общее протяжение их составило две с половиной тысячи верст.

На этом концессии Сименсов закончилась. Российское казначейство уплатило им, согласно подписанным условиям, 42 пуда золота в червонцах.

Сименсы выправили паспорта и подорожную и собрались в обратный путь. Министр Клейнмихель, по их просьбе, отрядил полсотню казаков для сопровождения транспорта с золотом до прусской границы. Золото было упаковано в кожаные баулы и погружено на два казначейских воза.

Сименсы со всеми своими монтерами и с багажом выехали уже за город, как вдруг их настиг конный жандарм. Жандарм преградил им дорогу, снял охрану из казаков и, не принимая протестов, приказал ямщикам ехать обратно в Петербург.

Сименсов водворили в казенный дом при жандармском отделении и отобрали у них паспорта.

Не успели Сименсы опомниться, как их свезли к Клейнмихелю.

— Извините, господа,—сказал Клейнмихель.—Я получил приказание переговорить с вами. Государь из'явил желание, чтобы вы немедленно продолжили телеграфную линию к Севастополю, на театр военных действий. Государь ожидает благоприятного ответа сегодня же, в течение дня.

Вернер не сразу даже нашелся, что тут ответить.

Он поблагодарил Клейнмихеля за честь и выразил сожаление, что он лишен возможности исполнить волю русского императора. Потом откланялся и попросил вернуть по недоразумению задержанные паспорта.

Но паспортов Сименсам не вернули. Их отвезли обратно в казенный дом. А вече-

ром перед их дверьми встал, брякнув ур-
жьем, часовой.

Целую неделю Сименсов держали под
надзором. И каждый день к ним являлся
Клейнмихель.

— Государь своего слова не изменит,—
говорил министр.—Каков ваш окончатель-
ный ответ?

И как Вернер ни доказывал, что задер-
живать их в Петербурге нелепо, что для
устройства линии в Севастополь, кроме рус-
ских столбов, нужны еще заграничные ма-
териалы, которых у него нет,—сколькo ни
твердил об этом Вернер,—его никто не
слушал. Царь стоял на своем—требовал не-
медленной постройки линии.

Видя, что царя не переспоришь, Симен-
сы стали искать какого-нибудь выхода.
Карл принялся пересматривать свои запи-
сы по «лиферанту»—приход и расход мате-
риалов на прежних стройках. Но записи
только подтверждали, что никаких мате-
риалов нет, все ушло в дело. На участках
работ, в кладовых, сохранились только не-
большие запасы крючьев, изоляторов, вя-
зальной проволоки на случай мелкого ре-
монта линий.

Посоветовавшись и не видя никакого вы-
хода, Сименсы решили опустошить все кла-
довые и построить линию на Севастополь
из этих обрезков и остатков.

Карл отправился в министерство к
Клейнмихелю и потребовал, чтобы его до-
пустили в телеграфную башню во дворец.
Там он сел за аппарат и в течение дня и
ночи опросил все линии. Сведения о нали-
чности материалов на участках подтверди-
лись, и он приказал все, до последнего
крюка и изолятора, отправить в город Ни-
колаев. В Николаеве он назначил сборный
пункт. Через этот город проходила одес-
ская линия телеграфа, и от него ближе
всего было дать ветку на Севастополь.

И вот из Орла, Стародуба, Чернигова,
Москвы, Киева, Одессы помчались к Нико-
лаеву почтовые тройки. Одна тройка е-
хала с кулем крючьев, другая нагоняла ее,
грохая полупорожними ящиками изолято-
ров, а на перекрестках срезали им дорогу,
проскакивая вперед, тройки с мотками
бронзового провода. Под Одессой кладов-
щики Сименса перехватили у какого-то
купца-грека обоз с железной проволокой
для охотничьих силков и завернули обоз
туда же, к Николаеву.

А сам Карл поездом отправился до Мо-
сквы, а оттуда его доставили к месту ра-
бот с фельд'егерем.

К Севастополю пришлось пробиваться че-
рез тылы крымской армии. Все деревни и
помещичьи усадьбы на этом пути были за-
няты армейскими лазаретами, штабами,
складами боевых припасов и провианта —
и негде было получить даже ночлег для ра-
бочих. Еще труднее приходилось с подвоз-
кой столбов и материалов. Дороги были
запружены вереницами военных обозов, и
подводы с телеграфными материалами, раз
попав на дорогу, уже не могли и выбрат-
ся из нескончаемого потока военных фур.

Так и пропадали.

Случалось, солдаты срубали готовые уже
столбы и тут же разбирали их на топливо
для костров.

Приходилось снова и снова восстанавли-
вать линию.

Полтора месяца Карл строил телеграф от
Николаева до Перекопа, два с половиной
месяца—от Перекопа до Севастополя. А из
Петербурга в отряд Карла Сименса приби-
вали курьер за курьером. У бастионов Се-
вастополя решался исход почти трехлет-
ней войны.

Императорская квартира в Петербурге
требовала связи.

И вот, наконец, в августе 1855 года
Карл Сименс включил линию.

Депеша с новой линии принесла известие,
что Севастополь сдан неприятелю и цар-
ские войска разгромлены...

За постройку этой линии Николай I не
заплатил Сименсам ни копейки. Русское
казначейство было опустошено войной.
В подвалах казначейства валялись только
груды бумажек—«ассигнаций», которые не
стоили ничего.

Убедившись, что с русской казны полу-
чать больше нечего, Вернер стал добывать-
ся через Клейнмихеля и добился у царя
концессии на охрану и ремонт всех выст-
роенных им в России телеграфов. Назначил
он за это по 100 рублей с версты, что со-
ставляло в год 18 пудов и 30 фунтов золота.

Зная уже по опыту, что в России ува-
жают прежде всего мундир, Сименс решил
всех своих сторожей на телеграфных ли-
ниях нарядить в мундиры и кивера.

Царь вполне одобрил государственную
мысль Сименса и повелел, чтобы сторожа
имели светлые пуговицы не только на гру-
ди, как придумал Сименс, но и сзади, на
хлястике.

Древняя сакля

Это старинная сакля в селении Хурзуг, на Северном Кавказе. Сложенная из толстых, грубых бревен, она стоит шестьсот лет.

Сейчас во всей нашей стране нет более старого жилища.

Когда строилась эта сакля, не было еще стен московского Кремля.

У порога сакли сидит ее хозяйка — Баташева, старушка тоже очень почтенного возраста. Ей самой уже 120 лет.

О. ГЕНРИ

(1862—1910)

Он обладал удивительным даром вымысла. Своей маленькой дочери О. Генри однажды написал:

«Помнишь ли ты меня? Я Мурзилка, и меня зовут Алдибиронтифости-форникофокос. Если ты увидишь на небе звезду и, прежде чем она закатится, успеешь повторить мое имя семнадцать раз, ты найдешь колечко с алмазом в первом следу голубой коровы. Корова будет шагать по снегу — после метели, — а кругом зацветут пунцовые розы на помидорных кустах. Ну прощай, мне пора уезжать. Я езжу верхом на кузнечике».

Фантастичны были голубая корова и пунцовые розы на помидорных кустах, но, пожалуй, самое неправдоподобное заключалось в простой фразе: «...мне пора уезжать», — потому что это письмо О. Генри написал, сидя в каторжной тюрьме.

Несколько лет жизни, проведенной в полосатой одежде заключенного, являясь причиной, по которой О. Генри, став знаменитым писателем, тщательно скрывал свое прошлое. Избранный им короткий псевдоним казался немногим менее таинственным, чем имя Мурзилки в двадцать восемь букв.

«Мужчина вы или женщина?» — письменно запрашивали его читатели. Только после смерти О. Генри раскрылись некоторые подробности его биографии.

Настоящее имя О. Генри было Вильям Портер. Он родился в глухом американском городке Гринзборо, в бедной семье врача, увлекавшегося бесплодным изобретением каких-то фантастических машин и снарядов. Мечты о далеких путешествиях и замечательных приключениях рано завладели Вильямом. В десять лет ему разонравилась игра в охоту на бизонов, потому что бизонами были свиньи с соседних дворов. Он убежал из дому с твердым решением посвятить себя охоте на настоящих китов. Его вернули, и вскоре

Вильям был вынужден пойти в люди, чтобы обыкновенным ремеслом добывать себе хлеб.

Наступила пора тяжелой борьбы за жизнь. Подобно своему современнику—Джеку Лондону—Портер перепробовал множество профессий: сперва работал подручным в аптеке, позже — ковбоем на ферме в Техасе, служил конторщиком, чертежником, актером, газетчиком, банковским кассиром.

Должность кассира оказалась для Портера роковой. В банке обнаружилась растрата, в ней по одному только подозрению обвинили Портера. Он бежал в Южную Америку, долго вел скитальческую жизнь: побывал в Аргентине и Перу, Гондурасе и Мексике, пересекал пампасы, бродяжил по плантациям, плавал вдоль американских берегов, но, узнав о болезни оставленной им жены, вернулся на родину.

Его присудили к каторжной тюрьме — к пяти годам невыносимых лишений и безмерных унижений. «Чухотка и самоубийство здесь так же часты, как насморк и пикник у вас на воле. По сравнению с нами звери в клетках — свободные существа», — сообщал Портер из тюрьмы.

Здесь он на обрывках оберточной бумаги написал свой первый рассказ — о ковбое, которого отвергла любимая девушка. Рассказ не напечатали, но из тюрьмы сорокалетний Портер вышел, твердо зная, что призвание его — литература.

Началась новая борьба — борьба за свое искусство. Она была нелегка. «Меня окружают здесь волки», — кратко сообщал О. Генри товарищу, оставшемуся в тюрьме досиживать свой срок. Волками-то были буржуазные издатели, владельцы журналов и типографий, к которым О. Генри относился с презрением.

За оставшиеся ему неполных десять лет жизни О. Генри написал триста коротких и увлекательных рассказов, и в каждый из этих рассказов он вкладывал крупицы огромных и пестрых знаний, накопленных за годы своей трудовой и необычной жизни. Писатель, умевший скатывать пилюли и бросать лассо, верстать газету и стрелять сидя в седле, человек, скитавшийся по дальним углам американского континента, пристально наблюдавший в провинциальных городах и на фермах, в портах и на плантациях, в прериях и столицах, в клубах и тюрьмах, — он ввел в литературу новых героев и рассказывал о них новым языком, сжатым, выразительным, острым и насмешливым.

Не случайно один из своих сборников рассказов О. Генри назвал так: «Четыре миллиона». Четыре миллиона жителей насчитывал в ту пору Нью-Йорк, но в герои рассказов и повестей попадали только четыреста из них — четыреста крупнейших богачей, во власти которых был весь город. О. Генри писал о тех, кто составляли четыре миллиона Нью-Йорка, — о маленьких людях, чьи судьбы с глубоким сочувствием наблюдал он своим всегда спокойным взглядом серых глаз — взглядом, который, по выражению одного друга О. Генри, проникал под кожу, в самую глубь человеческой души.

«Вся жизнь принадлежит мне. Я черпаю из нее, что мне хочется, и pretворяю ее, как умею», — так писал О. Генри в одной из своих книг, и он это делал с тем искусством, которое завоевало ему, человеку случившихся профессий, скитальцу и арстанту, место первого рассказчика Америки.

Один из его рассказов вы прочитаете в этом номере журнала.

В о ж д ь к р а с н о к о ж и х

Рассказ О. Генри

Рис. А. Брея

— Это было похоже на выгодное дело... Но подождите, дайте досказать.

Мы были там, на юге, в Алабаме, когда эта самая мысль, насчет детокрафта, ударила нам в голову. Это случилось, как Билль Дрискол всегда выражался потом, в момент временного помрачения наших мозгов. Но это обнаружилось только потом...

Итак, был там такой городок — плоский как блин и, конечно, называвшийся не иначе, как Сэммит¹. Жили там самые что ни на есть самодовольные двуногие скоты, тупые и нахальные.

У нас с Биллем, у обоих вместе, было около шестисот долларов, а нужно было нам ровно еще две тысячи, чтобы затеять одно жульническое дело с городскими участками в Западном Иллинойсе. Мы обмозговали это предприятие, сидя на крыльце отеля. Любовь к своим детенышам, рассуждали мы, должна быть особенно сильна в таких полугородах, полудеревнях. Поэтому — а также и по другим причинам — проект хищения детеныша был здесь ра-

зумнее в тысячу раз чем в пределах досягаемости газет, высылающих сейчас же на место происшествия репортеров в гражданском платье. А Сэммит, мы знали, не в состоянии был насрать на нас ничего страшного, кроме пары констэблей и, может быть, нескольких паршивых ищек да двух—трех ругательных статеек в «Фермерском еженедельнике». Словом, все, по видимому, обстояло благополучно.

Мы наметили в качестве жертвы единственное чадо местного выдающегося гражданина, некоего Эбenezера Дорсета. Папенька парнишки был почтеннейшим и, может быть, ростовщиком и пауком и принципиальнейшим противником всяких сборов и пожертвований. Мальчишке было десять лет. По физиономии у него шел барельеф из веснушек, а цвет волос у него был как обложка того журнала, который вы покупаете на ходу в киоске на вокзале, когда бежите, чтобы вскочить в поезд. Мы с Биллем решили, что Эбenezер в лепешку расшибется, а уж выложит за сына две тысячи долларов до последнего цента... Но погодите, дайте досказать до конца.

¹ Вершина.

Милях в двух от городка была гора, поросшая густыми кедровыми зарослями. По ту сторону в горе этой была пещера. И в этой пещере мы приготовили запас провизии.

В один прекрасный вечер мы под'ехали в кабриолете к дому Эбenezера Дорсета. Мальчишка болтался на улице и бросал камни в сидевшую на противоположном заборе кошку.

— Эй, малыш,—сказал Билль,—хочешь прокатиться как следует и получить еще добавок мешочек леденцов?

Мальчишка чуть не угодил Биллю прямо в глаз обломком кирпича.

— Это будет стоить старику еще пятьсот долларов, сверх таксы,—проворчал Билль и вышел из кабриолета.

Мальчишка барахтался, как плюшевый медведь. Кое-как нам удалось запереть его на дно экипажа, и мы покатили. Мы отвели детеныша в пещеру, а лошадь привязали в кедровых зарослях. Я вернул кабриолет в соседнюю деревню, за три мили, где мы его наняли, и пришел назад пешком.

Билль наклеивал кусочки пластыря на свои царапины и синяки. За большим камнем, закрывавшим вход в пещеру, горел костер. Мальчишка, воткнув в свою рыжую шевелюру два пера, выданных из хвоста сарыча, следил за подвешенным над огнем кофейником. Когда я подошел, он показал на левашую около него дубинку и закричал:

— Проклятый бледнолицый! Как ты смеешь подходить к костру вождя краснокожих, прозы долин?

— Он, наконец, утихомирился,—сказал Билль, заворачивая штаны и осматривая кровоподтеки на своих ногах.— Мы играли с ним в индейцев. Я теперь старый зверобой и нахожусь в плену у вождя краснокожих. На заре с меня снимут скальп. Чорт его дер! Этот мальчишка здорово лягается и дерется.

Да, юный Дорсет прямо как сыр в масле катался. Это было так занятно для него — ночевать у костра в пещере, и он совсем позабыл, что он пленник. Он тотчас же окрестил меня Змеиным глазом, объявил меня шпионом и приговорил меня к казни через поджаривание на медленном огне. Экзекция должна была совершиться рано утром, когда вернутся из похода его храбрые воины.

Мы сели ужинать. Мальчишка набил себе рот хлебом и ветчиной и начал болтать. Он произнес речь, что-то в этом роде:

— Это здоровая штука... Я еще никогда не ночевал у костра... Но у меня был раньше ручной опосум¹ — вот смеху-то было... Мне десятый год идет... Терпеть не могу ходить в школу... Крысы с'ели шестнадцать штук яиц у пестрой курицы Джимми Талбота... Настоящие-то индейцы водятся здесь, в этом лесу?.. Дайте-ка еще ветчины... Правда, что ветер происходит от того, что деревья трясутся?.. У нас было пять собак... Почему у тебя такой красный нос, Зверобой? У моего отца куча денег... А что звезды — они горячие?.. Я его два раза вздрючил в субботу, Эда Уокера... Терпеть не могу девчонок... Быки тоже мычат? Нет?.. Почему апельсины круглые? У вас кровати там есть, в пещере?.. У Джемса Мурра шесть пальцев, ей-ей!.. Попугай умеет говорить, но обезьяна или там рыба не умеют... Сколько же это штук в дюжине?

Каждые пять минут он вспоминал, что он кровожадный индеец, хватал свою палку, которая должна была изображать ружье, и отправлялся на цыпочках к входу в пещеру — последить, не идут ли разведчики ненавистных бледнолицых. От времени до времени он испускал боевой клич, от которого старого Зверобоя передергивало. Мальчишка с самого начала навел на Билля панику.

— Вождь краснокожих, — говорю я, — ты хотел бы домой?

— А зачем? — отвечает он. — Дома скучно. Терпеть не могу ходить в школу. Так гораздо веселее — ночевать у костра. Ты хочешь отвезти меня домой, Змеиный глаз? Нет, не надо!

— Ладно, — говорю я. — Мы еще тут побудем в пещере.

— Вот это хорошо! — говорил мальчишка. — Замечательно хорошо! Я еще ни разу в жизни так не веселился.

Мы легли спать около одиннадцати. Разостлав несколько одеял и пледов, мы уложили вождя краснокожих посредине между нами. Мы не боялись, что он удерет. Но он не дал нам спать битых три часа. Каждые пятнадцать минут он вскакивал, хватал свое ружье и визжал мне или Биллю в ухо: «Тише, товарищ!» Треснет где-нибудь веточка или хрустнет листок — он тоже вска-

¹ Большая сумчатая крыса, живущая на деревьях.

кивал. В конце концов, я заснул беспокойным сном, и мне снилось, будто меня похитил какой-то рыжий пират и приковал на цепь к дереву.

На заре я проснулся от ужасного визга Билля. Это не были крики или восклицания, или вопли, или рев, или что-нибудь в этом роде, хоть сколько-нибудь достойное голосовых связок мужчины. Это был неприличный, панический, унижительный визг женщины, увидевшей привидение или сороконожку. И должен вам сказать, что это ужасная вещь — услышать бабий визг здорового, отчаянного, сильного мужчины на заре в пещере!

Я вскочил, чтобы посмотреть, в чем дело. Вождь краснокожих сидел верхом на Билле, запустив ему одну руку в шевелюру. В другой руке он держал острый нож, которым мы резали ветчину. Мальчишка, согласно произнесенному им накануне приговору, изготовился содрать с Билля скальп.

Я вырвал у него нож и уложил его опять. Но с этой минуты Билль уже не мог прийти в равновесие. Он лежал на своем месте, но не закрыл и одного глаза, пока юный Дорсет лежал между нами. Я немножко вздремнул.

Но перед самым рассветом я вдруг вспомнил, что вождь краснокожих приговорил и меня к сожжению на медленном огне и что казнь должна произойти на рассвете. Я не нервничал и не боялся. Но я встал, закурил трубку и прислонился к стене.

— Что ты так рано поднялся, Сэм? — спросил меня Билль.

— Я? — сказал я. — Не знаю, право. Плечо что-то ломит. Я думаю, мне легче станет, если я посижу...

— Врешь! — усмехнулся Билль. — Ты боишься. Ты приговорен к сожжению и боишься, что парнишка приведет приговор в исполнение. И он бы это сделал, если бы ему удалось найти спичку... Ведь это ужасно, Сэм! Неужели кто-нибудь согласится заплатить деньги за то, чтобы ему вернуть назад такого чертенка?

— Разумеется! — сказал я. — Мальчишка вроде этого... самый разлобезный тип для дражайших родителей... Ну, вставай-ка вместе с твоим вождем и займись завтраком. А я поднимусь пока наверх. Надо все-таки сделать рекогносцировку.

Я влез на вершущку нашей маленькой горы и окинул взглядом окрестность. Я рассчитывал увидеть со стороны Сэммита тол-

пу здоровенных, вооруженных серпами и вилами поселян, вышедших на поиски подлых похитителей детей. Но я увидел мирный пейзаж, и на его полном безлюдье только чернел точкой человек, шествовавший за плугом, запряженным бурым мулом. Никто не шарил баграми в речке. Не пролетали туда и сюда курьеры с известиями для безутешных родителей. Кусочек поверхности Алабамы, открывавшейся моим глазам, дышал дрозотным сельским покоем. «А, может быть, — подумал я, — там еще не хватились? Еще не знают, что злые волки уволокли из-под мирного крова невинного ягненка?»

— Помоги, боже, волкам! — сказал я и спустился к пещере завтракать.

Когда я подошел ближе, я увидел Билля, прижавшегося спиной к каменной стене. Он тяжело дышал. Мальчишка стоял перед ним и угрожал запустить ему в голову камень величиной с половину кокосового ореха.

— Он опустил мне за воротник горячую картофелину, — объяснил Билль, — и раздавил ее на мне ногой. Я дал ему в ухо. Есть у тебя револьвер, Сэм?

Я отнял у мальчишки камень и кое-как помирил их.

— Ты у меня еще получишь, — сказал Биллю свирепый парнишка. — Никто еще безнаказанно не смел коснуться рукой вождя краснокожих. Берегись!

После завтрака мальчишка вытащил из кармана кусок кожи с накрученными на нее веревочками и пошел из пещеры, разматывая на ходу эту штуку.

— Чего он там еще? — тревожно спросил Билль. — Ты не думаешь, Сэм, что он собирается ударить?

— Не бойся, — сказал я. — Он, повидимому, не большой домосед. Но нам надо составить себе какой-нибудь план насчет выкупа. Повидимому, его исчезновение не вызвало в Сэммите особенной тревоги. А может быть, они еще не знают там, что он пропал. Его родители могут думать, что он ночевал у какой-нибудь там тетки Джэн или у соседей. Во всяком разе, днем-то его исчезновение обнаружится. Мы должны к вечеру доставить его отцу извещение, что он находится у нас и что мы желаем получить за его возвращение две тысячи.

Как раз в эту минуту мы услышали боевой крик. Нечто вроде того вопля, который издал Давид, когда он поверг впрах известного «чемпиона» Голиафа. Штука,

которую вождь краснокожих вытащил из своего кармана, оказалась пращей. Он размахивал ею над головами.

Я увернулся и услышал тяжелый удар и не менее тяжелый вздох Билля — вроде того вздоха, который издает лошадь, когда с нее снимают седло. Камень величиной с куриное яйцо угодил Биллю под самое левое ухо. Он всплеснул руками и повалился прямо в костер, на каструлю, в которой грелась вода для мытья посуды. Мне пришлось вытащить его оттуда и поливать его холодной струей, по крайней мере, с полчаса.

Мало-помалу Билль пришел в себя. Он сел и пощупал у себя за левым ухом.

— Сэм, — сказал он, — знаешь, кто мой любимый герой в Библии?

— Успокойся, — сказал я, — ты сейчас оправдываешься.

— Царь Ирод¹, — продолжал он. — Сэм, ты не уйдешь? Ты не оставишь меня одного?

Я поймал мальчишку и начал его трясти. Я тряс его до тех пор, пока у него все веснушки не загремели, как горох на блюде.

— Если ты не будешь вести себя как следует, — сказал я, — я моментально отведу тебя домой... Будешь ты вести себя по-человечески?

— Я ведь играл, — сказал он, надувшись. — Я не хотел ударить Зверобоя. А зачем он ударил меня раньше?.. Слушай, Змеиный глаз, я буду вести себя хорошо. Только не отправляй меня домой и позволь мне поиграть в разведчиков.

— Я не знаю, что это за игра, — ответил я. — Это уж ты решишь с мистером Биллем. Сегодня он будет твоим товарищем в играх, а мне нужно сходить кое-куда, по делу. Ну, а теперь потрудись немедленно подойти к нему, извиниться и помириться с ним. А нето моментально марш-маршем домой.

Я заставил его и Билля пожать друг другу руки. Потом я отвел Билля в сторону и сказал ему, что я отправляюсь в Попларкоф, маленькую деревушку в трех милях от нашей пещеры, и там разузнаю, как отнеслись к похищению мальчишки в Сэммите. Я полагал также, что правильнее всего будет послать старому Дорсету в тот же

¹ Правитель Палестины. Узнав, как гласит библейская легенда, что в Иерусалиме родился «царь иудейский» (христос), он приказал за одну ночь истребить всех находившихся в городе новорожденных мальчиков.

день предарительное письмо с требованием выкупа и с указанием, каким путем внести его.

— Ты ведь знаешь, Сэм, — сказал Билль, — я не отставал от тебя и не моргал глазами ни во время землетрясения, ни в огне, ни в воде. Покер², динамитные взрывы, полицейские обыски, ограбление поездов и циклоны не могли нас разлучить. Я не знал, что такое страх до этого проклятого дня, когда мы похитили этого дьяволенка, эту двуногую ракету, чорт его раздери! Он нагнал на меня панику. Ты не оставишь меня надолго одного с ним, Сэм?

— Я вернусь к вечеру, — ответил я. — Забавляй его как-нибудь и вообще займи его, пока я не вернусь. Ну, а теперь давай-ка сочиним письмо старому Дорсету.

Мы достали карандаш и бумагу и принялись строчить послание. А вождь краснокожих, завернувшись в одеяло, маршировал взад и вперед перед пещерой, охраняя вход в нее. Билль со слезами на глазах умолял меня снизить выкуп до полуторы тысячи долларов вместо двух.

— Я не хочу, — говорил он, — умялать высокое чувство отеческой любви и привязанности, но ведь мы имеем все-таки дело с людьми. Человек — только человек, не более. И нельзя же требовать от человека, чтобы он выкинул две тысячи долларов за сорок фунтов веснушчатой дикой кошки. Это противно человеческой природе. На полторы тысячи долларов еще можно рискнуть. Я приму разницу на свой счет.

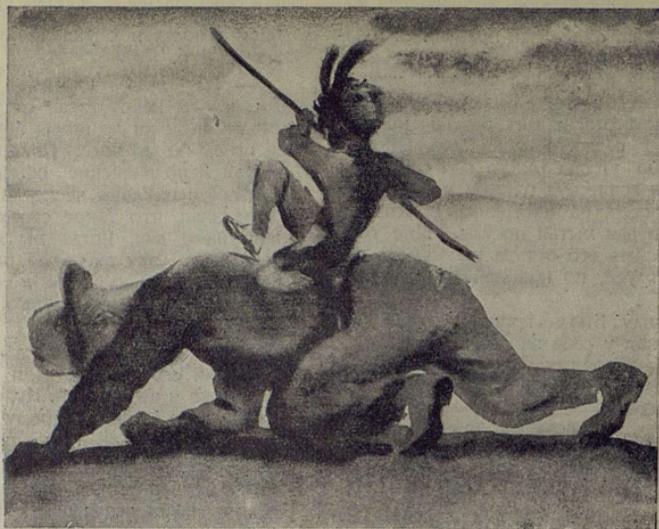
Мне пришлось уступить, чтобы успокоить Билля, и мы выработали следующее письмо:

«Эбенезеру Дорсету, эсквайру³.

Мы спрятали вашего сына в одном месте, далеко от Сэммиты. Вам не помогут никакие, даже самые лучшие шпикеры. Единственные и окончательные условия, на которых вы можете получить вашего сына обратно, следующие: мы требуем за его возврат вам тысячу пятьсот долларов крупными купюрами. Деньги должны быть оставлены сегодня в полночь на том самом месте, на котором мы найдем ваш ответ на это письмо. (Описание места следует ниже.) Если вы согласны на наши условия, пришлите письменный ответ сегодня, в полови-

² Азартная карточная игра.

³ В Америке и Англии титул землевладельца, помещика.

— Ты лошадь, — говорит разведчик. — Я поеду на тебе в лагерь поселенцев.

те девятого вечера. Когда вы перейдете Со-
винный ручей, по дороге из Попларкоф, вы
увидите там три высоких дерева на рас-
стоянии около ста ярдов одно от другого, у
самого забора, окружающего пахотное по-
ле, по правую руку. Против третьего дере-
ва, на земле, у столба забора, ваш послан-
ный найдет маленькую картонную коробоч-
ку. Он должен положить в нее ваш ответ и
немедленно вернуться в Сэммит. Если вы
задумаете какую-нибудь подлость или не
согласитесь на наши условия, вы никогда не
увидите больше вашего сына. А если вы за-
платите деньги, как указано, ваш сын будет
возвращен вам через три часа, здоровым и
невредимым. Условия эти окончательные,
и если вы не согласитесь на них, никаких
сообщений вы от нас больше не получите.

Два отчаянных человека».

Я надписал адрес Дорсета и положил
письмо в карман. Когда я собрался уже и-
ти, мальчишка подходит ко мне и говорит:
— Слушай, Змеинный глаз: ты сказал,
что мне можно играть в разведчика, пока
ты будешь в отсутствии?

— Играй, конечно, — отвечаю я. — Ми-
стер Билль будет тоже играть с тобой.
В чем состоит эта игра?

— Я разведчик, — говорит вождь кра-
снокожих, — и должен предупредить посе-
ленцев, что индейцы собираются напасть на
них. Мне надоело самому быть красноко-
жим. Я хочу быть разведчиком.

— Чудесно, — отвечаю я. — Повидимому,
это безобидная игра. Я думаю, мистер
Билль поможет тебе натянуть нос этим
кроважадным дикарям.

— А что я должен делать? — спрашива-
ет Билль, подозрительно глядя на мальчиш-
ку.

— Ты лошадь, — говорит разведчик. —
Ты становишься на четвереньки. Я поеду на
тебе в лагерь поселенцев. Не могу же я
ехать верхом без лошади?

— Надо его занять пока, — шепчу я
Биллю. — Уж не спорь с ним.

Билль становится на четвереньки.

Вдруг в его глазах вспыхивает выраже-
ние, какое бывает у кролика, когда над
ним захлопнется западня.

— А далеко до обоза поселенцев? —
спрашивает он.

— Девяносто миль, — говорит развед-
чик. — Уж тебе придется понатужиться,
чтобы поспеть вовремя. Ну! Гоп! Пошел!

— Сэм, — сказал Билль, — ты будешь считать меня изменником, но я не мог больше выдержать.

Разведчик вскакивает на Билля и погружает свои каблуки в его бока.

— Ради всего святого, — кричит Билль, — обернись, Сэм, как можно скорее!.. Ах, зря мы назначили выкуп полторы тысячи. Тысячу надо было просить. Слышь ты... перестанешь ты лягаться? А то я встану и дам тебе взбучку.

Я прошел в Попларкоф и повертелся там около почтовой конторы и лавки, вступая в разговоры с публикой, которая приходила туда по своим делишкам. Какой-то бородач сообщил мне, что Сэммит, как он слышал, взбудоражен исчезновением сына старика Эбenezера Дорсета. Заблудился мальчик где-нибудь, или его похитили. Больше ничего мне не нужно было знать. Я купил немного табаку, навел как бы случайно справку насчет цен на бобы, опустил потихоньку в ящик мое письмо и ушел. Почтмейстер сказал, что почтовая тележка пройдет через час и захватит почту на Сэммит.

Когда я вернулся в нашу пещеру, ни Билля, ни мальчишки не было. Я исследовал окрестности нашего жилья, рискнул раза два аукнуть, но никакого ответа не последовало.

Я закурил трубку и уселся на камень в ожидании событий.

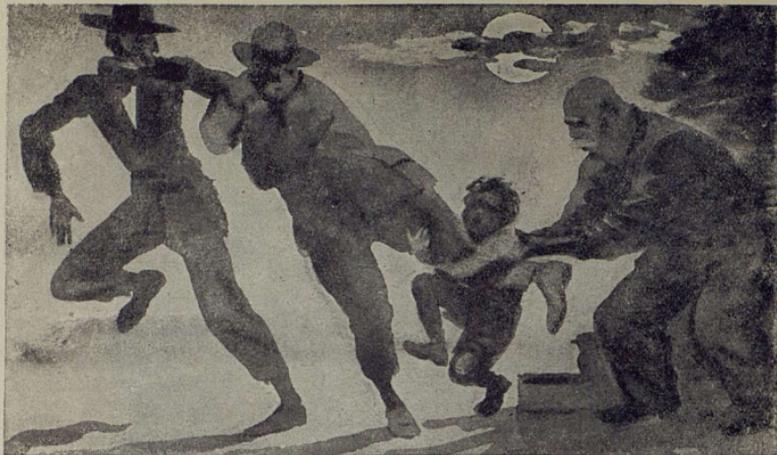
Этак через полчаса в кустах зашуршало, и Билль, хромая, вынырнул на площад-

ку перед пещерой. За ним показался мальчишка, которого он, повидимому, не видел. Юный Дорсет шел тихо, осторожной поступью разведчика. На физиономии его играла широченная улыбка. Билль остановился, снял шляпу и вытер себе красным платком лицо. Мальчишка притаился шагах в восьми позади него.

— Сэм, — сказал Билль, — ты будешь считать меня изменником, но я не мог больше выдержать. Я взрослый человек, я мужчина и умею защищаться, но бывают случаи, когда все идет к чорту... Мальчишка ушел. Я отправил его домой. Сорвалось! В старые времена бывали мученики, предпочитавшие смерть на костре отречению от какой-нибудь там специальной божественной комбинации, которая их устраивала. Но ни один из них и близко не видал таких сверхъестественных пыток, которые пришлось испытать мне. Я старался быть верным нашему уговору, но всему есть граница...

— Да в чем дело, Билль? — спросил я.

— Молодчик проехал на мне девяносто миль до самого обоза, — дюйма не хотел подарить. А потом, когда поселенцы были спасены, мне дали овса... А потом мне пришлось целый час объяснять ему, почему вода мокрая, а трава зеленая и куда девается земля, когда в ней дырка. Я тебе говорю, Сэм, человек — только человек. Я схва-

Когда мальчишка увидел, что мы уходим и оставляем его дома, он заревел, как паролодная сирена.

тил подлеца за шиворот и стащил его с горы вниз. Всю дорогу он лягался. У меня себе ноги черно-синие до самых коленей. Раза два или три он укусил меня за руку. Но — слава тебе господи! — он ушел, ушел домой. Я показал ему дорогу в Сэммит и двинул его по затылку так, что он сразу подвинулся к городу на восемь футов... Жаль, конечно, что мы лишились выкупа. Но что мне было делать? Еще полчаса, и меня пришлось бы отвезти в желтый дом.

Билль вздыхал и отдувался, но на его розовом лице лежало выражение мира и спокойствия.

— Билль, — спросил я, — в твоей семье никто не умирал от разрыва сердца?

— Нет, — сказал Билль. — Ничего у нас в семье наследственного не было, кроме малярии и несчастных случаев.

— Тогда ты можешь обернуться и посмотреть, что у тебя за спиной.

Билль обернулся, увидел мальчишку, побледнел и, тяжело опустившись на землю, стал зачем-то срывать траву и собирать валяющиеся на ней щепки. В течение целого часа я волновался за его умственные способности. Я объяснил ему, что если старик Дорсет согласится на наши условия, к полуночи все будет кончено, и мы избавимся от мальчишки. Билль кое-как собрался с силами. Ему удалось даже выдать на своем лице жалкое подобие улыбки, и он обещал сорванцу поиграть с ним, когда он

отойдет немножко, в русско-японскую войну.

Мой план для получения выкупа, страховавший нас от какого бы то ни было подвоха, был достоин профессиональных детокрадов. Дерево, под которым нам должны были оставить ответ, а потом и деньги, стояло у самого забора, а кругом были ровные чистые поля. Если бы шайка констеблей вздумала следить за человеком, посланным за ответом, она заметила бы его приближение еще издалека. Но дудки! В половине девятого я давно уже сидел на назначенном дереве, спрятавшись в ветвях, как древесная жаба, и ждал прибытия посланного от Дорсета.

Ровно в назначенное время под'езжает на велосипеде какой-то подросток, находит под столбом забора картонную коробку, опускает в нее записочку и несется назад, в Сэммит.

Я подождал еще час и решил, что подвоха, значит, нет. Я соскользнул с дерева, взял записку и вдоль ограды тихонько пробрался к лесу. Через полчаса я был уже в нашей пещере. Я открыл записочку и при свете фонаря прочел ее Биллю. Она была начарапана пером, скверным почерком, и содержание ее было такое:

«Двум отчаянным людям.

Джентльмены! Я получил сего числа ваше письмо по вопросу о выкупе, который вы

требуете за возвращение моего сына. Я полагаю, что ваши претензии несколько преувеличены и посему делаю вам контрпредложение, которое, я заранее думаю, будет вами принято. Вы вернете мне Джонни и уплатите мне наличными 250 долларов. На этих условиях я согласен принять его из ваших рук. Лучше всего вам придти с ним ночью, потому что соседи думают, что он заблудился, и я не могу принять на себя ответственность за то, как они поведут себя с людьми, которые приведут его обратно.

С совершенным почтением
Эбенезер Дорсет».

— Великие пираты и флибустьеры! ¹ — воскликнул я. — Такой наглости...

Но я посмотрел на Билля и заколебался. У него на лице было выражение мольбы, красноречивее которого я не видывал на морде ни одного из говорящих или немых животных.

— Сэм! — сказал он. — Что такое, в конце концов, двести пятьдесят долларов? Деньги у нас есть. Еще одна ночь с этим мальчишкой, и я буду готов для Бэдлама ². Я считаю, что мистер Дорсет — мало того что настоящий джентльмен, но еще и мот.

¹ Морские разбойники.

² Старинная психиатрическая больница в Лондоне.

Спросить такую скромную сумму! Неужели ты упустишь такой дешовый случай, Сэм?

— Сказать тебе по правде, Билль, — проговорил я, — этот маленький баран мне тоже действует на нервы. Отведем его домой, заплатим выкуп и развяжемся.

В ту же ночь мы отвели парнишку домой. Нам удалось уговорить его отправиться с нами, после того как мы уверили его, что отец купил ему ружье с серебряной насечкой и мокасины и что завтра мы пойдем с ним охотиться на медведей.

Было ровно двенадцать, когда мы поступались к Эбенезеру Дорсету. Как раз в тот момент, когда я должен был, по первоначальному нашему предположению, извлечь из коробочки полторы тысячи долларов, Билль отсчитал в протянутую стариком руку двести пятьдесят монет.

Когда мальчишка увидел, что мы уходим и оставляем его дома, он заревел, как пароходная сирена, и впился, как пиявка, в ногу Биллю. Его отцу пришлось отрывать его от штанов Билля частями, как липкий пластырь.

— Как долго вы сможете держать его? — спросил Билль.

— Ну, я теперь не так силен, как прежде, — ответил старик Дорсет. — Но думаю, минут десять могу вам гарантировать.

— Довольно, — сказал Билль. — В десять минут я пересеку все центральные, южные и средние штаты Запада и переберусь через канадскую границу...

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО „КОМПАС“

Известия Географического общества читателей журнала „Пионер“ № 10

Москва. Кремль в окружении новых домов.

Наша родина

Н. Н. Михайлов

Возьмите карту. Перед вами лежит страна, занимающая восток Европы и север Азии. Это Союз советских социалистических республик, страна социализма.

Шестая часть обитаемой суши.

Площадь в 21,3 миллиона квадратных километров—почти три территории Северо-Американских соединенных штатов, девяносто Англий, семьсот Бельгий.

Длина государственной границы—около шестидесяти тысяч километров—полтора экватора.

Расстояние от западной границы до восточной немногим меньше чем от экватора до полюса.

Разница во времени—на десять часов.

Почвы — от тундры до краснозема.

Все ископаемые, какие только встречаются на земном шаре.

Вечный лед на Северной земле, и три урожая за год в Колхиде.

Каспийское море, лежащее на двадцать шесть метров ниже океана, и пик Сталина на Памире, вздымающийся над уровнем океана на семь с половиной километров.

Климатические зоны от полярной до субтропической.

Мировой полюс холода в Якутии (температура до -70°) и экваториальная жара в Туркмении (температура на солнце до $+70^{\circ}$).

Кара-Кумы, где за лето не бывает ни капли дождя, и Западная Грузия, где за день иногда выпадает столько же осадков, сколько в Москве за полгода.

Непролазные леса и бескрайние степи.

Животные — от белого медведя до тигра. Растения — от лишая до лотоса.

185 народностей.

Более 170 миллионов населения...

Москва. Гостиница «Москва» в Охотном ряду.

В середине европейской части страны лежат Московская область и город Москва—столица СССР.

Москва. Вид на Кремль из окон университета.

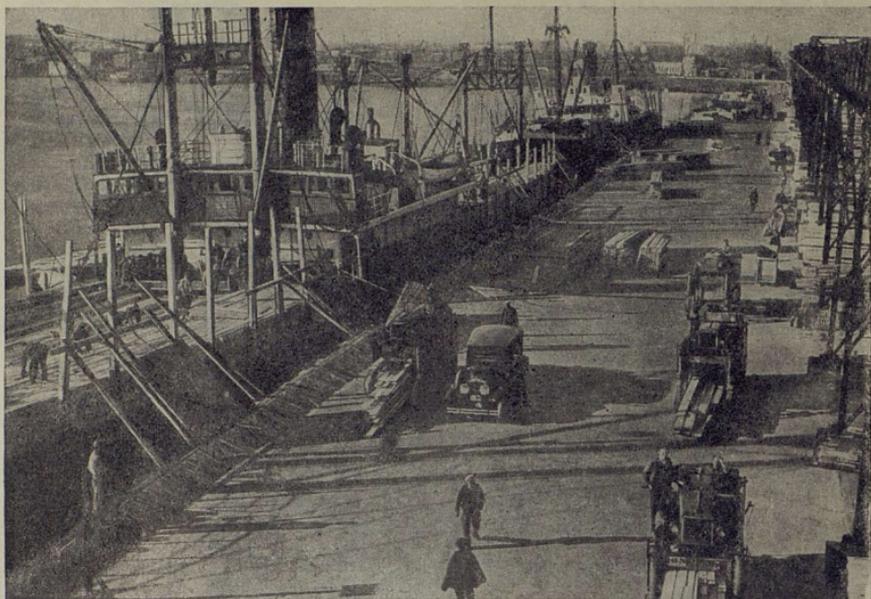
Здесь, окруженный многоэтажными зданиями новой эпохи, стоит древний Кремль. В нем собираются съезды советов и коммунистической партии. В Москве живет и работает Сталин.

Разрывая пригородное кольцо заводов, из Москвы, подобно звездным лучам, во все стороны расходятся железные дороги.

Рядом с Московской лежит Западная область, а за ней Белорусская ССР. Новая индустрия в старых торговых и кустарных местечках, торфяные электростанции среди осушаемых болот.

Чем западнее, тем мягче и сырее климат. На деревьях гнезда аистов. Досчатые панели на топкой земле. Зеленоватый мох на крышах.

Ленинградский порт. Механизированная погрузка леса.

На северозападе к Московской области примыкает льноводческая Калининская область.

За нею—Ленинградская область: валуны на полях, моренные гряды, сырые луга вдоль рек, расчищаемый под пшеницу лес, влажное дыхание Балтики. На бере-

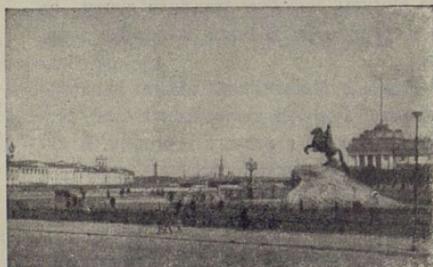
гу Финского залива стоит Ленинград—город строгих проспектов и одетых камнем каналов, центр сложного машиностроения, важнейший порт.

Севернее Ленинграда, за Ладожским и Онежским озерами,—Карельская АССР.

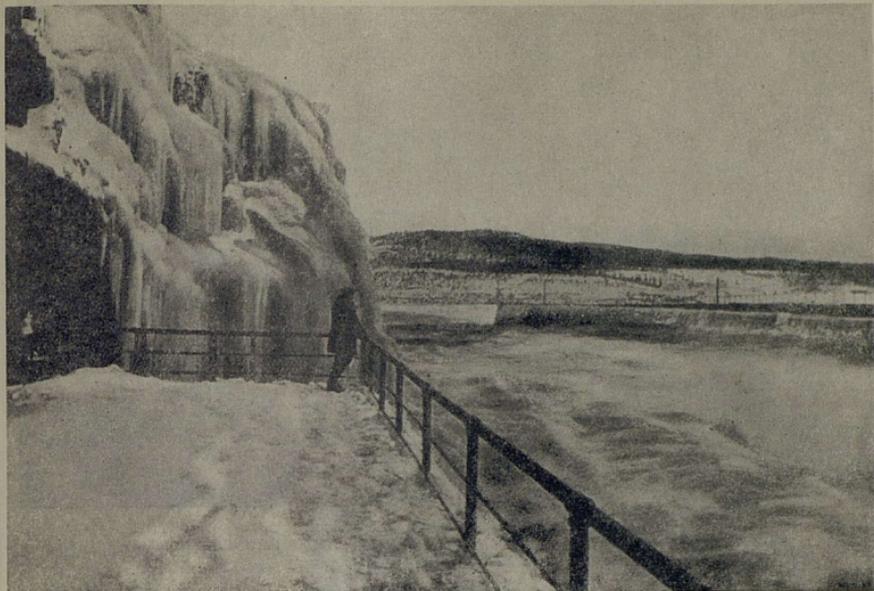
Мощные лесокомбинаты, сооруженные в краю заросших соснами скал. Каналы с усовершенствованными шлюзами, проведенные в краю бесчисленных озер. Бетонные гидростанции, построенные в краю лесных водопадов.

На севере материк заходит за Полярный круг и кончается Кольским полуостровом, обрывающимся в Ледовитый океан. Это Мурманский округ, Ленинградской области.

Под хмурым небом тянутся горы с пятнами снега. Среди низкорослых лохматых елей — новые заполярные центры

Ленинград. Памятник Петру I.

На реке Туломе построена самая северная полярная гидростанция. Первая турбина ее уже дает ток Мурманску. На снимке — отводящий канал водосброса.

горной промышленности. Среди болот и камней — пашни и огороды совхозов, пионеров полярного растениеводства. Олени упряжки и электрический поезд.

В глубоком полярном фиорде, согретом ветвью Гольфстрима, построен незамерзающий Мурманский порт. В Мурманске стоянка траулеров Баренцева моря — судов, вылавливающих рыбу огромными сетями — тралями.

С северо-востока к Москве вплотную подходит тайга — густой хвойный северный лес.

Чем ближе к югу, тем чаще он перемежается пашнями и расступается вокруг городов. Здесь Ивановская и Ярославская области. Над их городами раньше поднимались лишь кирпичные корпуса текстильных фабрик. Теперь там вырастают

железобетонные цеха машиностроительных заводов.

Чем дальше к северу, тем полнее господство леса. Здесь Северная и Кировская области, автономная республика Коми.

Грузовики и тракторы по новым лесным дорогам вывозят лес к крупным лесокombинатам, к сплавающим рекам, к станциям железных дорог. В дремучих лесах — первые нефтяные вышки, первые угольные копи.

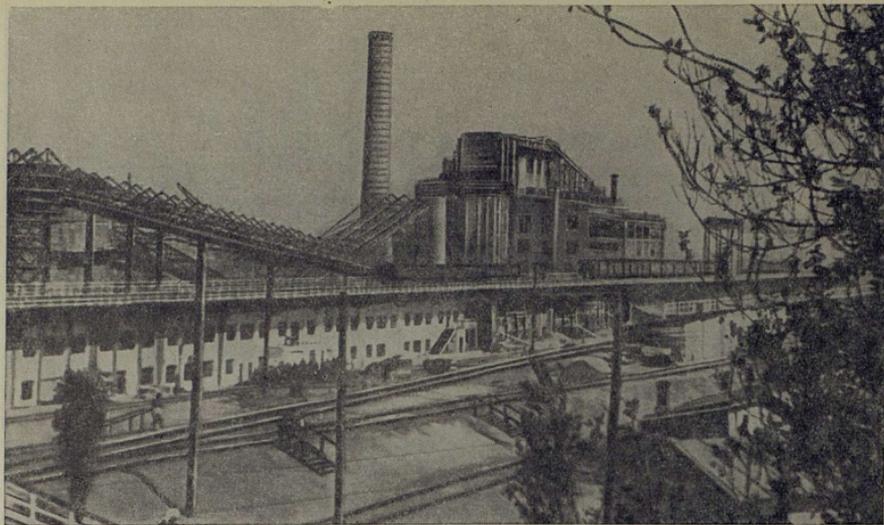
Короткое лето. Долгая и суровая зима.

К югу от Московской области лесная зона переходит в лесостепь. Здесь лежат Курская и Воронежская области — чуть холмистая, почти безлесная равнина. В обширной земледельческой район вкраплены города с новыми заводами.

До революции эти места отличались

Украина. Металлургический завод имени Дзержинского.

нищетой крестьянства, разоренного помещиками, истощавшего землю трехполькой. Теперь здесь зажиточные колхозы с правильными севооборотами, с машинами.

Южнее исчезают последние рощицы. Тянется ровная степь: Украинская ССР, Азово-Черноморский и Северокавказский края. Берега Днепра, Дона, Кубани, Терека.

Белые хаты колхозных деревень и станиц погружены в сады. Собственнические межи на полях распашаны. Введены новые культуры.

Среди южных земледельческих просторов, взрытых силой тракторов, — индустриальные пятна: засыпанный углем Донбасс в дыму металлургических заводов; группа новых заводов в Запорожье вокруг гигантской Днепровской плотины; Харьков, Ростов на Дону — растущие узлы машиностроения; Одесса, Мариуполь, Новороссийск — крупные порты, вывозящие хлеб, уголь, цемент; города сахара: Винница, Сумы; взбегавший на высокий берег Днепра старый Киев — столица Советской Украины, застраивающаяся новыми домами и заводами.

На юге Крымским полуостровом материк вдается в Черное море. Южный берег Крымской АССР — это субтропики, край кипарисов, винограда, курортов.

Новороссийский порт.

☆

На востоке и юговостоке от Московской области лежат Горьковская область, Татарская АССР, Куйбышевская и Саратовская области, АССР Немцев Поволжья, Сталинградская область. Это Поволжье — на севере лесистое, на юге степ-

ное, до Волги холмистое, за Волгой плоское.

Обнажившая песчаные отмели, но еще просторная и мощная Волга — ось этих районов. Она притягивает индустрию, сосредотачивая ее в городах, на пересечениях с железными дорогами. Там пилят лес, идущий с верховий, перерабатывают нефть, идущую снизу, строят машины.

В Заволжье полосками вдоль пашен насаждают леса, преграждают плотинами реки, проводят каналы, борются с засухой.

На волжских берегах бурят землю, прощупывают грунт: ищут место для будущих огромных гидроэлектростанций.

Волга широким разливом уходит на юг, к жаркому Каспию. Там край рыбы, соли, арбузов.

Равнины Северокавказского края переходят на юге в горы.

От Черного моря до Каспийского протянулась стена Кавказского хребта. Увеченные снегами горы возглавлены Эльбрусом, высочайшей вершиной Европы.

Пихтовый лес взбирается на склоны горных долин, разрезанных голубыми потоками. Альпийские луга осыпаны цветами. Ледники сверкающими ступенями сходят в ущелья.

В лабиринте долин — высокие аулы, как гнезда птиц. На Кавказе живут горцы: карачаевцы, черкесы, кабардинцы, балкары, осетины, ингуши, чеченцы, аварцы, лезгины.

В складках гор строятся электростанции, дороги, новые селения.

Трудные перевалы Кавказа и узкие полоски Черноморского и Каспийского побережий ведут в загроможденное горами Закавказье.

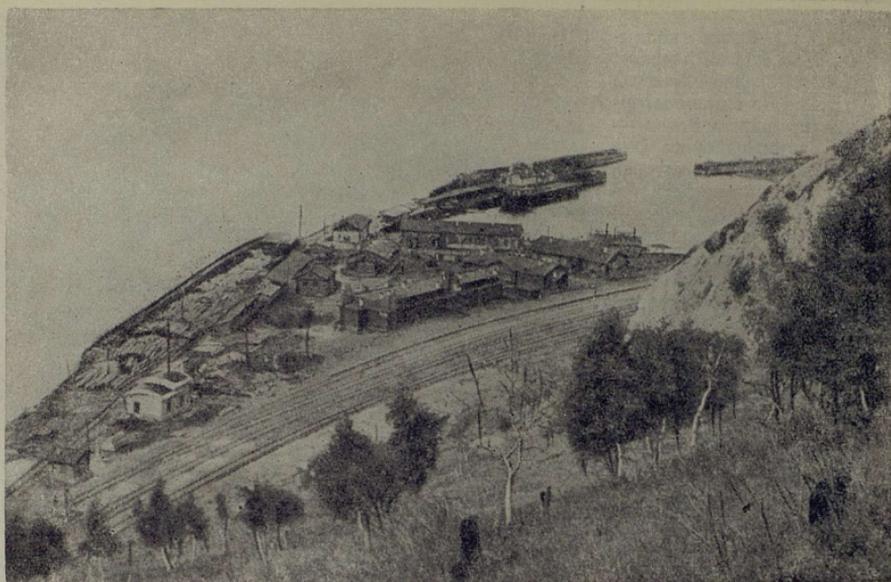
Военно-грузинская дорога. Участок между селением Казбек и Гвиедами.

С черноморского берега сквозь листья пальм видны вечные снега вершин. Бесплодный камень чередуется с почвой, занятой субтропической флорой. Безводные, выжженные солнцем пространства лежат неподалеку от непросыхающих болот, залитых частыми ливнями.

Через сухие земли проводят оросительные каналы, чтобы сеять хлопок. Болота осушают, чтобы садить чай и цитрусы. Возле разрушенных временем феодальных замков вырастают заводы и электрические станции.

В центре Закавказья — Тбилиси, столица союзной Грузии. На берегу Каспийского моря — нефтяной Баку, столица союзного Азербайджана. Южнее Еревана, столицы союзной Армении, как пограничная вежа возвышается Арарат. Дальше уже Турция.

Кругобайкальская железная дорога идет по самому берегу Байкала.
На снимке — станция Байкал.

Европейскую и Азиатскую части СССР разделяет хребет, с него спускаются Свердловская, Челябинская, Оренбургская области и Башкирская АССР.

Это Урал. Пологие, невысокие горы. За камни цепко держатся ели и сосны. На дне долины сверкает заводский пруд. Над лесом — дым заводов.

Уральский хребет стар: его стесало время, обнажив железо, медь, золото, платину, драгоценные камни.

Промышленность здесь сложилась издавна, но на современном Урале рядом со старыми полкустарыми горнами, ставшими чуть ли не музейной диковинкой, высятся новые крупнейшие домны, новые просторные цеха.

Весь Урал в строительных лесах.

За Уралом — Азия. Здесь простирается западносибирская низменность, пересе-

ченная Обью и ее притоком Иртышом. Это Омская область и Западносибирский край. На севере — бурелом, трясины, гари, тайга. Южнее, вдоль сибирской железнодорожной магистрали, — полоса лесостепи: березовые рощицы среди черноземных пашен. Еще южнее — степь.

На юговостоке, в предгорьях Алтая, лежит Кузбасс — крупная угледобыча, современная металлургия и химия.

К востоку от западносибирской низменности начинаются горы. За многоводным Енисеем, пересекающим всю страну с юга на север, лежит земля, собранная в складки.

Тайга. Механизированные рудники. Охотничьи угодья. Авиолинии. Это страна грандиозных масштабов: Красноярский край, Восточносибирская область, Бурят-Монгольская и Якутская АССР.

Треть Советского союза. Великие реки — Лена, Енисей, Ангара. Глубокий Байкал — море, поднятое в горы. Почти нетронутые, бесконечные леса. Колос-

Колхозник Абдурахман Хазиев готовит жидкие удобрения для поливки хлопковых полей (Узбекская ССР).

сальные запасы угля, золота, водной энергии. Самые холодные зимы на земле.

В восточной половине Союза наиболее обжита ее южная часть, прилегающая к сибирской магистрали: там больше пашен, гуще население, чаще города.

В казахстанских степях прокладываются новые автомобильные трассы. На снимке — встреча в степи.

На юге уральские горы и западносибирская низменность переходит в Казахскую ССР — республику казахов-кочевников, переходящих к оседлости.

Громадные просторы. Ни деревца. Редкие реки. Стада на степных пастбищах. Добыча угля, меди и нефти приемами новейшей техники. Новая сеть железных и автомобильных дорог.

★

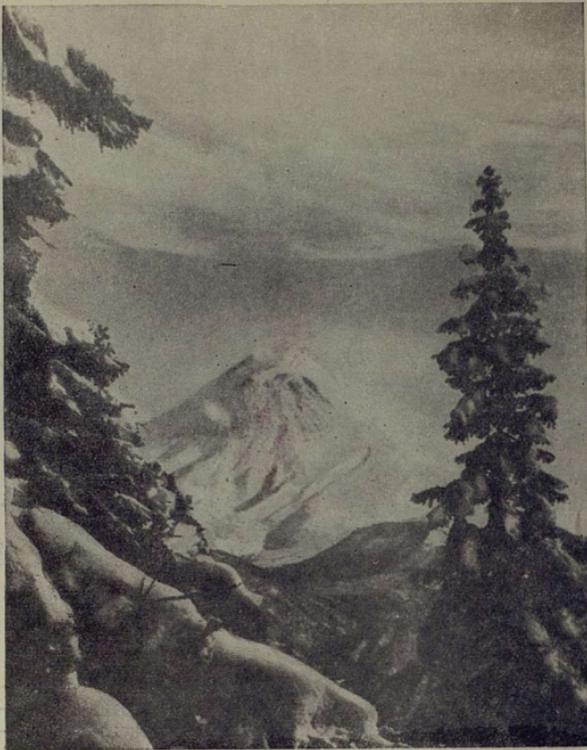
Южнее Казахстана лежит Средняя Азия—четыре союзных республики: Узбекская, Туркменская, Таджикская, Киргизская—и одна автономная Кара-Калпакская.

Это крайний юг СССР. В пятнадцати километрах от границ Средней Азии начинается Индия.

Желтая, бедная влагой равнина под синим куполом неба. Среди величайших пустынь — редкие оазисы, полные жизни.

Хлопковые поля, пронизанные оросительными каналами. Глиняные кишлаки,

Камчатка, вулкан Кизимен.

отмеченные пирамидальными тополями, издали похожими на птичьи перья. Корпуса промышленных зданий возле развалин мечетей времен Тамерлана. Жара.

На юге Средней Азии горы: Памир и Тянь-Шань. Заоблачный мир льда и камня, пересеченный вьючными тропами и автомобильными трассами.

★

К Тихому океану СССР выходит Дальневосточным краем. Когда в Москве вечер, здесь уже утро.

На таежных сопках, в падах Приморья юг встречается с севером: кедр опутан лианой, тигр живет рядом с сободем.

На юге, в равнинных районах по течению Зеи, Амура, Суифуна край густо заселен. На берегу Амура создана Еврейская автономная область. Евреи здесь селятся, осушая болота, раздвигая тайгу.

За Татарским проливом лежит остров Сахалин, принадлежащий нам своей северной частью. Здесь добывают нефть и уголь.

За суровым Охотским морем — Камчатка, полуостров, богатый нефтью, пушниной и рыбой. В пелене тумана курятся конусы гор — это вулканы.

На Советском Дальнем Востоке много новых городов, новых заводов, новых дорог.

★

На севере советская земля простирается от Финляндии до Аляски.

Топкая тундра, расчлененная руслами широких северных рек, на юге заслонена стеной тайги, на севере окунается в Ледовитый океан.

Призрачный летний день с незаходящим солнцем, долгая и морозная зимняя ночь. Редкие селения оленеводов и рыбаков. В Северном Ледовитом океане лежат острова. Они засыпаны снегом.

Над сутробами — радиомачта. В белом небе — крыло самолета. Среди льдин — пароход.

Границы советского сектора Арктики сходятся в северном полюсе.

★

Шестая часть обитаемой суши. Страна, такая огромная, что экспресс пересекает ее в девять суток. Это СССР, страна социализма. Это наша родина.

Зарастающее озеро

Прошлое города Минска

В 11-м номере журнала я прочитал отрывок из письма кого-то из минских ребят: «У нас в Минске совсем нет географии». От Минска до г. Борисова, где я живу, всего 79 километров. Я часто бываю в Минске. Этот город возник на перекрестке торговых путей. Название «Минск» произошло от слова «мена». Маленькая речка Сви́слочь, на которой стоит Минск, где летом купался, наверное, и мальчик, написавший письмо, теперь не имеет никакого транспортного значения. Но в 15—16-м веках эта «куриная» река была главным водным путем, по которому шли грузы с Немана к Днепру. Не удивительно поэтому, что киевские князья вели войны с Полоцким княжеством из-за Минска.

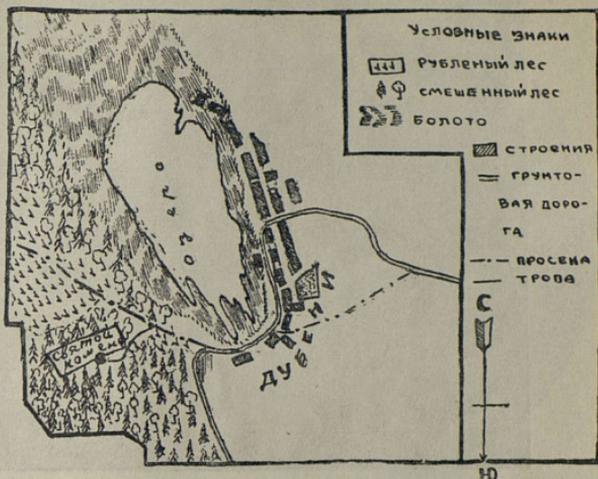
Через кварталы старого Минска проходит река, вернее, ручей, под названием Немига. Об этой самой Немиге упоминается в знаменитом «Слове о полку Игореве»:

«На Немиге снопы стелют головами, молотят цепями харалужными, на току жизнь кладут, веют душу от тела. Немиги кровавые берега не добром посеяны, посеяны костями русских сынов».

Уже из этого краткого рассказа видно, как много интересного можно узнать о Минске. А сейчас я хочу рассказать об окрестностях города Борисова. Я обследовал их с товарищами.

Поход в деревню Дубени

В северной части Борисовского района типичный моренный ландшафт. Реки и ручьи журчат, омывая камни, которыми усеяно их русло. И когда глядишь

План озера и деревни, составленный Юрой Мазингом.

в их холодные воды, то видишь, как дрожит каменистое дно, сложенное из красных, серых и белых окатанных камешков. А когда взойдешь на холм, влезешь на высокую сосну и оглядишься, — видишь леса, уходящие вдаль, изрезанные просеками и дорогами холмы, на вершинах которых шумят хлеба, а там, вдали, виднеется и деревня. Разбросанная по склону холма, она вытянулась вдоль реки с крутыми берегами. Вдоль дорог и на полях лежат серые валуны.

На юге района характер местности совсем другой: там много болот, местность однообразна; у рек тихое течение и болотистые берега.

И вот мы, группа юных краеведов, отправились в поход по северной части района. Я слышал, что в деревне Дубени, в 11 километрах от г. Борисова, есть озеро. Старики рассказывают, будто у озера лежит «святой» камень. Я раздобыл карту-двухверстку, собрал ребят, рассказал об озере и предложил сходить туда. Все согласилось, и я по карте повел отряд.

Деревня была расположена полукругом вокруг озера, которое на солнце

Валун в лесу. Вдали озеро ледникового происхождения.

отливало серебром. С севера лес подходил к самой воде, отражаясь в ней. Берега озера были окаймлены зарослями аира и торфяными болотами, на которых росли чахлые сосны да корявые березки. К северозападу озеро закруглялось, к юговостоку было сужено и клиньями врезалось в болото. Вода была мутная, зеленоватая, богатая планктоном. Мы расспросили у ребят и стариков об озере, «святом» камне и деревне, и нам рассказали такую легенду.

Когда-то здесь находился дремучий дубовый лес, в котором жили разбойники и губили много людей. Вот раз сели они пировать на том самом месте, где сейчас озеро, а среди них была женщина с ребенком. Тут бог, для того чтобы покарать грешников, наслал грозу. От грома треснула земля там, где происходило игрище, и все грешники провалились в эту щель. Вода наполнила щель, и образовалось озеро. Женщина же превратилась в камень.

Мы побывали у «святого» камня. Он оказался большим валуном. Побывали и на середине озера (туда нас свозил на лодке один парень). Мы опустили

в воду наш лот длиной в 12 метров, и он не достал дна.

Озеро постепенно зарастает. Ряска зеленоватой пеленой покрывает прибрежную полосу. За ней идет аир. Его сочные корневища сплетают пловучий настил, на котором растут болотные растения. Еще подалее от воды селятся сфагнум и чахлые сосны. Если попрыгать на берегу, то по воде разойдутся круги, а берег заколышется: торфяные берега держатся на воде. Этим пользуются колхозники. Они выкапывают на берегу озера бассейны. Копать приходится неглубоко: метр — полтора, — и получается глубокий бассейн со всегда чистой водой, куда пускают гусей.

Болота, которые находятся вдоль берегов озера, продолжают на северозапад и тянутся еще 5—6 километров до деревни Дубовики. Очевидно, это безыменное озеро когда-то было довольно велико, но благодаря своей малой глубине оно заросло и превратилось в болото, за исключением южной части, наиболее глубокой.

Ю. Мазинг

БССР, г. Борисов, ул. Подбельского, 14/50.

Конкурс на лучшие рисунки, карты, фотографии

Рисунки Ивана Куприянова, г. Куляб, Таджикской ССР.

Таджик-колхозник из кишлака «Лиман».

Вечер в долине реки Ак-Су. На трупе шакала сидят два грифа.

Вид в Северном Таджикистане.

Загадка Картагонского болота

М. Дурденевская, геоморфолог, член О-ва испытателей природы

На Картагонское болото я попала таким образом: в Восточной Сибири, на реке Ангаре, у самого впадения в нее реки Китоя, решено было построить группу заводов. Выбрали уже и площадку для строительства, около села Биликуй. Но неподалеку находилось большое болото, под названием Картагонское. Его, конечно, надо было осушить. Я по специальности геолог. Вот меня да еще ботаника и послали исследовать это болото, узнать причины его образования и решить, как его осушить.

Мы обошли огромную трясиину. Она лежала в долине реки Китоя, в том месте, где долина сильно расширялась. Северный берег болота, высокий и холмистый, был сложен из горизонтальных пластов песчаников. С него стекало в болото несколько маленьких речек. А южный берег был низок и весь покрыт крупной галькой, такой же, как и в русле Китоя. Из этих галечных отложений сочилась вода. Выковырнешь гальку и увидишь струйку воды, текущую в болото.

Идем мы по болоту вдоль берега и время от времени выковыриваем гальки — сочится вода да и только! Идем километр, два, три... Как ни выроешь ямку, все течет вода, и все с юга на север, в болото. Что за штука такая? Это уже не ключ, не речка, а целый слой воды шири-

ной более трех километров. Откуда такая масса воды? Течет она с юга — значит, источник ее находится где-то на юге. Идем на юг. А там, в четырнадцати километрах от болота, прижавшись к коренному берегу, течет Китой. Неужели вода просачивается из него? Но тогда Китой должен находиться выше Картагонского болота!

Так оно и оказалось. Когда промерили высоту болота и реки, то определили, что река лежит выше болота на целых 12 метров.

Не удивляйтесь этому. Существует немало рек, которые так загроздили свое русло осадками, что текут теперь выше дна своей долины. Вал из песка и гальки, намытых рекой в половодье, удерживает воду на этой высоте.

Из таких рек наиболее известны: река По в Италии, низовья Рейна в Голландии, нижнее течение Миссисипи и Хуан-Хэ, Желтая река, в Китае. Хуан-Хэ часто прорывает свои береговые валы и производит опустошительные наводнения.

Оказалось, что Китой также течет выше дна своей долины и отделен от нее галечным валом всего в два с половиной метра высоты, и то если мерить при низкой воде. В половодье же вал возвышается над уровнем воды только на полметра! Подумись вода по какой-либо

причине выше обычного уровня — и ничто не помешает Китою прорваться в Картагонское болото, а там по руслу реки Картагона ринуться в Ангару, смекая все на своем пути.

И тут-то, на самой дороге, расположена площадка строительства. Хорошо, что вовремя подумали, а то жил бы завод под вечной угрозой наводнения.

Но это еще не все. Мы обследовали Китою выше и ниже Картагонской котловины и выяснили, что там русло его, как у всякой реки, лежит ниже дна долины. Отчего же здесь Китою течет выше этого дна? Что заставило эту реку построить такое своеобразное русло? Да и не одну эту реку. Оказалось, что у соседних рек: Иркуты, Белой и Оки — такие же котловины.

В чем тут дело? Внимательно рассматривая карту, я заметила, что все котловины лежат на одной линии, которая на юге пересекает озеро Байкал. Побережье Байкала в этом месте прекрасно исследовано. Нельзя ли на нем найти объяснение того, что, собственно, представляет собой линия, на которой лежат речные котловины?

Не откладывая дела в долгий ящик, я занялась просмотром работ инженеров, строивших железную дорогу. И вот что я узнала. Кругобайкальская железная дорога построена в 1906 году в одну колею ради экономии. При постройке линия пути была выравнена. А местами над дорогой были поставлены значки — репера — с точным (до миллиметра) обозначением высоты над уровнем моря. Эти вылитые из чугуна значки были врублены в скалы и залиты цементом.

Через 20 лет, в 1926 году, стали переделывать Кругобайкальскую линию на две колес. Опять начались изыскания и измерения высот. И ко всеобщему удивлению оказалось, что тщательно выравненная двадцать лет назад линия стала совсем неровной. Промерили высоты реперов, оказалось, что и они сместились: часть поднялась, часть опустилась. А некоторые опустились очень сильно — на 19—20 сантиметра, то есть двигались

со скоростью одного сантиметра в год.

Я нанесла на карту поднявшиеся и опустившиеся участки. Оказалось, что опускание происходит там, где Байкал пересекается линией, соединяющей котловины рек Китою, Иркуты, Белой.

Тут вопрос начал проясняться. На Байкале, на месте пересечения с нашей линией, происходит опускание. А что если оно происходит и по всей линии? Не объяснит ли нам это предположение происхождение наших котловин? Оказывается, объясняет и очень хорошо. А именно: раз местность опускается по линии, примерно параллельной реке Ангаре, то ее наклон в сторону этой реки становится меньше и течение рек, впадающих в Ангару, замедляется. Реки уже

Карта Картагонской котловины

— Высокие, каренные берега рек
 — Старое русло р. Китою
 10 20 км.

не в силах нести такое количество осадков, как раньше. Часть их оседает, загромаждает русло, и в результате получается своеобразная дамба. Реки текут как бы по настилу.

Интересно, что все это мы узнали благодаря изучению самого обыкновенного с виду болота. Поэтому-то географы изучают с одинаковым интересом и тщательностью каждый участок земли, а вовсе не только моря, большие реки и горы. Иной раз именно изучение мелкой формы земной поверхности и объясняет историю всей местности.

Вам, юным географам, тоже надо придерживаться этого правила. Исследуйте ближайшие речки, озера, болота, холмы — и они расскажут вам историю своего происхождения, не менее любопытную чем история Картагонского болота.

Фонд Географического Общества.

Боря Девятов (Казань) раньше жил в Алма-Ате — столице Казахской ССР. Боря пишет, что там по краям улиц проведены арыки, по которым течет вода. Вдоль арыков растут деревья. В дарское время в Алма-Ате не было водопровода и жители пользовались для питья водой из этих арыков. Когда выезжаешь из города по направлению к горному хребту Заилийскому Ала-Тау, то приходится пересекать головной арык, то есть тот, из которого подается вода во все городские арыки. Вода эта идет с гор.

Горы подходят к Алма-Ате ярусами, сначала маленькие, затем высокие, покрытые лесом, а дальше тянется хребет со снеговыми вершинами. С гор по ущелью бежит быстрая река Большая Алма-Атинка.

Ваня Сварник (Винницкая область, УССР) пишет о Вишневчикском сахарном заводе. Винницкая область — наша «сахарница». Здесь на огромное расстояние тянутся поля, засеянные свеклой, и построено много сахарных заводов.

Вишневчикский завод — один из самых старых, ему около ста лет. Но раньше это был заводик маленький, плохонький. Говорят, что в старые времена администрация, чтобы рабочие не ели сахара, заставляла их надевать на рот особые маски.

Вера Ечина (Ленинград) летом ездила на пароходе по Волге. Вера описывает волжские берега, Жигулевские горы, яблочные сады под Васильсурском, Камское устье. Лето

было очень жаркое, и Волга сильно обмелела, появились новые отмели там, где их раньше не было. На пароходе очень часто промеряли глубину.

Коля Тетерич (село Мостовое, Азово-Черноморского края) описывает горы, окружающие село Мостовое. В этих горах растет в диком виде множество фруктов и ягод: ежевика, терна, груш, яблок, кизила, — есть даже дикий виноград. Осенью Коля с товарищами ходит в горы за фруктами. Ребята всегда возвращаются с полными сумками.

Село стоит в долине, на реке Лабее, рядом течет еще река Ходзь. Живут тут и русские и адыгейцы. Адыгейцы летом перегоняют стада на горные пастбища, а зимой снова возвращают их вниз.

Толя Силуянов (Москва) описывает лес около станции Кубинки, часть большого лесного массива, который тянется вдоль реки Москвы до города Рузы. Сырая, болотистая почва, густые ели, сквозь ветви которых с трудом пробивается солнце, делают этот лес мрачным и темным. Тут нет ни грибов, ни кустарника. Если чуть копнуть землю, то попадаются ракушки. Они бывают и на поверхности. Это говорит о том, что вся эта местность была раньше покрыта водой.

Ося Голодец (Гомель) пишет о своем городе. Ося осмотрел исторический музей. Особенно понравились ему статуи римских богов, которые стоят у входа, две старые пушки и походная палатка князя Паскевича.

МОРЯК

(Перевод с еврейского)

Рассказ И. Кипниса

Рис. Б. Синявского

О наводнении на Трухановом острове в газетах писали много: писали о том, как разливается Днепр, как прибывает и поднимается вода, как спасаются на лодках жители и как им помогает городской совет,— обо всем писали, а о Жене не писали ничего.

Жена скоро будет три года. Носик у него курносый и всегда испачкан. Но все это ничего!

Зато Женя умеет петь хорошие песни: «Раз, два, раз, два, три» и «Тихо, товарищи, шапки долой». Но и это пустяки.

Все было бы неплохо, если бы мама и няня Харитина не запирали бы его в квартире одного. Мама уходит на работу, а няня Харитина уезжает далеко в казарму за пайком, так как женин отец—командир и учится где-то в Ленинграде.

Вот и запирают Женю одного да еще плакать не велют.

Но кто сказал, что Женя будет плакать? И не думает даже.

Он поет песни и строит из поленьев, сложенных у печки, корабли, большие и маленькие. Женя очень любит корабли и лодки, так как живет на острове Трухановом и дом их стоит у самой воды.

Женя берет две палки вместо весел, садится в корыто посреди комнаты и представляет себе, что плывет и вокруг него море. А если в это время кто поступится в

дверь— пусть это даже коза нечаянно стукнет рогами в стенку, — Женя ничуть не пугается.

Он тотчас же кричит:

— Папа в Ленинграде, мама ушла на работу, Харитина пошла в казарму, двери заперты, а я один дома!

Началась весна, лед сошел, и река разлилась, но не так уж сильно, как ранее предполагали все. Очень хорошо! Скоро 1 Мая. Все готовятся к встрече, готовится и Женя.

У него есть два костюма: один матросский, а другой получше — командирский.

Но Женя собирается надеть матросский костюм, так как хочет быть моряком.

И, как обычно, мать и Харитина оставляют его в комнате на долгие часы одного. Но к 1 Мая должен вернуться отец. Пока же его нет.

Однажды утром жители Труханова острова оглянулись и сказали:

— Э-ге! А река-то поднимается. Вода уже на дворе. Ну что ж!

Каждый год обитатели Труханова ждут этого. И возле каждого дома стоит привязанная лодка. А кроме того еще многие дома там построены на высоких сваях, чтобы вода не достала, если разольется река. У кого же дом не на сваях, тот спасается на мезонине или на чердаке. Чуть что случится, люди живо поднимаются на чердак и

Не прошло и часу, как комната наполнилась водой.

переносят туда вещи, которые боятся воды: постель, книги, спички, платье, посуду и лук. И если есть у кого корова, свинья или коза, их втаскивают тоже на чердак. Их вводят туда по широким ступеням, и стоят они там наверху и едят, если дадут им есть. Как же иначе?

А во многих домах можно видеть коз и на балконах. Они стоят там, как дачники. И праздные люди, глядя в бинокли за наводнением с другого берега, показывают на них пальцами и смеются.

Но коз это совершенно не трогает.

И в этом году в конце апреля в солнечный день на Трухановом острове начался внезапно переполох. Вода стала прибывать и шаг за шагом захватывать сухие места.

Вот от берега пробралась она на улицы, с улиц—во дворы, со дворов—на огороды.

И теперь не отличишь, двор это или сад. Видна лишь река да в реке плетень, и торчат из воды деревья.

С Труханова дали знать в город, затрепачали телефоны в учреждениях. Горсовет выслал на помощь людей.

Но и сами жители Труханова острова тоже не дремлют: спешат к лодкам, бегут, торопятся, спасают из воды свои вещи.

— Хорошо, — говорят они, — что случилось это не ночью, а днем.

Им-то легко сказать это: они взрослые люди, большие и умеют и бегать и плавать на лодках—все могут.

Но что же делать Жене, когда он совсем маленький, и заперт на замок, и носик у него курносый, и вечно чем-то испачкан?

Он ничего не делает, потому что ничего не знает. Женя видит только солнышко

в своей комнате и, как всегда, хочет быть матросом.

И вот он уже сидит в корыте, в руках у него палки вместо весел, и он плывет, а вокруг него море.

Меж тем вода, заливая дворы и улицы, начала сквозь щели проникать и в дом.

Женя сначала было испугался, но тотчас же обрадовался, рассмеялся даже.

— Водичка! Водичка! Водичка! Иди сюда! — закричал он.

Он сильнее замахал палками, застучал ногами о дно корыта. Теперь он покатается на самом деле.

Не прошло и часу, как комната наполнилась водой. И женино корыто поплыло от печки к лавке, от лавки в угол.

Настоящий корабль!

Женя кричит, Женя командует. Он не устает махать палками. И не он один плавает. Плавают дрова, лежавшие у печки, плавают ведра, плавают таз. Плавают да и только!

Было уже около четырех часов дня, когда, спеша на тот берег домой, женина мать прибежала с завода к реке. И страшная картина предстала перед ней. На высоком берегу толпились люди и смотрели на остров. Он был залит водой, и в воде стояли дома, плетни и деревья.

Женина мать закричала. Люди испугались, глядя на нее.

— Что случилось, в чем дело? — спрашивают ее.

А она и ответить не может, только показывает туда — на остров, а сама бела, как платок.

Два человека на спасательной лодке подплыли к ней. Она прыгнула в нее, и сама схватилась за весла.

И вот уже лодка скользит по широкому разливу.

Молча и в тревоге наблюдали за женщиной люди. Она тихо стонала:

— Где мой мальчик, что с ним?

Лодка уже подплывала к домам. Шумели и кричали люди. Дети стояли на балконах, а с ними козы, куры и собаки. И все смотрели на блестящую под солнцем воду. Далеко простиралась она.

Наконец, женина мать подплыла к своему дому. Она уже у себя во дворе. Лодка носом с силой ударилась в дверь, запертую снаружи на замок.

И вдруг из дома раздался детский голос:

— Папа в Ленинграде, мама пошла на работу, Харитина в казарме, двери заперты, а я один дома!

Услышав голос Жени, мать от радости захлопала в ладоши. Она торопилась открыть дверь, а ключ валялся у нее из рук. Люди, сидевшие в лодке, помогли ей.

Дверь открылась с трудом: она уже была наполовину в воде, и навстречу лодке выплыли два полена, два ведра и корытце. В корыте, растопырив ноги, сидел Женя и пел песню.

Мать схватила его на руки и начала целовать. А люди положили в лодку ведра и другие вещи и вместе с Женей и его мамой отвезли на спасательный пункт.

Вот и вся история, а в газете о ней ничего не писали.

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ НАУК
БИОЛОГИЧЕСКИХ, ГЕОГРАФИЧЕСКИХ,
ГЕОЛОГИЧЕСКИХ, ТЕХНИЧЕСКИХ И ФИЗИЧЕСКИХ

Г Е О Л О Г И Я

Нефть под морем

Сказочно богата наша родина — Советский союз. Географы и геологи постоянно открывают новые пласты каменного угля, новые залежи железных руд, новые россыпи золота.

Еще недавно думали, что нефть у нас есть только возле Баку, на Апшеронском полуострове. А теперь нашли нефть на Урале, нефть на Керченском полуострове, вблизи Чонгелека. Геологи считают, что нефть должна быть и во многих местах на Украине.

Недавно в Днепропетровске собралась научная конференция, которая обсуждала вопрос о нефти в Приазовье.

Ученые даже определенно указывают, где, в каких пластах надо искать нефть.

Откуда же они узнали это?

По Азовскому побережью, от Утлюцкого лимана до Бердянска, на огромном пространстве, больше 2 тысячи квадратных километров, из скважин в почве выходят газы. Больше всего болотного газа — метана. На этих горючих газах уже работают электростанции.

В Румынии, в нефтяном бассейне Трансильвании, также из почвы выходят газы, содержащие болотный газ — метан. Этот газ — спутник нефти.

Чем глубже бурят скважины в Приазовье, тем сильнее вчрывается из них газ. Это значит, что где-то в глубине лежит мощный «источник питания» горючих газов — нефтеносный слой. Известно, что вода вытесняет нефть из глины в пористые породы. В таких-то породах на большой глубине ее и надо искать.

Жители Новой Васильевки не раз замечали, что при восточном ветре электрические лампочки меркнут. Но как ярко разгораются они при западном! Восточный ветер гонит воду из Азовского моря, понижает его уровень. И вот из газовых скважин газ начинает слабее выходить, слабее поступать на электростанции, словно упало давление, которое гнало газ.

Но почему же при колебаниях уровня моря колеблется и выход газа? Не значит ли это, что самые главные, гигантские запасы газа (а должно быть, и нефти) находятся подо дном Азовского моря и эти запасы под морем и «давят» на газовые выходы по морским берегам?

Сейчас уже идет подготовка к бурению морского дна сквозь мелкую воду Азовского моря. Когда удастся и эти запасы, скрытые под морем, заставить заработать для нашей промышленности, как быстро и далеко шагнет тогда Приазовье! Может быть, уже через немного лет здесь возникнет новый и могучий энергетический центр Советского союза.

Замечательный автожир

Можно ли летать по воздуху на автомобиле? Можно ли раз'езжать по улицам на аэроплане?

Оказывается, можно. Сейчас в Америке построили машину, которая служит и аэропланом и автомобилем сразу. На ней можно выехать из дома, проехать среди других авто по узким улицам со скоростью 60 километров в час, а выбравшись на свободное место, на площадь или за город, взлететь вверх и понестись, развивая скорость и в 100, и 150, и 200 километров.

Больше того. Эта машина умеет летать так, как не может летать аэроплан: она может летать медленно. Это тоже

очень важно для полетов в тумане, на разведке, при фотографировании с воздуха и во многих других случаях. А спускаться она может прямо вниз. Взлетает тоже без разбега, прямо «прыгает» кверху и летит. Поэтому она не нуждается в аэродроме, владелец может держать ее просто в гараже или сарае.

Эта удивительная машина — новый американский автожир. У него совсем нет крыльев, а лопасти ротора складываются и не мешают ездить по улицам. Мотор на земле вертит колеса, при взлете — ротор, а в воздухе — пропеллер.

Управлять автожиром легче чем самолетом, а летать безопаснее. Если пилот самолета сделает грубую ошибку, он рискует разбиться и разбить машину. А на автожире можно просто остановить мотор — и машина медленно, как парашют, спустится на землю.

Борьба со смертью

Сейчас весь мир знает уже о замечательных опытах московского ученого С. С. Брюхоненко. Девять лет назад Брюхоненко удалось на несколько минут оживить отрезанную собачью голову. В 1935 году Брюхоненко показал крупнейшим иностранным ученым, делегатам Международного физиологического конгресса, такой опыт. У собаки выкачали всю кровь. Сердце остановилось, собака была мертва. Брюхоненко подождал десять, двадцать минут, труп остыл. Затем заработал аппарат «искусственное сердце» — автожектор. Он погнал по жилам трупа свежую кровь. И случилось невероятное: собака ожила.

В Институте, которым руководит Брюхоненко, такое воскрешение убитых собак делалось много раз. Опыты удавались, если даже «искусственное сердце» начинало работать через 40 минут после смерти.

И все же это было оживлением наполовину: оживленные собаки жили самое большее несколько часов, а затем все-таки умирали.

Прошел еще год, и вот в этой борьбе со смертью Институт добился новой замечательной победы.

В Институте сейчас живут пять собак, которые на вид ничем не отличаются от всего многочисленного собачьего населения питомника. Никто не скажет, что эти пять собак были убиты в августе и сентябре прошлого года: одни отравлены сильным ядом, у других выкачана кровь, — а затем их оживили. Вот уже полгода, как они живут как бы второй жизнью. И одна из этих собак должна скоро принести щенят.

Пока все эти поразительные, небывалые опыты производятся на собаках. Наука всегда начинает работать на животных. Но эта работа на животных нужна для того, чтобы результаты ее перенести на человека. Институт Брюхоненко борется со смертью убитых собак для того, чтобы научиться побеждать смерть у человека, чтобы научиться возвращать к жизни людей, внезапно погибших, скажем, от несчастных случаев или больных, умерших потому, что «сердце не выдержало».

И, судя по всему, Институт уже очень близко подошел к разрешению этой задачи, над которой тысячелетия билось человечество.

Ф И З И К А

Нетухнущая молния

Летом в Париже откроется большая всемирная выставка. Посетители ее смогут видеть необыкновенное зрелище — искусственную молнию, да такую, которая не потухнет, едва вспыхнув, а будет продолжаться так долго, как только угодно.

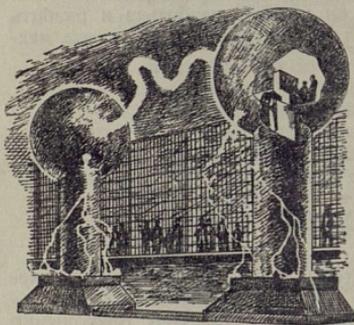
Эту удивительную молнию должна создать одна из двух самых больших на свете электрических машин. Сейчас ее строят знаменитые французские ученые Ирена Жолио-Кюри и ее муж Фредерик Жолио, приехавшие осенью в Москву.

Машина стоит в огромной круглой железной клетке 25 метров в высоту. В такой клетке поместился бы пятиэтажный дом. На двух высоких колоннах укреплены два громадных медных шара. Между шарами и появится искусственная молния.

В небольших электрических машинах, которые служат для опытов в физических кабинетах школ или которые ребята делают иногда сами из простой бутылки, стекло электризуется от трения о покрыв-

тую амальгамой кожу. Потом электричество переходит со стекла на металлические шары — кондукторы.

А на огромной машине в Париже будет электризоваться вместо стеклянного круга широкая лента из шолка или прорезиненной материи. Эта лента сшита концами и натянута между двумя роликами внутри колонн, на которых стоят медные шары. Моторы, приделанные к роликам, будут двигать с огромной скоростью эту ленту. Поэтому с нее попадет на шары очень много электричества. Столько, что его хватит на молнию длиной метра в три и больше. Напряжение должно достигнуть гигантской величины — в 5 миллионов вольт!

Треск от такой молнии будет похож на гром. Искра будет метаться между шарами, разветвляясь и сливаясь, изгибаясь и волнуясь. Огненные руки обовьются вокруг колонн.

Но зрителям, которые придут смотреть на это поразительное зрелище, не грозит никакая опасность. Молния как дикий зверь посажена в клетку и выйти из нее не может. Если какая-нибудь искра или вся молния метнется слишком далеко в сторону,—она обязательно попадет на прутья решотки и по ним уйдет в землю. Каждый прут, каждая проволока служат громоотводом.

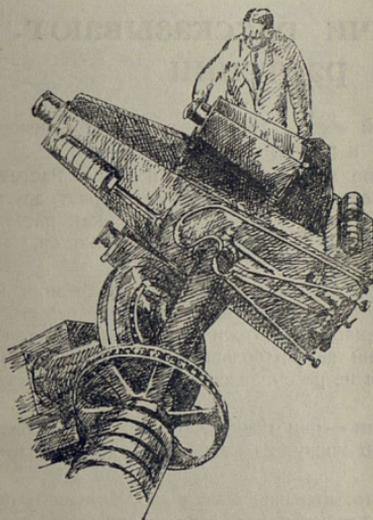
Но в безопасности не только зрители, но и люди, работающие внутри шаров. В самой середине огненного кольца молний, внутри шаров, люди будут спокойно управлять машиной. Ведь, по законам физики, все электричество собирается на поверхности шаров, а внутри его нет.

Гигантские молнии проскакивают во время грозы между грозowymi облаками. Но разряды во время грозы мгновенны, а люди научились делать нетухнущую молнию!

Т Е Х Н И К А

Новые фотографические аппараты

В последних номерах американских журналов мы нашли описание нескольких новых и необыкновенных фотографических аппаратов. Как видно по рисунку, они очень непохожи на знакомые всем нам фотокамеры.

Вот самая большая в мире батарея звездных камер. Она построена американским астрономом-любителем Куком и состоит из трех аппаратов. Самый большой снимает на пластинках шириной в 60 сантиметров и длиной в 72 сантиметра. Вместо видоискателя, которым наводят аппарат, к этой камере приделан целый телескоп.

Чтобы снять слабые, едва заметные в телескоп звезды, нужно делать очень большую выдержку — несколько часов, а иногда и несколько ночей.

Мощный электрический часовой механизм поворачивает батарею Кука так, что она все время направлена на те же самые звезды, на которые ее навели.

Весь аппарат весит две с половиной тонны. Чтобы перевезти его, разобрав на части, понадобится бы пять полутонных грузовиков.

Кук собирается составить новый фотографический атлас звездного неба. Сейчас он снимает по кусочкам все небо, видимое в северном полушарии, потом перевезет свою камеру в Южную Америку и там снимет небо южного полушария.

А на этом рисунке—батарея камер для с'емки молнии, построенная американским профессором Джоном Олбрайтом. Она составлена из многих фотоаппаратов и похожа на еловую шишку с отломанным кондом. Все аппараты приделаны к раме, а рама насажена на вертикальную ось и вертится на ней как волчок.

Снимают этим аппаратом так. Ночью, в грозу, его ставят где-нибудь на открытом месте, открывают затворы и крутят на оси. Пока нет молнии, никакого изображения на пластинках не получается, потому что кругом темно. Но если где-нибудь блеснет молния, она обязательно окажется снятой какой-нибудь из многочисленных вертящихся камер.

Оказывается, что быстро движущейся фотокамерой можно сделать снимок молнии, похожий на кинематографический, то есть такой, где будет видно, как она возникла, как двигалась, ветвилась, как ударила в землю, и т. д.

Третий необычный фотографический аппарат очень мал. Он настолько мал, что его вделали в замок обыкновенной дамской сумочки. Делая вид, что она что-то ищет в сумочке, владелица этого аппарата может неожиданно снимать ничего не подозревающих людей. Этими аппаратами, разумеется, воспользуется прежде всего американская полиция. Но и на войне, в разведке, они могут сослужить хорошую службу.

Б О Т А Н И К А

Древние кирпичи рассказывают историю растений

Человек изменяет растительный мир. С одними растениями человек борется, другие, наоборот, привозит и разводит.

Растительное население медленно меняется и само по себе. Растения кочуют, ветры и птицы разносят семена, одни породы вытесняют другие. Проследить, как путешествовали растения по земному шару, как расселяются они теперь, интересно и нужно для ботаников и для агрономов.

Только как узнать это?

Американский профессор Хендри заставил рассказать о древних коцевках растений кирпичи старых домов, построенных первыми переселенцами из Европы в Америку. Эти кирпичи непохожи на наши. У переселенцев не было кирпичных заводов, и они делали большие необожженные кирпичи из земли и глины, а чтобы они не рассыпались, вмешивали в них траву, сено, солому, тонкие ветки.

Хендри размачивал эти кирпичи—они превращались в грязь. Затем Хендри осторожно сливал глинистую жижу. В осадке оставались куски и обрезки стеблей.

Таким образом удалось выяснить, что пшеницы и роз, ячменя и персиков, бобов и арбузов, моркови и винных ягод в Америке не было до появления там испанских миссионеров лет 400 назад.

Все эти растения были завезены сначала в Мексику, оттуда перешли за людьми в Калифорнию и, наконец, распространились по всем местам, где только они могут расти.

Необычайная архитектура

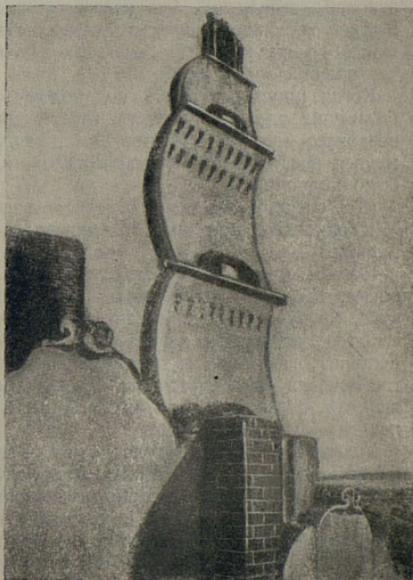
Это дымовые трубы в итальянском городе Орвиетто. Они сделаны спиральными для того, чтобы дым выходил из них ровными колечками или винтом.

Дорожка по воде. В Китае, в одном из парков, проложена дорожка прямо посередине ручья.

Жилище немецкой безработной молодежи: на земле нет места для них. Им не дают земельных участков—они строят свои дома на деревьях.

Паруса из камня. Памятник мореплавателям в городе Гваделупе (Вест-Индия).

Зимовочный КОТ

Рассказ М. Зингера

Рис. П. Митурича

I

Шхуна «Чукотка», раздавленная льдами, медленно погружалась в море. Вся команда высидела на лед, и, как подобает, последним покинул судно капитан. Вернее, капитан только думал, что он последним уходит с корабля. На самом же деле до конца на «Чукотке» оставался забытый всеми в минуты опасности кот Васька.

Вода быстро заполнила помещения шхуны и выгнала кота на верхнюю палубу. Убегая от наступавшего моря, кот забрался на капитанский мостик, откуда волею-неволей вынужден был прыгнуть на лед. Васька тоскливо оглянулся, как бы прощаясь со шхуной, где было так уютно и где водились крысы.

Когда шхуна скрылась под водой, люди были уже далеко от места гибели своего недавнего дома. Сжатый ветрами, лед сомкнулся над свежей морской могилкой, и все было кончено.

Кот степенно зашагал вслед за льдами. Так началась арктическая жизнь кота Васьки.

Позади всех по льду шла маленькая девочка. Ей предстояло жить в Чаунской губе, на мысе Певек, среди чукчей. Здесь ее отец должен был заведывать факторией. Девочка оглянулась в последний раз туда, где исчезли мачты корабля, и вдруг увидела кота, своего любимца, и стала звать его нежными именами.

Услышав знакомый голос, кот Васька изменил своему спокойствию и несколько прибавил шаг. Девочка попросила родителей взять кота на руки. Но они сами едва шли, изнемогая под тяжестью своей ноши. Тогда девочка взяла Ваську на руки сама. Но тот с детства не долюбивал ласки. Мускулистый, крепкий, хладнокровный, он был раза в полтора больше обычного кота и выглядел диковато. Под шерстью его, слов-

но сучья, торчали бородавки и зарубцевавшиеся раны. Кончики его ушей не были острыми, как у всех зверей из семейства кошачьих. Неизвестно, где Васька отморозил себе оба уха, и они у него закруглились.

Поерзав немного, Васька вырвался из рук девочки на лед и пошел снова за людской колонной. Так добрался он до парохода «Колыма», стоявшего неподалеку от места гибели шхуны.

Не удалось коту в тот год вернуться домой во Владивосток: «Колыму» остановили непроходимые льды.

Зазимовал с «Колымой» и кот Васька.

II

Четырнадцать месяцев зимовщики «Колымы» не видели своих родных и близких. Льды долго не вступали на чукотских берегов и грозили «Колыме» вторичной зимовкой. Но вот поднялся с берега ветер, разобрал понемногу лед, открылись разводья, и ледокол «Литке» вскоре салоговал «Колыме». «Литке» вел караван судов из Владивостока в полярный порт Амбарчик. Первым из каравана приблизился к зимовщикам «Урицкий». Все свободные от вахты люди высypали на верхнюю палубу «Колымы»: каждый ждал писем из Владивостока.

Взобравшись на ванты, величаво, спокойно смотрел на приближавшийся пароход Васька.

Едва «Урицкий» поравнялся с бортом «Колымы», чтобы дать ей уголь, как Васька переметнулся на незнакомое судно. Он не прогадал. На «Урицком» было много продовольствия: пароход только начинал арктический рейс, в то время как на «Колыме» экономили даже муку. За отсутствием угля ее жгли в топках, поливая машинным маслом.

Снабдив «Кольму» углем, каравач «Литке» простился с ней и ушел на запад, к Амбарчику. Ушел на запад и кот Васька. Кот понравился морякам с «Урицкого», но коту не пришлось по нраву пароход. И при первой стоянке каравана среди льдов Васька исчез с «Урицкого». Долго искали кота, но найти не могли. Радист «Урицкого», передавая на флагман¹ «Литке» служебную радиограмму, запросил: не знают ли на флагмане о пропавшем большом коте? Но на флагмане о нем ничего не слышали. Тем временем кот пробирался среди торосов к борту «Литке». От «Урицкого» до ледокола было около трех миль. Как известно, котам безразличен флагманский вымпел, и не из-за уваженья к началству отправился Васька на ледокол в трудный путь среди торосов: там жила кошка Машка, а Васька уж год томился в арктическом плену, ни разу не видав своих сородичей.

«Литке» стоял привязанный к большому ледяному полю, и корма, самая низкая часть корабля, была на чистой воде. Уставший Васька долго ходил вдоль бортов ледокола, но уцепиться коту было не за что. Тогда он присел на задние лапки и стал мяукать. Его услышал вахтенный матрос, заинтересовался неожиданным гостем и спустил наклонно длинную жердь с борта на лед. Кот мигом очутился на верхней палубе и пошел так уверенно, как будто сам чертил проект ледокола. Правда, немало Ваське помогла Машка. Она из любопытства вышла к гостю навстречу.

Машка была самой безобидной кошкой на свете. Она любила нежиться на мягких креслах и диванах в каюткомпании. У капитана «Литке» Николаева были две собаки. Они тоже заходили иногда в каюткомпанию. Собаки любили гонять кошку Машку. Она никогда не вступала с ними в пререкания и, даже не фыркнув, уходила прочь.

Одну из собак звали Чаун. Для него все коты и кошки были на одно лицо и одинаково ненавистны. Увидев в первый раз на кресле Ваську и приняв его за Машку, Чаун обычным небрежным жестом лапы хотел согнать ненавистную породу с места, но получил такой неожиданный удар лапой, что вынужден был с визгом отступить. Кот вскочил на диван, сел в угол и, надежно защитив свой тыл, продолжал оставаться в каюткомпании до тех пор, пока моряки

не закончили послеобеденного долгого разговора.

Так Васька завоевывал себе на судне авторитет.

Заметив на ледоколе кота, флагманский радист немедленно отбил об этом на «Урицкий». Приметы пропавшего кота совпадали с наружностью Васьки. Флагманские штурманы удивлялись, как среди высоких торосов Васька разыскал дорогу с «Урицкого» на «Литке», когда здесь легко можно было запутаться и человеку.

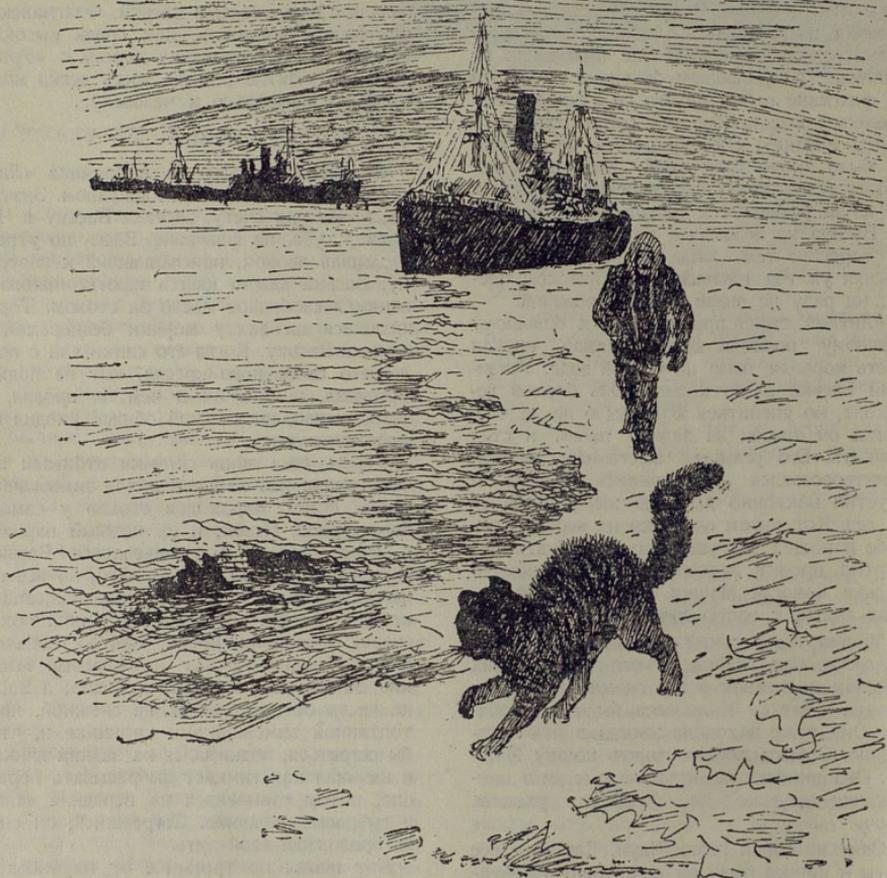
III

На обратном пути из Амбарчика «Литке» зазимовал со своим караваном. Зимовка, вторая по счету, застала Ваську в Чаунской губе, на флагмане. Здесь по утрам, услышав звонок, пригласивший к завтраку, Васька важно шел в каюткомпанию и занимал свободное место за столом. Торопившиеся на вахту моряки бесцеремонно сгоняли Ваську. Когда его спихивали с последнего свободного кресла, кот не подкалничал, никого ни о чем не просил, а неторопливо, но с явной обидой уходил из каюткомпании.

Утром, едва лишь склянки отбивали во всем часов, кот начинал обход зимовавших судов. Много пароходов стояло у самого берега мыса Певек, и на каждый пароход с утра должен был наведаться Васька. В сильные морозы Васька мерз, но все-таки продолжал, как и начальник экспедиции капитан Бочек, совершать утренний обход судов. Начальник носил теплую собачью куртку, шапку-ушанку и фетровые высокие сапоги—ему не было холодно; а Васька часто останавливался на снежной, протоптанной зимовщиками тропинке и, чтобы согреться, поднимался на задних лапках и начинал как гимнаст выбрасывать передние, потом становился на передние лапки и выбрасывал задние. Согревшись, он снова продолжал свой путь.

Кот шагал по тропинке от парохода к пароходу. Он не любил заходить в глубокий снег и никогда не сворачивал с тропинки—хоть на него ногой наступил. Если ему встречался человек, Васька останавливался и терпеливо выжидал, когда ему уступят дорогу. Никто не замечал в коте подобострастия перед человеком. Если кто пытался согнать Ваську с утоптанной дорожки, он выгибал свою тигровую спину, и это было плохим признаком. Мало находилось охотников вступать с ним в спор из-за таких пустяков.

¹ Флагманский корабль, на котором находится начальник эскадры.

Норд и Веста со страху прыгнули в воду.

На караване «Литке» тоже были собаки: Норд и Веста. Они хотя и опасались нападать на Ваську, но назойливо ходили за ним по пятам. Когда Ваське надоел собачий сыск, он выгibal спину, сердито фыркал—и собаки, трусливо поджав хвосты, отставали. На утро на прогулке собаки опять принимались дразнить кота. Это, видимо, прискучило Ваське, и он решил перейти в наступление.

Однажды, во время такой прогулки, кот, выпнув спину, взъерошив шерсть и фыркая, отчаянными прыжками стал наступать на собак. Он показался им таким страшным, что собаки, точно по уговору, бросились от него без оглядки.

За пароходами в середине зимы открылась во льдах майна¹. Морозы доходили до сорока градусов, и над открытой водой

¹ Польнья.

стоял пар. Кот погнался за собаками к полену. Норд и Веста со страхом прыгнули в воду. Как известно, вода в Северном Ледовитом океане никогда не бывает теплой. Собакам же это стало ясно лишь после их отчаянного прыжка. Сердитый кот ходил вокруг майны и долго не давал своим врагам вылезти обратно на лед. К счастью, матросы с ближайшего судна увидели собак. Матросы отогнали недоброго кота и выручили собак. Больше они Ваську не беспокоили.

В середине чаунской зимовки был объявлен конкурс на лучшую судовую стенгазету. Пароходы «Сучан» и «Микоян» из каравана «Литке» славились своими художниками. За первенство боролись главным образом эти два корабля.

К тому времени Васька совсем обжился на «Микояне».

Утром в день конкурса на «Сучане» обнаружили неслыханное преступление: в каюткомпании, на столе, где клеили и просушивали стенгазету, валялись только ее обрывки.

На обрывках нашли отчетливые следы васькиных когтей. Во время утреннего обхода судов кота привлек на стенгазете «Сучана» мучной клей.

На «Сучане» не успели исправить газету, и «Микоян» вышел на первое место. А Васька вскоре опять перебрался на флагман.

Как равноправный член экипажа, Васька охотно проводил время повсюду: в кубрике у кочегаров, в каюте капитана и в каюткомпании корабля. Он чувствовал себя везде отлично и даже принимал участие в играх. Человек десять из команды становились попарно, держа друг друга за вытянутые руки. Кот знал, что требовалось от него: он прыгал через вытянутые руки. Его просили повторить номер. Случалось, что он соглашался, но, если был не в духе, то, прыгнув через передний ряд, лишь пробежал под остальными и исчезал, рассмешился моряков.

Когда радиосвязь с материком затухала, прекращался и приток новостей. Становилось скучно. И часто по утрам вместо новостей люди делились своими снами. Сны заменяли некоторым радиogramмы. Если снились лошади, — это означало пароходы. Если люди купались во сне, — значит, предстояло тонуть. Белый хлеб предрецал благополучие, стадо коров — тяжелые льды, рыба — удачу. На все было свое объяснение.

Лучшим толкователем снов считался один из механиков флагмана. Каждое утро он подробно рассказывал о том, что видел во сне. Его слушали внимательно, уважая седины и отличные знания по механической части. Он недолюбливал Ваську и говорил, что вообще кошки долго на железных судах не держатся, погибают, потому что в железном корпусе судна есть всегда вредный для кошек слабый электрический ток.

IV

Во второй половине июля лед в Чаунской губе разломало штормом и унесло в море. Освободившись от ледяного плена, суда двинулись на запад, в Колыму, чтобы окончательно разгрузиться. Моряки высчитывали дни, оставшиеся им теперь до Владивостока. Второй зимовки никто себе не представлял.

Железный корпус судна ничуть не мешал Ваське. Он нашел себе занятие, свойственное его пылливому характеру. Вместе с четвертым механиком, Козловым, он спускался в машинное отделение, обходил всю машину, лазал под котлами, внимательно присматриваясь ко всему. Больше всего кота занимало соединение гребного вала. Над валом в площадке был вырез для осмотра соединения. Кот останавливался у выреза, смотрел на крутящийся вал и мелькавшие гайки, скреплявшие вал. Свесившись с площадки, кот упорно, но напрасно пытался поймать лапкой гайку, пока его не сгоняли. И он, обиженный, уходил, медленно поднимаясь по трапу.

На «Литке» сэкономили пресную воду. Возобновлять ее запасы было трудно. Как всякому живому существу, Ваське тоже была нужна питьевая вода. Но на судне вдоволь было лишь соленой морской воды.

Как-то забрел Васька в баню и наладился там мыльной, но пресной воды. Случалось и так, что палуба в бане была суха. Тогда кот поднимался на скамью, под кран, из которого до огорчения медленно капала пресная вода, и пил ее буквально по каплям.

Вскоре кочегары стали замечать, что кто-то в бане забывает прикручивать после мытья кран и выпускает много пресной воды. Одна вахта валила вину на другую, а запасы воды хищнически расточались.

Это было тяжелым проступком на корабле. Решили проследить виновника. Каждый смотрел друг за другом, а поймали на месте преступления Ваську. Как-то, про-

ходя мимо крана, он задел его спиной. Полилась вода. Кот попробовал ее, вода была вкусная. С тех пор каждый раз, когда Ваську начинала томить жажда, он бежал в баню, терся спиной о кран, открывал его, пил воду и исчезал. Одно было невзломек коту—закрывать за собой кран. Кота поймали. Кран в бане стали прикручивать проволочкой. Настал коту водяной пост.

Погода в бухте Амбарчик, в устье реки Колымы, продержалась штилевая, суда разгрузились и пошли обратно домой, во Владивосток. Команды были истощены зимовкой, проведенной в Чаунской губе. Лица многих пожелтели и обросли бородами. И, как ни странно, старики всю зиму тщательнее брились и выглядели молодцевато, а бороды носила молодежь: каждому юнцу непременно хотелось выглядеть старым, опытным полярником. Как водится на полярных судах, доктора занимались не медициной, а преимущественно фотографией. Бородачи, почуяв лето, становились против объектива докторского аппарата и, как только их борода была заснята, сбрасывали ее и превращались опять в молодых.

Один лишь кот щеголял попрежнему богатыми усами.

Думал или не думал кот? Если думал, то, несомненно, о том, что люди существуют для котов и обязаны уважать их.

На вантах «Литке» боцман развесил для проветривания разное копченье. Это сразу привлекло внимание Васьки, и он стал «пасть» на окороках, как говорили про него моряки. Ваську сгоняли. Он незойливо возвращался обратно, как только уходили его притеснители. Моряки знали, что кот не боится ни людей, ни собак, а боится только и не любит вывернутых мехом наружу полушубков, чукотских кухлянок и меховых штанов.

Был на зимовке в Чаунской губе случай: увидев впервые одетого в меха чукчу, Васька набросился на него без всякой причины и получил такой удар остолом¹ по спине, что долго не мог этого забыть. С тех пор для кота не было ничего на свете страшнее меховой одежды. Знавшие это матросы выследили его на окороках, надели вывернутые мехом наружу полушубки и пошли в обход на вора. Завидев страшного врага, кот бросился наутек и, спасая шкуру, очутился за бортом. Прыжок с большой высоты в студеную воду отрезвил его. Но на войне, как на войне! Надо бы

ло спешно думать о спасенье. Испуганный Васька поплыл вдоль борта «Литке», ища, за что бы зацепиться. Но железные борты ледокола были скользкие, и цепкие когти не могли за них ухватиться. Вдруг Васька порваньялся со штурмтрапом, свисавшим с борта ледокола (какой-то разиня-матрос не убрал его, сдавая шахту). Васька торопливо взобрался по штурмтрапу на палубу и пустился со всех ног наутек.

V

Колонна «Литке» пробивалась на восток в тяжелых льдах. Кот Васька перекочевал на пароход «Анадырь». В один туманный день, когда свистел проклятый нордвест, наводя тоску на моряков, один из них сказал:

— А знаете что, корешки, не пришлось бы нам здесь еще разок прозимовать?

— Почему?—спросил матрос из молодых.

— А из-за Васьки!—таинственным полушопотом ответил моряк.

— Как из-за Васьки?—удивилось сразу несколько человек.

— А так, очень просто! Вы посмотрите: он был на «Чукотке»—«Чукотка» погибла. Он перебрался на «Колыму»—она зазимовала. С «Колымы»—на «Урицкий», а с него—на «Литке» и бродил по всему каравану. «Урицкий» вмерз во льды в открытом океане. Всю зиму таскало коробочку во льдах. А «Литке» зазимовал со всей армадой.

— Это тот кот,—сказал мрачно матрос-одессит.

— Да, это тот кот,—многозначительно подтвердил старик-механик.

Кое-кто задумался.

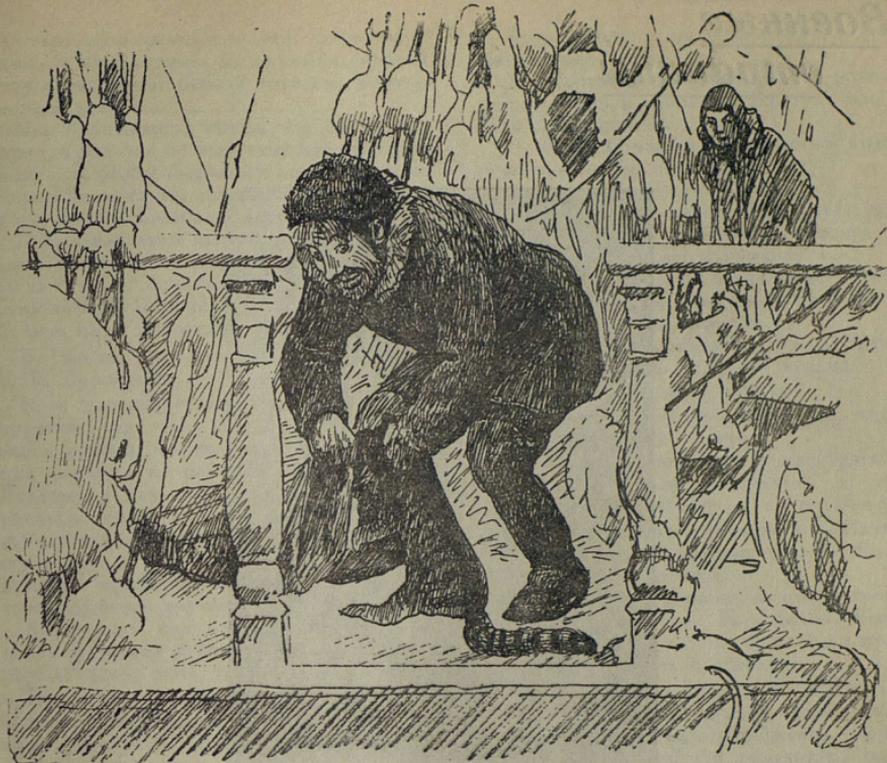
— Надо его подкинуть на флагман. Пусть там с ним возьтятся. «Анадырю» больше не стоит зимовать. Прозимовали разок и хватит.

Ваську подбросили на «Литке», но и без кота зазимовал вторично «Анадырь». Сам «Литке» едва прорвался в Берингово море, таща на буксире три корабля с поломанными лопастями.

VI

«Анадырь» и «Хабаровск» вынуждены были стать на зимовку у мыса Биллингс. «Челоскина» таскало в дрейфующем льду. Положение судна становилось угрожающим. «Литке» едва успевал откачивать забортную воду, поступавшую через пробонны, разошедшиеся швы и места срезанных за-

¹ Палка для торможения нарты.

— Перед самым отходом к «Челюскину» машинист «Литке» Кудрявцев набил в мешок кирпичей, сунул туда ката...

клепок. И все же тонущий «Литке» пошел в Ледовитый океан, на помощь героическому собрату.

Перед самым отходом к «Челюскину» машинист «Литке» Кудрявцев набил в мешок кирпичей, сунул туда ката, завязал очкур и бросил за борт. По воде побежали круги. Так кончилась бродяжья жизнь ката, отважного полярника Васьки.

Хватились его, стали искать, но нигде не нашли.

Кок, помощник повара, свидетель гибели ката, не спал от огорчения. Он очень любил Ваську и часто подкармливал его в камбузе. Кок рассказал обо всем парторгу. Тот вызвал к себе Кудрявцева и спросил напрямик:

— За что ката утопил?

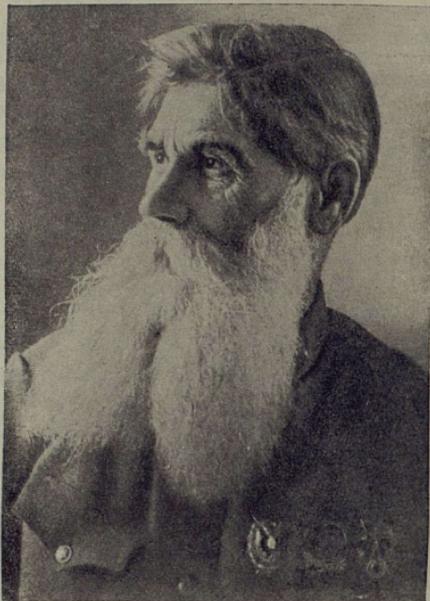
— Чтобы не зазимовать во второй раз.

— А причем же тут кот?

— Как причем? Был Васька на шхуне «Чукотка»—она утонула, перешел на «Кольму»—она зазимовала, осталась на «Литке»—он замерз со всей армацией! Это зимовочный кот! Туда ему и дорога!

Назавтра в стенной газете ледокола были подведены итоги почти двухлетнего тяжелого полярного рейса. В последних колонках говорилось о гибели ката Васьки, о свиданиях и суеверии вообще. Заметка резко осуждала поступок Кудрявцева. Ему стыдно было встречаться с товарищами.

Если читатель заподозрит автора в преувеличении, пусть спросит старых дальневосточников, ходивших в первую северовосточную полярную колымскую экспедицию. Они целиком подтвердят мой рассказ о Ваське да еще скажут: мало об этом коте написали: он был достоин целой повести.

Т. Л. Бондарев.

Луганские дружинники

(По воспоминаниям Т. Л. Бондарева)

С. Чукаев

В 1905 году я работал в Луганске строгальщиком по металлу на паровозостроительном заводе Гартмана. На этом же заводе машинистом-крановщиком работал К. Е. Ворошилов. В то время в Луганске уже существовала крепко спаянная организация большевиков. Была и боевая дру-

жина, которая имела небольшой боевой арсенал из револьверов различных систем. К. Е. Ворошилов был тогда еще совсем молодым, но стойким революционером-большевиком. Он состоял членом луганского партийного комитета и был одним из лучших его организаторов. По по-

ручению луганского комитета Ворошилов сѣдлн в Финляндию за оружием, привез оттуда для нашей боевой дружины револьверы и патроны.

Мы, большевики, знали, что буржуазия никогда без боя не выпустит из своих рук власть, и, чтобы вырвать у нее эту власть, нужно было самим иметь в руках оружие и научиться хорошо из него стрелять.

Я был солдатом старой, царской армии, знал все правила стрельбы, да и сам я тогда стрелял неплохо. И вот большевистский комитет поручил мне обучить стрельбе всю нашу луганскую боевую дружину.

В числе боевиков-дружинников был К. Е. Ворошилов.

В те далекие годы состоять в боевой дружине да еще иметь оружие было очень опасно. Царские жандармы и полиция следили за рабочими во все глаза. Поэтому в дружину брали только самых смелых, отважных, проверенных товарищей, которые могли крепко сохранять нашу тайну, а в случае ареста на допросе даже во время пыток не выдать своих товарищей по дружине.

Вспомню, как мы накануне праздников осторожно сговаривались, чтобы на другой день, рано утром, идти за город в балку на стрельбу.

Балка эта от красной мельницы извилинами убегает на север и врзается в Каменобродскую гору. Чем дальше, тем выше и круче становится ее край, защищая от восточных и западных ветров. Лучшего места для нашей стрельбы и сыскать было невозможно: кричи в ней — не докричаться, стреляй из револьверов, бросай бомбы — никто не услышит, особенно тогда, когда ветер дует от города.

В праздники, рано утром, мы приходили к этой балке, спускались на ее дно и начинали устраивать мишени для нашей стрельбы. Обычно Климент Ефремович приходил раньше других, отыскивал палку, втыкал ее в землю и вешал на нее свой картуз. Подходили и другие дружинники.

— Все? — спрашиваю я. — Начинаем?

Дружинники с револьверами в руках натораживаются.

В нескольких шагах от них, на палках и ветках, висели шапки и картузы, изображая собой мишени.

— Клим Ворошилов, на линию огня! — вызываю я его первого.

— Приготовиться!

Климент Ефремович поднимает руку, в которой зажат револьвер, и ждет.

— Пли! — подаю я команду.

Раздается выстрел, и висевший на палке картуз словно от сильного ветра поворачивается в левую сторону.

— Bravo! — раздаются голоса дружинников. — В самую середину всадил!

— Давай еще один выстрел.

Климент Ефремович стреляет еще и опять попадает в картуз.

— Красным генералом у нас будешь, — шутят, бывало, дружинники.

— Какой я генерал! — со смехом отвечает им Климент Ефремович. — Научиться хотя бы стрелять как следует. Пострелять-то ведь придется.

Стрельба шла хорошо, лучшим стрелком нередко оказывался Ворошилов. Все тужили только об одном: мало было пуль, а стрелять хотелось без конца.

Над балкой спускался уже вечер, когда мы возвращались домой. До города приходилось идти километров десять. Дорогой мы горячо обсуждали результаты стрельбы. Рассматривали картузы, разбирали размеры пробитых пулями дырок и давали им оценку.

Незаметно мы подходим к городу. Идти по городу всем вместе было опасно, и мы поодиночке расходились в разные стороны.

А поздно ночью, когда город уже спал и гасли в домах огни, боевики-дружинники, занавесив дома окна, бережно разбирали револьверы и чистили их. Смазывали маслом, аккуратно завертывали в промасленные тряпки и, завязав веревкой, убирали в потайные уголки до новой стрельбы.

История сражений

«Историю сражений» мы открываем описанием сражения при Аустерлице. Оно написано «генералом» Фридрихом Энгельсом. В звание «генерала» произвела Энгельса одна из дочерей Маркса, и эту шуточную кличку подхватили друзья и знакомые Энгельса.

Так его прозвали за то, что Энгельс блестяще знал военное дело, гораздо лучше настоящих прославленных генералов. Энгельсу самому приходилось сражаться с винтовкой в руках, строить баррикады, руководить рабочими отрядами во время восстаний 1848—1849 годов в Германии.

Приехав в Англию, Энгельс начал тщательно изучать военное дело. Маркс помогал Энгельсу, доставая для него в Лондоне редкие военные книги, по целым дням роясь в библиотеках в поисках справок. Энгельс изучал военное дело потому, что знание его необходимо каждому революционеру. Он писал в одном из своих писем: «Огромное значение, которое получит военное дело в ближайшем будущем... побудило меня работать в этом направлении». В грядущей революции он брал на себя военную роль.

Энгельс написал очень много статей о войнах, которые тогда происходили. Они печатались без его подписи и были написаны так замечательно, что читатели думали, что они писались военными знаменитостями. Так, все считали, что статьи Энгельса о русско-турецкой войне, напечатанные в американской газете «Нью-Йорк таймс», были написаны известным американским генералом Скоттом. Ленин называл Энгельса великим знатоком военного дела и не раз призывал партию учиться у него военному делу.

Описание сражения при Аустерлице мы печатаем с небольшими сокращениями и пояснениями.

Аустерлиц раньше принадлежал Австро-Венгрии, а сейчас — Чехословакии. В решающем бою под Аустерлицем Наполеон разгромил русско-австрийскую армию под командованием Кутузова. Энгельс писал про Наполеона:

«Стратегию и тактику он довел до такого совершенства, что современные генералы в общем и целом не в состоянии превзойти его, а лишь пытаются подражать ему в своих самых блестящих и удачных операциях».

Аустерлиц

Этот маленький городок обязан своей известностью сражению, выигранному Наполеоном у соединенных австрийской и русской армий 2 декабря 1805 года. 13 ноября этого года в столицу Австрии, Вену, которая еще никогда не сдавалась неприятелю, вступил с бригадой драгун¹ генерал Себастьяни, поддерживаемый Мюратом, Ланном и Бертраном, во главе очень сильного отряда гренадеров². Посредством военной хитрости, выполненной

с неустрашимостью и хладнокровием, но запятанной нарушением честного слова³, эти генералы овладели Таборским мостом, который был обложен горючими материалами, снабжен пороховыми проводами и фитилями, готовыми в любой момент его поджечь. Таким образом, став прочно на Дунае, они расстро-

³ Мюрат, Лани и Бертран спрятали в кустах около моста батальон солдат. Сами же они бесстрашно подошли к укреплению перед мостом и объявили растерявшимся австрийцам, что заключено перемирие. Воспользовавшись смятением среди австрийцев, маршалы подали условленный сигнал, и французы в одну минуту заняли мост (все примечания редакции).

¹ Драгуны — легкая кавалерия.

² Гренадеры — сначала так назывались храбрейшие пехотные солдаты, которые бросали ручные гранаты. Потом так стали называть отборные отряды пехоты и конницы.

Битва при Аустерлице. Слева — Наполеон со штабом, справа (на холме) — Кутузов. Гравюра Леби по рисунку Нодде.

или последствия мастерских движений Кутузова, тыл которого уже не был больше прикрыт Дунаем. Кутузов был принужден отступить ко второй русской армии, лицом к лицу с неприятелем, вчетверо превосходившим его собственными силами.

Восхищенный успехом своей военной хитрости на Таборском мосту, Мюрат попытался вторично сыграть такую же штуку с коварным русским. Однако Кутузов обратил игру против ее изобретателя. Кутузов оставил аррьергард в 8 тысяч человек под командой Багратиона с поручением задерживать всю массу французской армии. Сам же он вывел маршем всю остальную свою армию в тыл. К нему присоединился Багратион, приведший с собой 5 тысяч человек, после того как он целый день и половину ночи сражался со всей французской армией и оставил на поле сражения 3 тысячи убитых. Остаток месяца обе воюющие стороны употребили на то, чтобы усилить и собрать свои армии. В конце месяца союзные австрийская и русская армии соединились у Вишнау, имея 104 батальона и 159 эскадронов, что давало в общем итоге 75 тысяч человек. В добавление к этому к часу на

час ожидалось прибытие дивизии под командой великого князя Константина и сильного корпуса под командой Бенningсена, что должно было довести численность союзной армии до 90 тысяч человек.

В это время французская армия лишь немного превышала 50 тысяч человек. Если бы в то время, когда подкрепления Константина присоединились к союзникам, последние действовали с энергией, то Наполеон попал бы в очень опасное положение. Однако их движения были медленны и нерешительны; Наполеон тоже получил подкрепления, так что в момент, когда австро-русская армия решила его атаковать, его армия доходила до 70 тысяч человек.

Наполеон эвакуировал Аустерлиц и сосредоточил все свои войска вокруг Брюна, оттянув назад свое правое крыло, в надежде побудить противника покинуть свою командующую позицию на Прагских высотах. Наполеон был уверен, что если это произойдет, то он поставит врага в невыгодное положение. И вот 1 декабря, на рассвете, великий полководец, к своему невыразимому удовольствию, уви-

Наполеон I.

Кутузов.

дел, как неприятель спускается в долину и пятью густыми колоннами неторопливо движется вдоль всей его позиции с целью атаковать его левое крыло. Французская армия занимала полукруг высот, частично покрытых лесистыми пригорками, деревнями и цепью рыбных прудов, болот и маленьких озер. Левое крыло находилось под командой Ланна, Бернадотта и Удино с кавалерией Мюрата и императорской гвардией под командой Бессьера в резерве. Султ занимал центр, который был чрезвычайно силен, а Даву, с огромными трудностями прибывший из Венгрии, командовал правым крылом.

Весь день Наполеон орлиным взором следил за неприятелем, который, заполнив Праценские высоты своими сверкающими массами, старался скрыть общее свое движение вокруг его фронта с целью атаковать подавляющими силами его правое крыло. Когда солнце село, он был уверен, что враг полностью в его руках. По своему обычаю, он проехал по лагерю, обращаясь к своим солдатам с теми зажигающими словами, которых никто лучше его не умел находить. Он продиктовал одну из тех чудодейственных прокламаций, которые при чтении их не в боевой обстановке кажутся нам болтливими и хвастливыми, но которые волновали души его солдат и делали их непобедимыми.

Когда поднялось солнце, яркое и не омраченное облаками, это знаменитое

«солнце Аустерлица», неизбежность разгрома неприятеля была очевидна для всех. Праценские высоты, ключ позиции врага, были оставлены совсем, а его огромные, массивные дивизии с грузом продвигались в походных колоннах вокруг всего французского фронта, сосредоточенного полукругом, с целью обойти правое крыло Наполеона. Наполеону нужно было только бросить свои массы во всех направлениях, подобно радиусам из одного общего центра, чтобы атаковать неприятеля во фланг и одновременно на всех пунктах в тот момент, когда он находился в самом невыгодном положении.

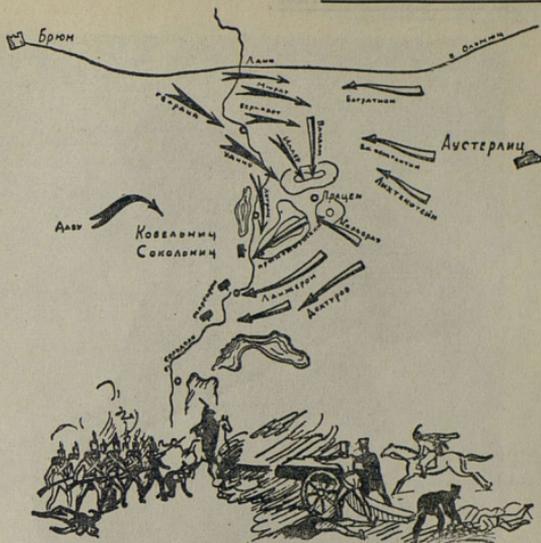
Маршалы видели выгоду положения и умоляли императора, не откладывая, дать сигнал к действию. Но его более проницательный взгляд, замечая все то, что видели и они, в то же время сознавал, что решающий момент еще не пришел. Наполеовину совершенный промах мог еще быть исправлен, и он ждал. «Господа, когда неприятель делает ложное движение, мы никоим образом не должны прерывать его. Подождем еще 20 минут». Раньше чем истекло это время, ошибочное движение было закончено; гул русских орудий донесся с крайнего правого фланга французов, и адъютант прискакал с сообщением, что Даву сильно теснят в деревне Сокольнице.

«Теперь пора!» — сказал Наполеон, приказывая маршалам отправиться по своим местам и начать атаку на всех пунктах.

Сам же он, садясь на коня, воскликнул: «Солдаты, враг неблагодарно подставил себя под ваши удары, мы покончили с войной одним ударом грома!» Его слова оправдались. Центр под командованием Сульта мгновенно овладел и удержал за собой Праценские высоты вопреки самым отчаянным усилиям Колловрата и Кутузова взять их обратно. Одновременно Бернадотт и Ланн обрушились на русский правый фланг, захватив его совершенно врасплох. Находящиеся здесь австрийские кирасиры, а в центре русские кирасиры из императорской гвардии прилагали отчаянные усилия, чтобы спасти сражение, и имели временный успех. Но как только подошли французские резервы в виде императорской гвардии, все было решено. Центр русско-австрийской армии был прорван насквозь и прогнан в беспорядке с поля сражения.

Бойня и хаос были ужасны. То и другое еще усилилось, когда ледяная поверхность замерзших болот и озер, по которым беглецы пытались спастись, проломилась частью под тяжестью артиллерии и масс людей, частью под действием разрывавшихся подо льдом французских гранат. Свыше 2 тысяч человек погибло в воде.

Тем временем с характерным для него упорством Даву, хотя и сильно теснимый на правом фланге, держался, пока русский центр и правый фланг не были уничтожены или прогнаны с поля битвы. Тогда Наполеон направил Сульта из одержавшего победу центра, а также все резервы из императорской гвардии в тыл русскому левому флангу, который до сих пор имел успех. Разгром всей армии теперь был полный. Последний удар был нанесен кавалерией Мюрата, которая врзалась в отступающие массы, и пехотой Сюше, которая сбила их с дороги на Ольмюц и захватила всю артиллерию и обоз. Потери союзников были огромны: свыше 10 тысяч человек осталось на поле битвы; свыше 20 тысяч попало в плен; 185 пушек, 400 зарядных ящиков и 45 знамен составили трофеи сражения. Его

План сражения при Аустерлице. Черные стрелки показывают направление французских корпусов, белые — русских. Корпус Пржибышевского спустился с Праценских высот по долине реки Гольдбах. Небольшие части Маргорона задерживают переправу русских через Гольдбах, пока французы громят правый фланг русско-австрийской армии.

результатом было окончание войны, мир в Пресбурге, подчинение Наполеону на время всей Северной Европы и, наконец, смерть Вильяма Питта¹, который умер, почти раздавленный явной неудачей всех своих усилий. Аустерлиц справедливо считается одной из величайших побед Наполеона и самым сильным доказательством его несравненного военного гения. Хотя первопричиной поражения, несомненно, были ошибки союзников, однако проникательность, с которой Наполеон открыл их промах, терпеливое ожидание его завершения, решительность в нанесении сокрушающего удара и молниеносная быстрота в завершении катастрофы — все это стоит выше всякой похвалы и достойно всяческого восхищения. Аустерлиц представляет чудо стратегии, он не будет забыт до тех пор, пока существуют войны.

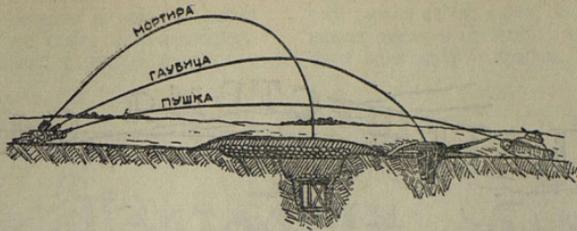
¹ Английский министр, вдохновитель борьбы с Наполеоном. — Р е д.

После стрельбы надо тщательно смазать оружие. Этим занимается стахановец-танкист Осипов.

Танки на маневрах прорываются сквозь дымовую завесу.

Так поражают цель различные типы орудий.

Накие бывают орудия

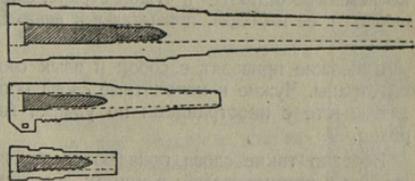
Говорят: 75-миллиметровое орудие, или: у этого орудия калибр — 42 сантиметра. Это значит, что диаметр канала (отверстия) ствола пушки равен 75 миллиметрам, или 42 сантиметрам.

Но, кроме калибра, орудия различаются еще по длине ствола и назначению. Вот мчатся танки. Они невелики и передвигаются со скоростью 40—60 километров. Чтобы пробить их, снаряд должен попасть в их броню прямо. Если же он попадет косо, то может только скользнуть вдоль брони. Значит, снаряд должен лететь прямо и быстро, чтобы танк с момента начала полета снаряда не мог далеко уйти.

Для стрельбы по быстродвигающимся и далеким целям употребляются пушки. Так как снаряды должны лететь далеко и с большой скоростью, то для этого нужен большой заряд пороха. Поэтому у пушек делают более прочный, длинный и тяжелый ствол.

Артиллерия употребляется и для разрушения укреплений (окопов, убежищ в земле) или для поражения противника, который укрыт за холмом или лесом. Тут надо, чтобы снаряд попадал тоже под прямым углом, но сверху.

Траектория (линия) полета снаряда должна поэтому быть крутой или навесной. Снаряд должен подняться вверх и отсюда падать почти прямо на землю. Так как цель неподвижна, то не нужна большая скорость снаряда. Дула таких орудий делаются короче и легче, и называются орудия г а у б и ц а м и .

Наверху — ствол пушки, в середине — ствол гаубицы, внизу — ствол мортиры.

Для поражения навесным огнем близких целей (например соседних окопов и убежищ) применяются мортиры, у которых ствол еще короче и легче чем у гаубиц. По типу мортир сконструированы гранатометы и минометы.

Наконец, в последнее время создано еще одно орудие — пушка-гаубица. Это орудие имеет один общий лафет и два ствола — пушечный и гаубичный. В разных системах они или сменяются, или лежат одновременно рядом, или один над другим, или вставляются один в другой.

Кроме разделения по калибру и типу, орудия разделяются еще по тому, какой части они приданы.

Есть батальонная, полковая, дивизионная, корпусная, зенитная артиллерии. Есть еще АРГК. Это «Артиллерия резерва главного командования». Ею распоряжается командование, посылая ее в подкрепление войсковой артиллерии.

ПУТЕШЕСТВИЯ СЛОВ

Очерк Д. Михайлова

Тысячи людей ежедневно приезжают в чужие страны. Окончив свои дела, эти люди снова возвращаются на родину. И только немногие остаются в чужой стране, сживаются с ее народом, привыкают к ее жизни.

Приезжие привозят с собой и язык своей страны. Чужие и непонятные слова бродят вместе с иностранцами по улицам городов.

Нередко такие слова попадают в другие страны и помимо людей: в книгах, письмах, в деловых бумагах.

Небольшая часть этих слов-иностранцев, подобно своим хозяевам, остается на своей новой родине: они прочно входят в язык страны, становятся ее полноправными гражданами.

К ним привыкают и считают их своими, забывая, откуда они пришли.

Кто подумает, что слова «шуба», «юбка», «зипун» — иностранцы в нашем языке? Более русских слов как будто и представить себе нельзя.

И все же это слова не русские: они все произошли от одного и того же арабского слова «аль-джюббах».

Так называли арабы мужскую рубашку из грубой бумажной ткани.

Слово «аль-джюббах» европейцы узнали в средние века, когда в Европу пришли арабы. Они не только покоряли феодальную Европу силой своего оружия, но и принесли с собой свою культуру. Европейцы познакомились не только с арабским золоченым оружием, но и с арабской резной архитектурой, с математикой, с восточными пряностями: перцем, шафраном, инбирем.

И европейцы по-своему перенимали и перерабатывали эту новую для них культуру.

Но арабская рубашка «аль-джюббах» европейцам была ненужна. Зато понадобилось самое слово.

Итальянцы стали называть им верхние кофточки из легкой ткани, которые тогда как раз становились модными. «Джюбба» — стали называться эти кофты в Италии.

Отсюда и началось путешествие «джюбба» по всей Европе.

Во Франции не носили итальянских коффт, но зато там понадобилось название для юбки. Своего подходящего слова не нашлось — взяли итальянское. И получилось «джерре» — «жюп» — юбка.

Попав в Германию, новое слово приросло не только к немецкому произношению, но и к новому климату.

Из «джюбба» оно превратилось в «шуба» и стало обозначать уже не юбку и не кофту, а тяжелую зимнюю одежду, отороченную мехом.

Начав свой путь на север, слово «джюбба» не остановилось в Германии: оно попало в Россию. И здесь «шубой» тоже назвали теплую зимнюю одежду.

Но арабское слово «аль-джюббах» не ограничилось путешествием по западной части Европы. От арабов его переняли турки, от турок — болгары. А из Болгарии оно опять пришло в Россию в измененном, но происшедшем тоже от «аль-джюббах» слове «зипун».

В 16-м веке зипуном называли праздничную одежду бояр. А впоследствии это сло-

во стало обозначать крестьянский зипун — верхнюю одежду крестьян.

С востока же пришло к нам и слово «юбка». Это та же самая «аль-джюббах», но пожившая сначала у персов, а потом у

Начиная с 13-го и до 17-го века Венеция была одним из самых богатых и мощных государств Европы.

Венецианских купцов можно было увидеть и на мосту Великого Новгорода, и в лондонской гавани, и на сирийских базарах.

Их легко было узнать. В то время в Западной Европе носили короткие, тесно прилегающие к телу штаны; венецианцы же ходили в длинных, широких шароварах.

«Эй, Панталеоне!» — окликали человека в шароварах. И он почти всегда отзывался. В Венеции имя «Панталеоне» было так же распространено, как у нас имя Иван.

Понемногу всех венецианцев стали называть в шутку «Панталеонами». И так как на всех венецианцах были особенные, «панталеоновские» штаны, то одежду эту стали называть тоже панталеоны, или просто панталоны.

Так слово от человека перепрыгнуло на его одежду.

Почти все русские слова, которыми мы называем головные уборы, — иностранцы. Только один русский «платок» затесался между ними. Почти все эти слова происходят от одного слова. Но на этот раз оно не арабское, а римское: «капут».

По-латыни «капут» значит голова. В начале средних веков от «капут» образовалось слово «каппа».

Так называлась одежда, которая покрывает не только тело, но и голову: плащ с пришитым к нему головным чехлом.

Слово «каппа» особенно прижилось во

татар. Татары привезли это слово в покоренную ими Россию. Так встретились в нашей стране слова: юбка, зипун и шуба. Они живут рядом и не знают, что у всех у них была одна мать — арабка.

Франции и приняло там чисто французское обличье: «капот» и «капюшон».

Капюшон стал обозначать пришитый к плащу головной чехол.

А «капот» — это плащ. Но плащ не для людей, а для вещей: чехол, покрывало. Так например называют капотом железную покрывку, которую надевают на моторы автомобилей.

Лишь в России слово «капот» приблизилось к своему первоначальному смыслу и означает женское домашнее платье.

От «каппы» французы образовали слово «шап». Отсюда пошла и русская «шапка».

Есть еще и другое слово с тем же самым корнем «кап». Но никакого отношения к головным уборам оно не имеет. Слово это «капелла».

В Ленинграде есть Государственная академическая капелла. В ее здании на Мойке или по радио мы слушаем знаменитый во всем мире хор.

Но какое отношение имеет хор и помещению, где он поет, к капотам, шляпам и кепкам?

Догадаться об этом невозможно. Это нужно рассказать.

Известно, что у многих царей и королей были свои святые. В средние века у французских королей в большом почете был некий святой Мартин.

Жил он в 4-м веке и, по преданию, стал известен тем, что, встретив на дороге нищего, разорвал свою каппу пополам и отдал нищему одну ее половину.

Хитрые попы и монахи произвели Мартина в святые. Умер этот Мартин давным-давно, а никаких вестей о себе с неба не посылает.

И вот, чтобы нажиться на имени Мартина, обманщики-монахи взяли старую монашескую каппу, разорвали ее пополам и половину подарили королю, как будто это была подлинная каппа Мартина. Кто же в этом мог усомниться: каппа была стара, грязна и, главное, разорвана пополам!

С тех пор половина монашеского плаща стала всюду путешествовать вместе с королем. Где бы он ни остановился, монахи разбивали под рваной каппой палатку и пели в ней обедню. И так как каппа эта была маленькой, только одна половина каппы, ее стали называть уменьшительно: капелла.

Так и знали все: где мартинова капелла, там обязательно поют.

Тут-то и произошел знакомый нам прыжок слова. Капеллой стали называть место, где поют обедни, а позднее и помещение, где поют, а затем капеллой назвали и коллектив поющих людей — хор.

СЛОВА ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И СЛОВА ОСЕДЛЫЕ

Не все слова любят путешествовать, как названия предметов одежды.

Некоторые слова прочно сидят на месте.

Почему, например, названия большинства хлебов у всякого народа свои?

Да потому, что в те далекие времена, когда образовывались европейские языки, большая часть стран обходилась своим хлебом.

Очаг, печь — это вещи стойкие, неподвижные.

А вот ткани были одним из первых предметов обмена и торговли. Они путешествовали по всему миру — из страны в страну.

Покрой одежды тоже переходили из од-

ной страны в другую. Уже у древних греков были моды, заимствованные издалека. Вместе с вещами странствовали и их названия.

Путешествовали не только названия перевозимых вещей, но и названия самих средств передвижения.

Попробуйте, например, разобраться в названиях разных частей корабля, ветров и корабельных должностей.

Мы встретим здесь и немецкого «штурмана», и английского «жока», французский «бриз», русский «причал», и голландские названия разных парусов. Моряки, раз'езжая по всему миру, из разных стран набирали слова своего морского языка.

ОТ ХИЖИНЫ ДО КАБИНЕТА МИНИСТРОВ

И все же одним из самых неподвижных слов оказалось название такой неподвижной вещи, как хижина.

У народа, обитавшего в первые века нашей эры в теперешней Франции, хижина обозначалась словом «кабанна».

Это слово распространилось по всей

Франции, Англии и Италии. У французов оно стало выговариваться «кабан», у англичан — «кэбин», у итальянцев — «капанна». Все они обозначали хижину, хату. Как и подобает названию такой неподвижной вещи, это слово оказалось стойким и долголетним.

Англия, как известно, окружена морями. Очень рано, уже начиная с 11-го века, английские торговые суда стали прокладывать себе дорогу на юг — в Италию — и на север — к Немецкому и Балтийскому морям.

Англичане строили себе суда и вывозили на них шерсть — богатство своей страны. На этих судах были будки, как и сейчас у нас на барках, в которых отдыхала команда корабля.

Как назвать эти будки? Они были новостью, не было еще специального слова для их обозначения.

Их и стали называть уже существующим словом «кэбин» — хижина.

Так «кэбин» стала не только хижиной на суше, но и «хижиной» на корабле.

И начались ее странствия.

Вместе с тюками английской шерсти слово «кэбин» приехало в Италию.

Италия переживала тогда замечательное время. Начался 14-й век. Расцветали богатые купеческие города-республики. Купцы и банкиры строили себе великолепные дома, окруженные парками.

Сразу появилась масса новых вещей, для которых еще не было названий. В парках стали строить беседки, окруженные цветами, обитые плетнем и виноградом, в городских домах нужно было позаботиться о крепких кладовых, красивых и прочных шкафах для хранения недавно нажитых денег и драгоценностей. Всем этим вещам нужно было дать имя.

Но какое?

Можно было назвать их какими-нибудь уже существующими словами своего языка. Но ведь все это были новые вещи. Владелец парка гордился, что он впервые завел у себя беседку, что он заказал себе расписной шкаф, какого не знали раньше. Новизна этих вещей должна была звучать в самом их названии.

И тут повернулось английское слово «кэбин».

Что такое «кэбин»? Хижина, закрытое помещение. Но ведь и беседка, и шкафы, и каморки — все это тоже замкнутые небольшие помещения. Их стали называть итальянским уменьшительным от английского «кэбин» — «кабинетто».

При этом итальянцы как будто совсем забыли, что у них есть свое собственное слово для хижины — «капанно» и что

оно — родной брат иностранному. Но нельзя же было называть новые красивые и дорогие вещи привычным именем бедной хаты. И вот живой язык, не стеснясь, брал чужое, но нужное ему слово.

Но вместе с тем язык скуп. Он скорее назовет разнородные вещи одним именем, чем выдумает лишнее слово. На «кабинетто» нагрузил тройную работу. Оно стало и беседкой, и шкафом, и каморкой для хранения припасов.

Кабинетто — шкафы, — кроме денег, слитков драгоценных металлов и особенно ценных продуктов, вроде перца, хранили и драгоценности особого рода: произведения искусства.

Понемногу для картин, скульптур, ваз, для ценной фарфоровой и серебряной посуды стали делать специальные шкафы. В некоторых домах не ограничивались шкафами: целые комнаты устраивали только для хранения в них предметов искусства. И возникли, наконец, целые дома, в которых жили только картины и статуи: домохранилища, музеи.

И название для всех этих помещений произвели от того же, полученного из Англии слова «кэбин».

Но вот оно из Италии опять приехало на свою родину — во Францию, приехало с целым ворохом вещей, которые оно обозначало: шкафами и садовыми беседками.

И во Франции не узнали в чуждом звуке «кабинетто» свое родное слово «кабан». Так встретились здесь три слова. Французское «кабан» — изба.

Английское «кэбин», или французское «кабин», — каюта.

И итальянское «кабинетто».

Но и «кабин» и «кабинетто» продолжали разномыслиться.

Существуют сейчас купальные кабины, кабины шофера на автомобиле, кабины на самолете.

Так древнефранцузская хижина поплыла по морям, помчалась на автомобиле, полетела по воздуху.

«Кабинетто» тоже продолжало жить и ветвиться.

Слово это потеряло часть своих значений при переходе во Францию. Здесь уже «кабинетами» не называли шкафов и музеев.

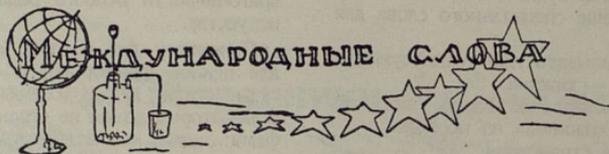
Но зато оно приобрело новые значения. «Кабинетами» стали называться не только замкнутые помещения для хранения вещей, но такие же замкнутые помещения для пребывания людей. Возник «кабинет для занятий». Это значение слова передалось и в Россию. По-русски мы называем кабинетом отдельную спокойную комнату для занятий.

Но такие комнаты оказались нужными не только для ученых, инженеров и писателей.

Когда министры какого-нибудь государст-

ва совещаются о своих делах, они стараются выбрать для этого достаточно замкнутую, недоступную для любопытных, хорошо охраняемую комнату. Так возник «кабинет министров».

Затем выражение «кабинет министров» перескочило с комнаты на людей, которые в ней сидят. Кабинетом стали называть весь состав министров, участвующих в правительстве какого-нибудь государства. Мы говорим например: после победы народного фронта во Франции образовался кабинет Леона Блюма.

Есть слова, которые не принадлежат одной какой-нибудь стране: они живут во всем мире, они граждане всех стран. Обычно они образуются из слов латинского или древнегреческого языка, на которых сейчас никто не говорит. В наше время это слова без отечества. Ни одна страна не может считать их только своими.

Вот слово «килограмм». Это международная мера, и название ее стало международным. Килограмм везде и всегда одинаков, и везде он будет называться килограммом.

Таких слов существует много: «физика», «геометрия», «глобус» «хлорофил», «операция», «атом» — перечислить их невозможно. Все эти слова научные.

Но есть и другие международные слова. Революция называется одинаково во всем мире. Слова «пролетариат», «буржуазия» тоже живут во всех странах. Рабочие всего мира — это один класс, одна великая армия, и имя у нее одно — и по-русски, и по-немецки, и по-испански, и у африканских негров — пролетариат. И враг у нее

один и тот же. И называется он и в Индии, и в Испании, и в Америке — буржуазия.

За последнее время появились новые международные слова. Они отличаются от прежних тем, что образованы не из латинских и греческих корней. Они имеют другую родину. Это русские слова, и рождены они социалистической революцией.

По всему миру рассеялись слова: «совет», «большевик» и «колхоз». И никто не стал переводить их на язык своей страны. Хотя такое слово, как «совет», существует, конечно, в каждом языке. По-немецки это «рат», по-французски — «консёйл», по-английски — «каунсиль». Во всех странах существуют государственные, городские и другие советы.

Но наши «советы» вошли в мир как новое международное слово.

Язык, скупой и разборчивый, мог назвать одним словом шкаф и садовую будку, но он не решился дать одно имя государственному и всяким другим советам буржуазных стран и советам, рожденным революцией.

СЛОВА ПАРАЗИТЫ

Слова-иностранцы помогают работать родному языку: они обогащают его, выручают в трудные минуты.

Но среди многих полезных, честно рабо-

тающих иностранных слов попадают и вредные слова — слова-паразиты.

Это бездельники, никакой полезной работы они не несут. При этом они притво-

ряются, что работают как честные труженики.

Иногда, например, говорят: «Нужно форсировать выполнение этой работы».

Что это за слово «форсировать»? Корень у него французский: «форс» по-французски — сила. Суффикс «ир» взят из немецкого. Остальное — русское.

Что же значит это французско-немецко-русское чудовище?

Оно значит по-французски взять силой, или заставить. Правильно употребляется оно в «военном» языке. Говорят, например, «форсировать переправу» — это значит овладеть ею силой.

Но «форсировать выполнение» нельзя, — это бессмыслица. Здесь иностранное слово неправильно употреблено вместо точного и простого русского слова «ускорить».

И выходит, что слово «форсировать», во-первых, совершенно излишне в нашем языке (в смысле «ускорить»), а во-вторых, неправильно.

Есть еще слово «будировать». Еще недавно у нас говорили и писали: «Мы должны будировать общественное мнение».

Вот что писал об этом слове Владимир Ильич:

«...употребляют слово «будировать» в смысле возбуждать, тормозить, будить. Но французское слово «bouder» («будэ») значит сердиться, дуться».

Поэтому будировать общественное мнение значит не будить общественность, а сердиться на нее.

Много есть еще таких ненужных и вредных иностранцев в нашем языке.

И удивительно: когда дети говорят между собой, они не употребляют непонятных иностранных слов.

Но бывает и так: выйдет какой-нибудь ученик старших классов и начнет речь перед собранием класса или отряда:

«Наши возможности пока лимитированы; в нашей работе много еще дефектов; такая работа не может гарантировать максимально форсированных темпов реализации принятых и апробированных решений».

Половина слушателей ничего не поняла. Эту фразу нужно перевести на русский язык. Тогда получается очень просто:

«Наши возможности пока ограничены; в нашей работе много еще недостатков; такая работа не может обеспечить быстрейших темпов выполнения принятых и одобренных решений».

Если бы наш оратор сказал так, все бы его поняли.

Чтобы сделать свой язык более ученым, наш ученик отказался от понятных, точных русских слов и поставил вместо них иностранные, непонятные и ненужные. Он не сумел распорядиться своим родным языком.

Надо различать нужные иностранные слова от неправильных и ненужных. Мы ценим каждое честно работающее у нас иностранное слово, бережем его в своем языке, охотно принимаем новые слова из-за границы, если они необходимы и обогащают наш язык.

Но разных паразитов, таких, как «будировать», мы не должны у себя терпеть. Они не обогащают, а засоряют наш язык.

Против этих именно слов и боролся Владимир Ильич, когда писал:

«Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?»

Кто из вас, ребята, не думал о том, что будет через столетия на земле: как изменится климат, природа, какие чудесные машины появятся, как будет жить человечество?

Все, конечно, думали об этом, а некоторые ребята даже написали на эту тему рассказы и прислали нам. Один из таких рассказов мы сегодня печатаем. Шура Герасимов попробовал написать, как человечество будет управлять климатом.

Согласны ли вы с фантазией Шуры Герасимова? Шлите свои проекты.

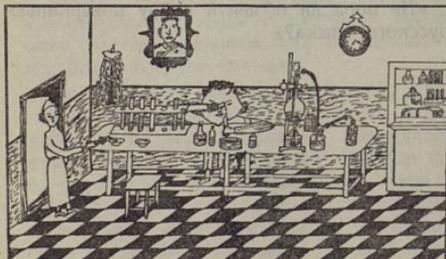

Путешествие в будущее планеты Земля

Рассказ и рисунки Шуры Герасимова

Ленинградская область, Старорусский район, поселок Парфино, Комсомольская улица, д. 99.

Шел 70-й год 21-го века. Ученый Хороп, по заданию Всемирного союза ученых, работал над изобретением вещества, которое обладало бы взрывной силой, способной преодолеть земное притяжение.

Хороп за работой в своей лаборатории.

Этот ученый перепробовал тысячи разных химических соединений, но долго не мог ничего добиться.

Наконец, после шестилетнего напряженного труда он добился своего: вещество необычайной силы было получено. Оно со-

стояло из 48 различных элементов, но больше всего в нем было кислорода. Это вещество взрывалось в один миг с колоссальной силой. Хороп высчитал, что, когда оно взорвется, пушечное ядро полетит со скоростью 15 километров в секунду. Эта скорость была вполне достаточной, чтобы ядро преодолело притяжение Земли и улетело в межпланетное пространство. И вот люди решили испытать это вещество, которое они назвали «хоропом».

Американскому заводу было дано задание — изготовить огромную пушку, длиною в 100 метров. Ширину отверстия, из которого выходит ядро, сделали в 3 метра. Самое ядро было изготовлено из очень твердого вещества.

Пушку поставили на круглую железную площадку поперечником в 500 метров и толщиной в 1 метр (если бы не было этой площадки, пушка врылась бы глубоко в землю, а если бы она была на колесах, то откатилась бы очень далеко и могла бы задавить людей, разрушить постройки).

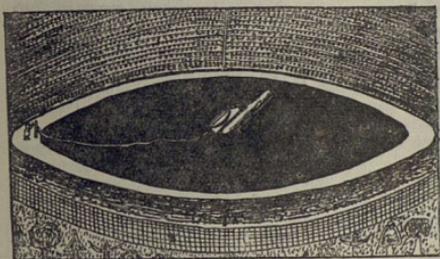
В пушку положили 3 тысячи килограммов вещества «хоропа». Было решено стрелять

в Луну, чтобы узнать, преодолели ли снаряды притяжение Земли: ведь в безвоздушном пространстве не осталось бы никакого следа. При помощи очень точных инструментов ученые вычислили, в какой точке неба Луна будет находиться через месяц. Оказалось, что от места выстрела Луна будет находиться прямо на севере под углом в $43^{\circ} 15' 57''$ к горизонту. Приготовили и инструменты для наблюдения за Луной.

О предстоящем выстреле ученые дали знать всему миру и сообщили, что все, кто хотят, могут посмотреть. Желающих набралось около 10 миллионов. Так как всех зрителей сразу нельзя было разместить, чтобы они все видели, то решили произвести 100 выстрелов. При каждом выстреле тогда должно было присутствовать 100 тысяч человек.

28 сентября 2078 года в Северной Америке, недалеко от левого берега реки Миссури, под $104^{\circ} 32'$ западной долготы и под $43^{\circ} 49'$ северной широты, разместились первые 100 тысяч зрителей — самые уважаемые люди коммунистического общества.

Перед первым выстрелом.

От пушки, установленной на середине железной площадки, тянулся электрический провод. Пушка была поставлена примерно под наклоном в 45° , жерлом смотрела на север.

Приближался момент выстрела. Ученый, изобретатель «хоропа», стоял у включателя. Ровно в 20 часов по местному поясному времени ученый дернул рукоятку включателя. Через несколько секунд раздался огромный мощности звук, железная площадка несколько вогнулась, потом снова

выпрямилась и... больше ничего не произошло.

Так повторилось 100 раз. Облака выстрелам не мешали, потому что ученые заранее высчитали, как направить пушку в любой день, чтобы попасть в Луну.

К этому времени с разных концов Земли в центральную метеорологическую станцию

Деревья в жаркую и холодную погоду.

стали сообщать о постепенном изменении температуры, притом в одну сторону. С южной половины Западного полушария сообщали о понижении температуры. То же оказалось и в северной половине Восточного полушария. С южной же половины Восточного полушария сообщали, наоборот, о потеплении. Это же испытывала и метеорологическая станция, которая находилась в Канаде.

Температура начала изменяться 28 сентября 2078 года. Сначала она изменялась быстро, затем все медленнее и медленнее, а через некоторое время и совсем перестала изменяться. Ученые стали выяснять, почему изменилась погода, и вот что они решили: вылетая из пушки, ядро, наверно, оттолкнуло от себя не только пушку, но и всю Землю, а 100 ядер сообщили движению верхним слоям Земли. А так как внутри Земли находятся в расплавленном состоянии разные слои, то верхний слой стал плавать в жидкости. Пушка была направлена на север, и верхний слой Земли в Западном полушарии стал двигаться в противоположном направлении — на юг. Восточное полушарие двигалось наоборот — на север. Скоро температура перестала изменяться, потому что трения между верхними и нижними слоями Земли остановили дви-

жение. Луна вследствие действия ядер стала постепенно удаляться от Земли.

Ученые поняли, что все эти открытия принесут человечеству огромную пользу и преобразуют всю жизнь земного шара. Они решили сравнить климат на Земле, чтобы везде было одинаково тепло.

Сначала они переместили полюса на экватор. Тогда две противоположные точки бывшего экватора стали полюсами, а две остались попрежнему на экваторе.

Когда бывшие полюса стали частями экватора и льды на них растаяли, ученые стали изучать их. Оказалось, что около Северного полюса есть небольшие острова, но гор на них нет.

Когда климат прежних и новых полюсов стал одинаков, ученые повернули земной шар так, чтобы те две точки, которые были на экваторе до поворота и после поворота Земли, стали полюсами.

Растительность от поворотов Земли не пострадала. Ученые еще до изобретения «хоропа» путем особых прививок и скрещиваний вырастили такие деревья, у которых в холодную погоду листья лежали плашмя к солнцу, а в жаркую — ребром. Такое дерево получало одинаковое, нужное ему количество тепла и в жару и в холод.

То же самое было и с растениями: в холодную погоду они* ложились, захватывая больше тепла, а в жаркую росли вертикально.

Путем таких поворотов планеты ученые стремились к тому, чтобы по возможности выравнять климат на всей Земле.

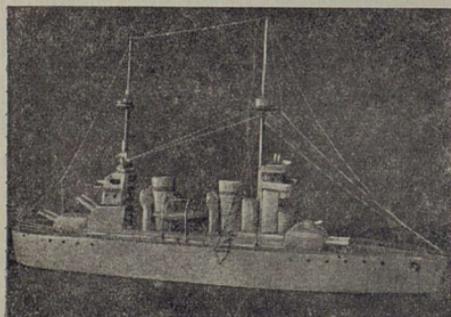
С тех пор человек стал управлять климатом своей планеты.

Земля теперь уже совершала не три, а четыре движения: первое — вместе с Солнцем носилась по Вселенной, второе — обращалась вокруг Солнца, третье — вращалась вокруг своей оси и четвертое — перемещалась по воле человека.

Однажды вечером астрономы, наблюдавшие за Луной, заметили, что ее диск быстро уменьшается. Ученые уже давно ожидали этого явления: это Луна все отдалялась от Земли и, наконец, преодолела земное притяжение. Но, преодолев одно притяжение, она попала в более сильное — солнечное. Солнце заставило ее обращаться вокруг себя. Из спутника Луна стала небольшой планетой.

Люди остались без ночного светила, но от этого они немного потеряли: электрическое освещение было налажено во всех селениях, да и на дорогах.

Моя модель

Толя Смирнов

Ленинград, Международный пр., д. 17, кв. 24.

Мой папа военный. А я обязательно хочу быть моряком. К совещанию жен командиров Рабоче-крестьянской Красной армии я сделал модель корабля.

Моя модель была на всеармейской выставке в Москве, где было совещание жен командиров всего Советского союза.

Правда ли это?

Лена Трифонова

Горьковский край, село Курмыш, полная средняя школа.

Я нигде не могу найти точного объяснения, что такое сон? Я читала, что мозг работает целый день. Но ночью он работает гораздо медленнее и воспроизводит разные картины. Книга, в которой я это прочла, очень старая и истрепанная, там не было обложки, и я не знаю, как она называется. В этой книге написано, что есть такие люди, которые могут видеть сквозь стены. Это люди, которые знают, что делается в Москве, даже если сами находятся в Горьком. Они впадают в какой-то сон и все видят. Мне не верится, что человек может видеть сквозь стену.

В этой книге приведен такой пример.

Ответ Лене Трифоновой

„Ясновидцы“

Ученые много раз подвергали испытанию так называемых «ясновидцев» и, наконец, пришли к выводу, что все это вздор.

В 1837 году Парижская академия наук объявила награду в 3 тысячи франков тому, кто прочтет надпись сквозь непрозрачный конверт. Охотников нашлось много: все это были люди, прославленные молвою как «ясновидцы», т. е. способные будто бы видеть сквозь стены, узнавать в мгновение ока, что творится за тысячи верст от них. И что же? Все они позорно провалились.

Академия наук не торопилась: целых три года «ясновидцы» один за другим пробовали свои силы над закрытым конвертом, пока, наконец, наука произнесла свой суровый и беспристрастный приговор.

А ведь бумага как будто тоньше каменных стен, не правда ли?

Однако «ясновидцы» и их сторонники долго не успокаивались. Тогда уже в России, лет пятьдесят назад, собралась ученейшая комиссия с самим Менделеевым во главе, исследовала все досконально и пришла к тому же решительному выводу, что и Парижская академия наук.

Мечта об этих чудесных «ясновидческих» способностях такая же древняя, как мечта о «ковре-самолете». И вот, по существу, ведь и осуществились уже обе, только совсем по-иному, чем мечталось тем, кто создавал эти сказки.

Современный самолет, бесспорно, и удобнее

Один человек служил в отдаленном от города хуторе. И вот стало у этого человека болеть сердце за брата, который жил в городе, и он захотел узнать, что случилось с братом. Пошел он к одному пожилому человеку, который тоже жил на хуторе, и рассказал ему, что беспокоится за брата. Тот внимательно выслушал его и тут же, сидя на стуле, заснул. Через два часа он проснулся и сказал, что его брат сломал ногу, находится в больнице, к нему приходят его товарищи. И действительно оказалось, что у брата сломана нога и он лежит в больнице. Правда ли это?

и безопаснее, и чудеснее чем «ковр-самолет». Радиослышание и телевидение и чудеснее и вернее чем все сказки о «ясновидцах». Оказалось, что для мысли человеческой воистину нет ни стен, ни преград, ни расстояний.

Чудесный сон, о котором ты спрашиваешь, — это так называемый гипноз. Однако тех чудес, о которых ты читалась в своей «очень старой и истрепанной» книжке, в гипнозе ты не найдешь.

Но разве не чудеса, что загипнотизированному можно внушить самый настоящий, до дыры, ожог с помощью одних только слов да иногда легкого прикосновения? Или внушается, что кругом цветущий луг, и вот загипнотизированный начинает ходить по комнате, наклоняется к полу и срывает воображаемые цветы! Он видит их, видит воочию!

И все же таинственного в этом чудесном еще ничего нет. Он той же природы, что и обычный наш сон. Только гипноз — это сон частичный, сон со «сторожевым» участком в мозгу.

Всею жизнью, всеми действиями тела управляет головной мозг. Он соединен с любым участком тела бесчисленными нервными проводками. По этим проводам отовсюду бежит в мозг возбуждение, бегут возбуждательные сигналы. Например от кожных нервов бегут сигналы, когда прикоснется что-либо, уколеет, обожжет и т. д. По главному нерву пробегает в мозг возбуждение от света и от красок. А в ответ на сигналы из мозга к телу, к бо-

чим органам несутся обратные возбуждательные токи.

В мозгу каждый сигнал попадает в свою особую область (зрительную, слуховую, обонятельную и т. п.).

И может сплошь и рядом получаться так: на зрительный нерв, к примеру сказать, никакое возбуждение не действует, то есть перед глазами предмета нет, но внутри мозга, в самом-то зрительном участке, есть возбуждение, — тогда человеку привидится несуществующий предмет.

Так бывает во сне, когда глаза совсем закрыты. Так бывает и в гипнотическом сне.

В гипнозе тот участок мозга, который слышит внушение доктора, не только не спит, а сильнейшим образом возбужден. Ему нет перерывов среди отдельных затихших участков мозга. И вот если, например, возбуждение из «сторожевого» участка, происходящее от слов гипнотизера, заденет и зрительный, то загни-

потированному привидится то, чего нет на самом деле.

Но сильное возбуждение «сторожевого» участка может в гипнозе не только возбуждать соседние участки, но и угнетать, заглушать.

Так можно заглушить болевой участок и тогда безболезненно совершить над загнипотизированным небольшие операции: разрезать нарыв, вырвать зуб и т. п.

Как же возникает заглушение в мозгу? Это осуществляется в мозгу и в нервах другим нервным током — тормозным. Он и заглушает работу мозга, приостанавливает ее. Сон — это есть разлитие в мозгу этого невидимого тормозного нервного тока. Это есть изумительное защитное приспособление организма. Сон спасает нас от истощения. За время сна пополняются израсходованные силы. Без сна человек скорее умрет чем без пищи.

А. ЮГОВ.

Эту сказку записал Толя Фидель, г. Херсон.

Рисунки Юры Золотова, Москва.

Жил-был кузнец. Росту он был высокого, силу имел необычайную. Голыми руками подковы гнул, дышло об колено ломал. Не знал этот кузнец страху.

Жил в этом селе древний старик. Разумный был. Споры разрешал, давал людям советы. Пошел к нему кузнец за советом. Зашел в хату, снял шапку и говорит:

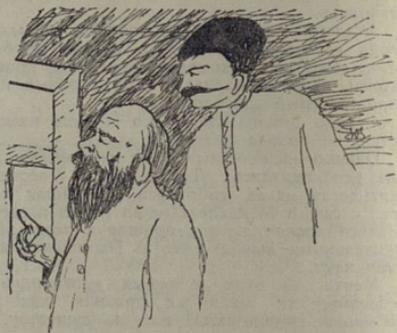
— Сильный я удался, с дубиной на медведя хожу, а страху не знаю. Скажи, как бы мне страху научиться.

Старик посмотрел на него и говорит:

— Есть далеко, за тридевять земель, бор непроглядный. Иди туда — там ты и страху научишься.

Поклонился кузнец и пошел домой. Собрался и отправился искать непроглядный тот бор. Весь свет обехал он, и с тиграми дрался и с разбойниками, и в море тонул, но ни разу не испугался кузнец.

Однажды он увидел бор. Ехал день, ехал два — нет конца бору. Что только вокруг него ни тво-

— Есть далеко, за тридевять земель, бор непроглядный...

рилось: и чудовища разные представлялись ему, огнем дышащие, с железными когтями, и бесы, ведьмы разные, а кузнец и глазом не моргнет, едет и песенку знай себе посистивает. Подъехал он к избушке на курьих ножках, зашел туда и сидит: ждет хозяина. Вдруг зашумело, загудело что-то в лесу. Кузнец выскочил и увидел: летит над лесом в ступе баба-яга, костяная нога, одноглазая, и к избушке приближается. Увидела кузнена и говорит:

— Ты кто такой?

— Я? Я кузнец, пришел страху научиться.

Баба-яга говорит:

— Страху научиться? Я тебя уж научу!

Начала под кузнецом земля вертеться. Да так завертелась, что любой богатырь здесь испугался бы, а кузнец—не дурак: схватил рукой первое дерево и землю остановил. Удивилась ведьма и говорит:

— Скуй мне глаз—озолочу, не скуешь—проглочу.

Принялся кузнец за дело: нагрел докрасна железо, завязал платком ведьме здоровый глаз да и выпек его. Ведьма от боли как закричала, забегала по избушке, а кузнец взял тулуп овчинный, вывернул шерстью вверх и надел. Нацупала ведьма шубу, подумала, что это овца, и отпустила, а кузнец вылез из избы, подпалил ее и ушел, а ведьма сгорела вместе с избой. Так кузнец страху и не научился.

... Летит над лесом в ступе баба-яга, костяная нога...

Вопрос

Были ли ременные деньги?

Я слышал от учителя, что раньше были ременные деньги. Мне очень хочется узнать, где и когда были эти деньги и какие они на вид.

Боря Мухай

Дагестанская АССР, г. Кизляр.

Ответ

Монеты из кожи

Деньги из кожи, о которых спрашивает Боря Мухай, существовали в России в очень давние времена. Впервые кожаная монета появилась в 15—16-м веках в Новгороде, Москве и Твери. Это были большие торговые города, и там не хватало мелкой, разменной монеты. В Новгороде стали выпускать свои местные знаки—«векши» и «лбцы», в Москве—медные «пуллы», а в некоторых местах даже разрезали деньги надвое.

Петр 1-й в 1700 году издал указ, которым велит «делать медные денежки и полушки и полуполушки для того, чтобы во многих низовых и иных городах за скудностью денежек по размену в мелких торгах пересекают серебряные копейки надвое и на-трое, а в Калуге и иных городах вместо серебряных торгуют кожаными и иными жеребьями»¹.

¹ Жеребий—кусочек, обрезочек.

Значит, кожаные монеты употреблялись до введения Петром 1-м медных денег.

В Историческом музее на выставке лежат кожаные монеты. Это небольшие отрезки кожи темнокоричневого цвета. Форма у них разная: прямоугольник, квадрат или треугольник. С одной стороны монеты имеет неглубокое вдавленное изображение — или крючок в виде «S», или буква «Н», или цветок о шести лепестках. На од-

ной монете даже изображен бюст человека с мечом.

Кожаные монеты были не только в России: в 14-м веке такие монеты были во Франции, у китайцев и у татар. А еще раньше мы находим упоминание о монетах из кожи в Италии.

Научный сотрудник Музея боярского быта 17-го века Н. УЗУНОВА

Шандиз и Дина

Юра Деницкий,

станция Икша, Савеловской жел. дор.

Рисунки Глеба Баскакова, Москва

У нас есть две собаки: Дина и Шандиз. Мы взяли их из питомников, когда им было всего по три месяца. Сейчас им уже по шесть лет. У Дины несколько месяцев назад родилось шесть щенков. Все щенки сначала были серые, но теперь стали темнеть. Я уже роздал четырех щенят ребятам, а двух отдам в питомник, их там будут учить. Шандиз давно прошел все собачьи курсы: он ходит по следу, разыскивает преступников, лазает по лестнице.

Зимой я запрягаю собак в сани и еду кататься, а летом я катаюсь верхом. Пршлую зиму мы с папой устроили гонки. Папа сел на лошадь, а я запряг Шандиза в сани — и гонки начались. Сначала я обогнал папу, но вдруг Шандиз споткнулся и я кувырком полетел с саней. За это время папа далеко обогнал меня. Только я успел сесть в сани, как Шандиз увидел кошку (с ней у него были старые счеты) и бросился за ней. Через минуту я обогнал папу, а еще через минуту я висел с санями и собакой на маленьком заборе, потому что кошка прыгнула на забор, а Шандиз прыгнул за ней.

Гонки начались.

Шандиз — очень красивый, умный и добрый пес. Каждый год наши собаки бьются на выставке. Дина получает приз за красоту, Шандиз — за работу.

Летом мы жили на станции Ильинской и там произошел такой случай.

Я играл с мальчишками в саду. Мама и соседка сидели дома. Дина, как всегда, была на цепи, а Шандиз лежал на террасе. Вдруг в калитку вошел человек. У нас на калитке, на маленькой дощечке, написано: «Злые собаки, не входить». Человек

постоял у калитки и вошел. Мама крикнула: «Спущены собаки, не входите!» — но он продолжал идти. Тогда мама позвала Шандиза и пошла навстречу человеку, чтобы узнать, что ему нужно. Вдруг она

Мама крикнула Шандизу: «Фас!».

увидела у него в руке нож. Мама крикнула Шандизу: «Фас!» («Хватай!»). Когда Шандиз бросился, человек ударил его ножом в горло. Шандиз упал, истекая кровью. Тогда мама стала отвязывать Дину. Пока мама отвязала Дину, человек вытащил из сапога второй нож и бросился на нас. Мы страшно испугались, сбились в кучу и стояли не шевелясь. Мама крикнула нам: «Убегайте скорее!» Мы закричали и попрыгали через забор. Когда Дину спустили, человек бросился бежать. В это время соседка позвала людей, человека поймали, связали и через месяц был суд. Мы не знаем, что ему присудили, потому что мы вскоре уехали. В тот же вечер мы повели Шандиза в собаководческую школу. Было уже темно. Шандиз еле шел. Там ему сделали операцию, и через три недели Шандиз поправился. Вор хотел убить Шандиза потому, что Шандиз всегда отыскивал тех, кто воровал вещи.

Что это за марни?

Вопрос

Объясните, пожалуйста, что изображено на этих марках. Я недавно достал их и нигде не могу узнать, что это за марки.

(Киев, ул. Жертв революции, д. 12).
В. ХАЛЕПО.

Ответ

На первой марке изображен художник Францис Гойя-и-Луциентес. Он жил в Испании с 1746 по 1828 год. Ф. Гойя — один из величайших художников мира. Очень большую известность приобрела серия его картин «Бедствия войны». В этих картинах Гойя изобразил, как французские войска Наполеона 1-го вторглись в Испанию (1810—1815), чтобы ее завоевать, и как они мучили и грабили народ, и как народ сопротивлялся им.

В память 100-летия со дня смерти Ф. Гойя Испания выпустила 30 различных

марок с портретом художника и изображением его картин.

На высоте 2 километров над уровнем моря есть замечательное озеро — Севан. Оно находится в Армении. Местность там очень красивая. На рисунке виден человек, который переправляется на остров Севан. В 9-м веке там был построен монастырь, куда ссылали провинившихся монахов; теперь в монастырском здании устроен дом отдыха для трудящихся Армении. В 1923 году была выпущена целая серия марок, посвященных Армении. Ты прислал марку из этой серии.

О дружбе

Бела Немировская,

*Новогеоргиевск, Харьковской области,
ул. Свободная, дом 71.*

Я думаю, что с мальчиками дружить лучше чем с девочками: девочки у нас всегда завидуют одна другой. Например вызывают меня и еще кого-нибудь из девочек к доске. Отвечаем мы одинаково, но учитель ставит мне «отлично», а другой девочке — «хорошо». Тогда все на меня обижаются. Некоторые переходят на сторону той девочки, на меня все зло смотрят, а, когда я за кем-нибудь обращаюсь к ним, они мне отвечают очень сердито.

Как-то вечером мы шли поздно с занятия кружка. На улице было темно, а я живу далеко от школы. Я боялась идти до-

мой. По дороге меня встретил ученик не из нашей школы; он тоже шел домой и проводил меня. На другой день уже вся школа об этом говорила. И теперь еще девочки всегда упрекают меня за то, что я пошла с этим учеником, и дразнят. Они враждебно относятся к нему, потому что у него нет ни папы, ни мамы, а живет он в детском доме. По-моему, наоборот, к таким ребятам надо лучше относиться.

Как по-вашему: правы ли ребята из класса, в котором учится Бела? Напишите и о своем классе, о своих друзьях и о тех ребятах, с которыми вы не дружите.

*На катке Краснопресненского парка культуры и отдыха.
Рисунок Глеба Баскакова (Москва).*

Техника флага

Сергей Григорьев

Рис. Клетенберга

Под красным знаменем

Однажды, перед майским днем, мне пришлось услышать интересную беседу между учителем и учениками.

— Почему наше знамя красное? — спросил учитель.

Дети ответили разное:

— Потому, что на нем кровь рабочих.

— Потому, что красное красивей всех.

— Потому, что парижские коммунары выкинули красный флаг.

— Когда при царе шли под красным знаменем, то рабочих за это расстреливали.

— Потому, что это наше знамя.

Мое внимание привлек один ответ, и было жаль, что учитель, поправляя и разясняя разные ответы, этот оставил без внимания:

— Красное знамя всех виднее — куда собираться и где драться.

Все говорили о том, что значит наше знамя, а этот ученик указал прямое назначение красного знамени. В его глазах красное знамя имело простой и ясный смысл боевого сигнала.

Красное знамя — сигнал, сигнал должен быть виден издали — вот то, что сказал ученик другими словами.

Действительно, исследования современных физиков показали, что красный цвет легче чем другие цвета спектра: синий, зеленый, желтый — проникает сквозь туман и красный цвет виднее всех издали.

Но вполне ли верно, что флаг есть только знамя, знак, сигнал? Не было ли когда у флага прямого, технического назначения, забытого потом? Это часто бывает, что предмет, ставший для нас значком, знаком, сигналом, был, наверное, когда-то в человеческой руке орудием: им что-то когда-то делали.

Но что можно делать флагом? Разве флаг — инструмент? Прибор? Машина?

Корабли в море подают сигналы, поднимая гирлянды из разноцветных флагов, причём каждый флаг означает какую-либо букву. На железной дороге красный флаг — сигнал остановки, зеленый — знак того, что путь свободен, — сигнал, о смысле которого условились заранее.

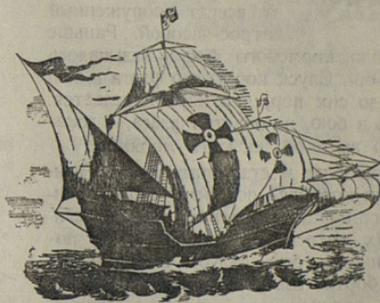
Но мы хотим разгадать технический смысл флага, а в технике нет ничего условного: молот разбивает камни не потому, что мы условились об этом, а потому, что молот тяжел и крепче камня.

Флаг и ветер

Взглянув на флаг, развеваемый ветром, мы можем определить направление ветра. Тут мы подходим уже ближе к техническому смыслу флага: можно сказать, что флаг — это инструмент для определения на-

правления ветра, флаг указывает ветер. Вспомним про флюгер на мачте метеорологической станции.

Вымпел на больших парусных судах бывал длиною в несколько метров. Конец вымпела

разрезан вдоль на две узкие длинные «косицы», похожие на те, какие мы видим и на башенных флюгерах и на детских бумажных флажках. Многие думают, что это делается только для красоты. Но то, что мы теперь называем только красивым, было когда-то полезным и нужным.

Ожидание ветра в «штиль» — одно из самых томительных чувств на паруснике. Еще ветра не чувствуют паруса, еще висит и вымпел, но уже заиграли легкие, тонкие косицы вымпела: они первые говорят кормчему, что в высоте дохнул ветер... Вот и весь вымпел шевельнулся и, поднимаясь наклонно, указывает, что косицы затрепетали не от случайного дыхания воздуха: будет настоящий ветер! По тому, как играют ко-

сицы вымпела, как он вьется и щелкает пистолетом при близости шквала, шкипер парусного корабля узнавал характер ветра и предугадывал его внезапные причуды. Капитанам нынешних паровых и моторных кораблей незачем, конечно, следить за ветром по вымпелу. На этих кораблях вымпел сохранил значение только знака и сигнала.

Лишь на небольших парусных судах (яхтах) остался вымпел в роли ветроуказателя. Но и здесь он утратил свою первоначальную форму ленты с косицами и приобрел вид конического чулка из парусины. Такой вымпел, наполненный ветром, верно показывает направление ветра даже при крутых и быстрых поворотах судна и помогает рулевому правильно ставить паруса.

Кормовой флаг

Каждый корабль — и боевой, и мирный, и пассажирский, и грузовой — носит, кроме вымпелов, кормовой флаг. По цветам и знакам кормового флага узнают, какому государству принадлежит корабль. Около кормового флага на боевом корабле стоит всегда вооруженный матрос-часовой. Раньше

место около кормового флага называлось «священным». Спуск кормового флага в бою означает до сих пор, что корабль сдается. Погибнуть в бою, не опустив флага, — доказательство высокой доблести моряков.

Кормовой флаг и старинных и современных боевых кораблей поражает своими размерами: его площадь измеряется десятками квадратных метров. Разостланный, он покрывает иногда всю палубу шканцев, от борта до борта. Шьется кормовой флаг из плотного, натурального, дорогого шолка. Все это говорит о важности кормового флага. И можно поэтому догадываться, что когда-то кормовой флаг был не только знаком в мореплавании. Надо заглянуть в самые дальние времена, чтобы открыть перво-

начальное техническое назначение кормового флага.

Что древнее: парус или весло? Древние изображения, предания и сказания (мифы) различных народов говорят в один голос: весло древнее паруса. Сначала человек умел плавать только на плоте, пользуясь для управления его шестом. Только через тысячи лет он изобрел весло. После весельного плота появилась весельная лодка. И десятки веков спустя появился парус. А был ли у первобытных лодок руль? Вероятно, нет. Надо думать, что раньше чем человек научился грести парными веслами, по обоим

бортам лодки, он работал одним веслом по корме: оно служило не только веслом, но

и рулем. И теперь еще в Ленинградском порту мы можем часто видеть, как матрос с финской лайбы или с советского мурманского парусника с'езжает на берег с корабля своего на одновесельной шлюпке. Он «галанит» кормовым веслом, описывая им в воде «восьмерку»,— и шлюпка движется, куда того хочет моряк.

Нет спора, весельная лодка без руля древнее парусной с рулем, но что древнее: парус или флаг?

История говорит, что флаг древнее паруса. На гребных судах уже развевались флаги на невысоких мачтах. Еще не так давно, всего два — три века назад, гребные суда наряду с парусными входили в военный флот. Французы ссылали приговоренных судом на галеры гребцами. На каждом весле галеры — длиной в 15 метров — сидело по 5 гребцов. Малые гребные суда назывались каторгами. И на галерах и на каторгах гребцы работали прикованными к банке (скамье). В России тоже ссылали «на каторгу». Потом, когда гребные каторги исчезли, название «каторга» было перенесено на всякую тюрьму, где заключенные работали в цепях. Русскую каторгу XVIII века можно еще и теперь видеть в Морском музее в Ленинграде.

И до самой войны 1914 года в Петербурге спускались каждый год весной на воду большие гребные катера в день торжествен-

ного открытия навигации на Неве. Правда, на банках этих сидели не каторжники, а матросы царского флота. Они не были прикованы цепями, но служба в царском флоте во многом напоминала каторгу. С борта этих каторг стреляли, салютуя открытие плавания, петровские фальконе-ты, маленькие медные пушки — когда-то грозное оружие, теперь игрушка. На носу и корме развевались огромные флаги.

Есть множество старинных гравюр, на которых гребные лодки изображены с непомерно большими флагами на носу и на корме. Красиво, конечно, но ради ли красоты древний мореплаватель поднимал огромный флаг на гребной лодке, еще лишенной руля?

Флаг на лодке, еще не оснащенной рулем, помогал древнему мореходу управлять гребным судном при ветре. Всякая лодка, не управляемая рулем, если на ней поднять большой флаг, становится носом к ветру, «приходит к ветру», как говорят моряки. Поднимая флаг то на корме, то на носу или оба разом, древний мореплаватель облегчал повороты лодки. Как это ни кажется странным, но свободный, воздушный руль на лодке, вернее, парус в виде флага, появился раньше чем руль в воде, за кормой.

Вот почему кормовой флаг окружен таким почетом до наших дней: когда-то он имел очень важное техническое назначение.

Воздушный руль

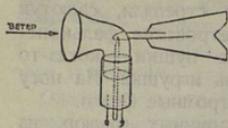
Сейчас мы строим очень быстроходные лодки с мотором — глиссеры; для них не раз предлагались и испытывались воздушные рули вместо водяных. И понятно: глиссер построен так, чтобы он скользил по воде, чтобы вода оказывала возможно малое сопротивление его движению. Зато скорая моторная лодка встречает тем большее сопротивление воздуха, чем быстрее она несется над водою. Это уже не лодка, а в какой-то мере и аэроплан. И при очень больших скоростях она будет лучше слушаться воздушного руля чем водяного.

И вот флаг в виде воздушного руля снова

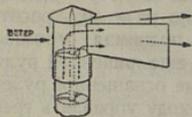
появляется на современной быстроходной лодке.

Смотрите: флажок на носу моторной лодки так треплется, как будто навстречу дует буря. Так оно и есть. Изучение ветров показало, что сила ветра, его энергия, растет значительно быстрее скорости: в третьей степени или, как говорят, в кубе. Если скорость ветра выросла вдвое, то его сила, энергия, возрастает в $2^3 = 2 \times 2 \times 2 = 8$ раз. Ветер со скоростью в 1—4 метра в секунду — очень слабый ветер. Бывают ветры, дующие со скоростью 40 и более метров в секунду. Энергия бурного ветра (40 метров

в секунду) в $40 \times 40 \times 40 = 64\,000$ раз больше энергии «зефира», имеющего скорость в один метр. Вот почему на очень быстродвижном судне воздушный руль может оказаться лучше руля в воде.

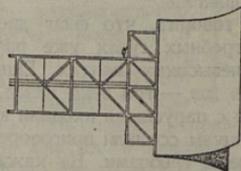
Когда мы и на твердых земных дорогах достигнем больших скоростей, мы будем делать флаги — воздушные рули — и на автомобилях.

Флаг-флюгер имеет и до сих пор различные технические применения. Например его применяют для вентиляции: все вы

видели, наверное, на пароходах, иногда над крышами фабрик и заводов трубы с широким зевом, заглатывающим ветер, такая вентиляционная труба всегда удерживается зевом против ветра при помощи хвоста-

флюгера. В XVI веке такие вентиляторы применялись для дувания свежего воздуха в шахты. До наших дней их применяли на солидных пивоваренных заводах для проветривания воздуха: это нужно при проращивании смоченных зерен ячменя и пшеницы, чтобы быстрее получить солод, не дав зерну загнисть. Над дымовой трубой флюгарки служат для усиления тяги и направления дыма по ветру.

А вот на рисунке вы видите огромный хвост сверхмощного, спроектированного заграницей ветродвигателя. Для того чтобы просто показать величину этого флюгера, я нарисовал на нем человека. Он еле заметен в углу фермы.

Листья-флаги

Твердый плоский флюгер на вертикальной оси не совсем похож на гибкий, легкий флаг из материи, прибитой краем к деревку. Есть, впрочем, флаг еще более подвижный. Этот флаг — орифлама; к его деревку привязана концами веревочка, серединой она прикреплена к флагштоку, или проще: веревочка привязывается одним концом к середине деревка, а другим концом — к флагштоку. Такой флаг отзывается не только на повороты ветра, но и на его порывы сверху вниз и снизу вверх. Такие флаги носили на своих мачтах корабли семьсот, шестьсот лет назад. В наше время мы встречаем орифламу только в виде украшения: огромные, длинные орифламы обычно поднимают на высоких мачтах у входов на выставки и в увеселительные сады.

Сразу бросается сходство орифламы с листьями самых отзывчивых к ветру растений, например с вечно трепещущими листьями осины.

Вы знаете, для чего листья нужны дереву? Во-первых, листья испаряют влагу и тем самым поддерживают восходящий ток соков растения из земли, от корней через ствол и ветви к листьям. Во-вторых, в зеленых листьях, на солнечном свете, происходит са-

мый важный для растения химический процесс: углекислота воздуха расщепляется, кислород освобождается и уносится ветром, а из углерода и соков растения образуются все те сложнейшие органические вещества, из которых построено самое растение.

Листья большого дерева в общем обладают громадной поверхностью. И если бы они не устанавливались по ветру, то даже не очень сильный ветер срывал бы их с ветвей. На деле мы видим, что ветер летом срывает очень мало листьев. Соберите сорванные легкой бурей листья, и вы увидите, что большей частью это листья больные, слабые или до срока пожелтевшие — первый вестник осени. А осенью не нужно и ветра: листья отрываются и падают сами собой.

Устанавливаясь по ветру, листья поглощают его энергию. Они смягчают напор ветра и передают его на ветви. Ветер не только сгибает ветви дерева: он вследствие работы листьев-флагов начинает раскачивать ветви. Присмотритесь к деревьям разных пород — и вы увидите, что ветер их качает по-разному и не только потому, что ветви бывают висячие, стоячие или раскнутые.

Дело в листьях: хвойная сосна качает ветки по-своему, осина — по-своему, ветла —

по-своему, и у каждого дерева по-своему трепещут и шелестят листья: можно с закрытыми глазами или ночью, в темном лесу, различать шелест разных деревьев.

Когда я после оранжерей и зимних садов, где никогда не бывает ветра, увидел на юге под открытым небом живой трепет листьев веерной пальмы, то долго смотрел и любовался: жесткие листья пальмы трепещут совсем особенно—частыми и мелкими колебаниями. На родине пальмы должны выдерживать и поглощать натиск очень сильных морских ветров. В Италии вы увидите пинию, в Крыму—горную сосну, которые приспособились к ветру и так растут, что даже в затишье кажется, будто их развевает буря. Что это, уродство? Нет. Дерево растет по ветру и превратилось в флаг, указывающий направление чаще всего дующих с гор ветров. Советские экспедиции совсем недавно открыли в горах Алтая новую разновидность кедра, которую так и назвали «флаговый кедр».

Можно подумать, что ветер для дерева— всегда только непогода. Минет непогода, и дерево опять подставит солнцу и свету всю поверхность своей листвы. Но это не совсем так.

Лист снизу имеет множество небольших отверстий: через них лист испаряет воду, которую подают по стволу корни. В неподвижном воздухе испарение идет медленно. И вот лист—флаг—подставляет ветру свою испаряющую поверхность так, что ветер скорее выдувает из пор листа влажный воздух. Лист трепещет, как веер,—и насколько быстрее идет при этом испарение! Ветер, оказывается, очень нужен дереву.

Вот почему растущие на влажной почве деревья имеют обычно легко подвижную, трепетную листву. Ветла шумит листвой даже при очень слабом ветре: ей ветер нужен

потому, что ветла, дерево сырых прибрежных мест, должна испарять колоссальные количества влаги. Поэтому-то у ветлы такие длинные гибкие и висячие ветви: они целиком, с листьями, подчиняются ветру и вытесны под ветром длинными, косматыми вымпелами.

Много есть деревьев, которые слыт под названием «плакучих»: «плакучая» ива, «плакучая» береза, «плакучая» акация. У всех «плакучих» деревьев—длинные поникшие ветви. В последние десятилетия «плакучие» деревья стали модой в европейских парках и садах, быть может, потому, что хозяевам европейских городов—капиталистам—теперь совсем не до смеха. В угоду этому вкусу садовники стали выводить «плакучие» дубы, «плакучие» яблони. Сделать даже могучий дуб «плакучим» нетрудно, заставив дерево испарять непосильные для него количества воды.

Странно, но верно: «плакучее» дерево никогда не плачет. Многие растения иногда выделяют из листьев капли воды. А листья «плакучих» деревьев всегда сухи, понятно: и они и все «плакучее» дерево целиком прекрасно приспособлены к испарению воды под ветром. Трепетная осина раньше других деревьев в наших лесах получает осеннюю, огненную окраску. Многих это печалит: осень близко! Меня радует. Мне кажется, что осина, окрасившись в яркий, радостный цвет, больше не усваивает углерода из воздуха: в ее листьях нет больше зеленого хлорофила. Но листья осины продолжают вторую половину своей работы: осина, с помощью ветра вея и треща радостными листьями-флажками, продолжает испарять воду. И что же: все другие деревья уже давно сбросили листья, а осина еще долго будет трепетать: без этого она сгнила бы на корню.

Последняя «Аннушка»... (каждый москвич знает, что такое «Аннушка».
Это трамвай «А»)

Спешит домой последний троллейбус.

*На Петровке в 3 часа. Только следы шин говорят о недавнем движении.
Сейчас спят автомобили, спят автобусы, троллейбусы...*

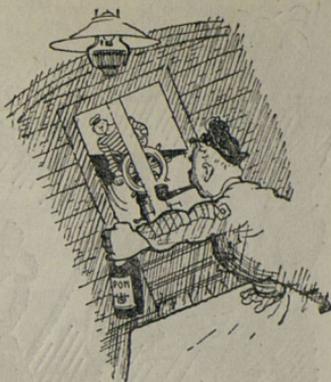
Но не все спят ночью в Москве.

Ночью столица чистится, готовится к завтрашнему дню.

*Утром ребята снова заполнят катки в парках культуры и отдыха.
Они найдут здесь новый крепкий лед.*

Приключения капитана Врунгеля

(Продолжение)

А. Некрасов

Рис. К. Ротова

Мой старший помощник Лом — человек изумительных душевных качеств: рост — семь футов шесть дюймов; голос как у парохода; огромная физическая сила. При всем том поразительная скромность, отличное знание дела... На такого можно положиться.

Я спустился в каюту, вынул рюмочку рому и заснул как убитый. Через два часа, бодрый и свежий, выглянул на палубу. Вижу: ветер засвежел, кругом белячки, бурнестинки... Посмотрел вперед — и в глазах у меня потемнело: берег по носу! Ему надо быть слева на 30 миль, а он так, что вот-вот упрется, и Лом все время сдает влево помалу.

Поверите ли, я решил положить судно на обратный курс и с позором вернуться к причалу. Ведь с таким помощником плавать — заедешь к чорту на рога, особенно ночью!

Но тут, к счастью, все объяснилось. Лом все время сворачивал нос налево и жадно нюхал воз-

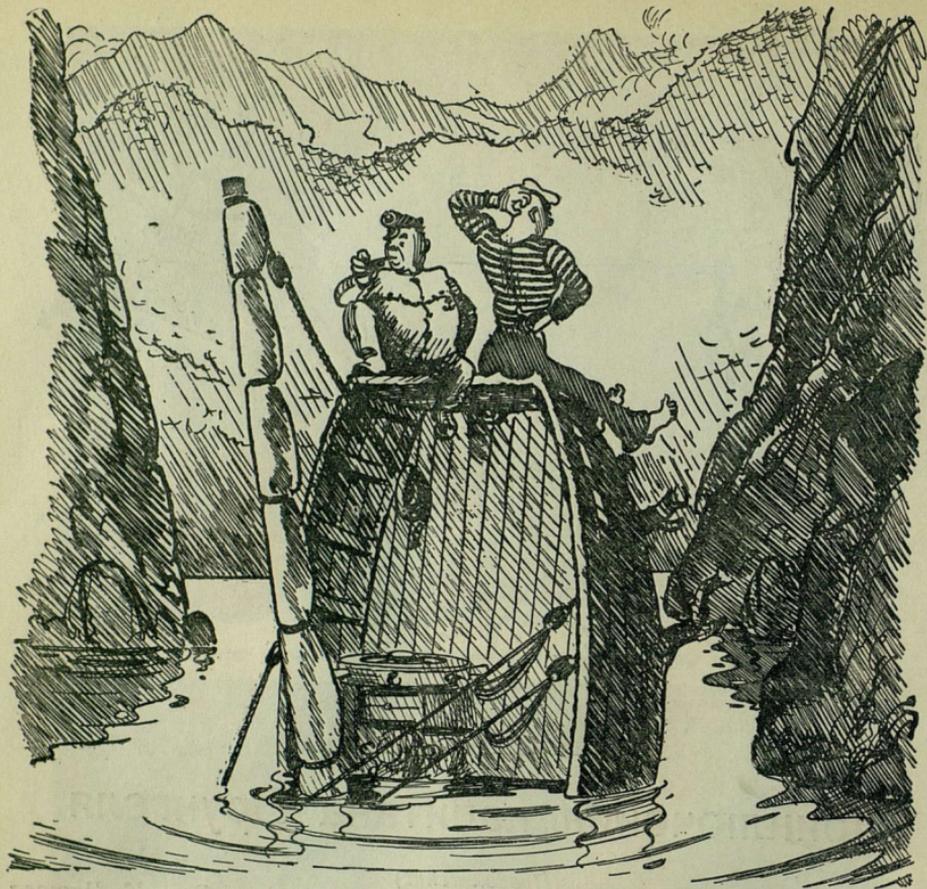
дух. Тогда я все понял: в моей каюте по левому борту осталась незакупоренная бутылка рому, а у Лома редкий нюх на спиртное.

Это — дело поправимое. Так сказать, частный случай практики кораблевождения. Бывают такие случаи, не предусмотренные наукой.

Я перенес бутылку на правый борт. Нос у Лома повернулся как компас за магнитом, и судно послушно покатило направо. Два часа спустя «Беда» легла на прежний курс. Тогда я поставил бутылку вперед, у мачты, и Лом больше не сбивался с пути. Он вел «Беду» как по ниточке, и только один раз, особенно энергично втянув воздух, спросил:

— А что, Христофор Бонифатьевич, не прибавить ли нам парусов?

Это было дельное предложение. Я согласился. «Беда» и до того шла неплохо, а тут полетела стрелой.

Мы шли с попутным ветром, и «Беда» мило за милей глотала пространство. Без значительных событий прошли Зунд, Каттегат, Скагеррак. Я не мог нарадоваться на ходовые качества яхты. На пятый день, как раз на рассвете, по правому борту у нас открылись берега Норвегии. Можно бы пройти мимо, но куда торопиться? Я скомандовал:

— Право на борт!

Мой старший помощник Лом положил руля направо, и три часа спустя мы бросили якорь в тихом фиорде. Вы не бывали в фиордах, молодой человек? Напрасно. Непременно побывайте при случае. Это, знаете, такие узкие заливы и бухточки, запутанные как куриный след, а кругом скалы, изрытые трещинами, высокие и неприступные.

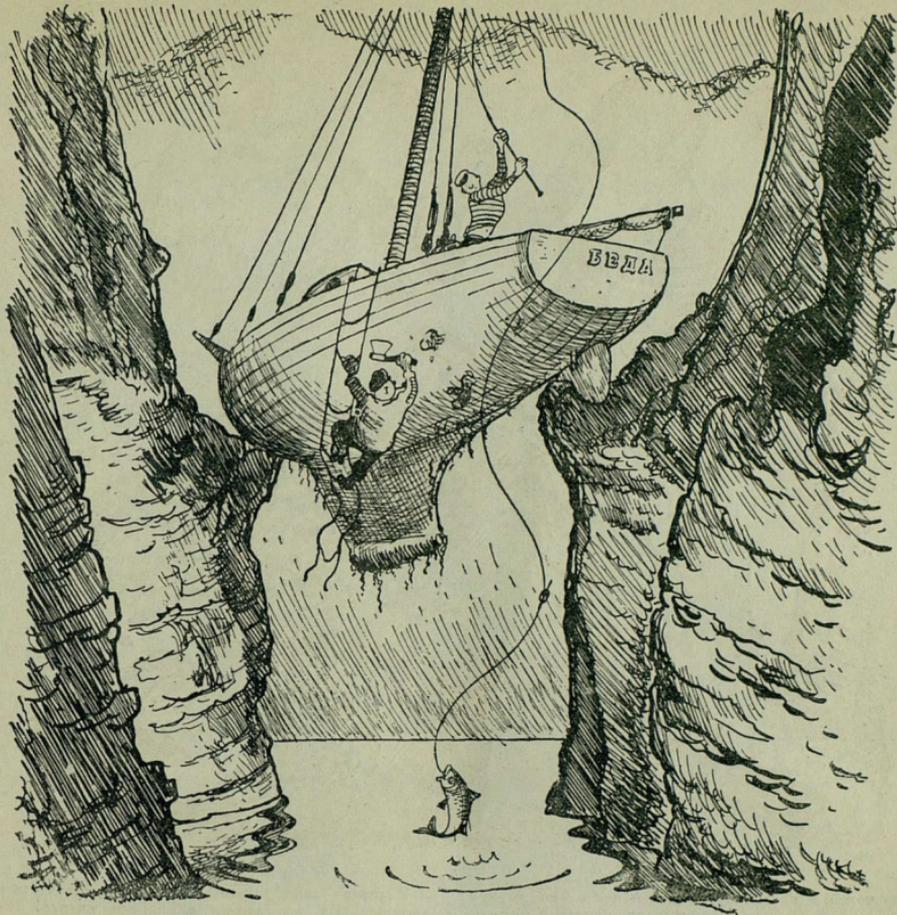
— А что, Лом, не сойти ли нам погулять до обеда? — предложил я.

— Есть погулять до обеда! — гаркнул Лом, да так, что птицы целой тучей поднялись со скал, а

эхо — я сосчитал — 32 раза повторило: «Беда», «Беда», «Беда»... Скалы как бы приветствовали наш приход. Там удивительное эхо — в фиордах.

Я закрепил якорь, пошел одеться в каюту. Лом тоже спустился. Вдруг чувствую: судно приобрело резкий наклон на нос. Встревоженный, поднимаюсь на палубу и наблюдаю печальную картину. Нос яхты целиком в воде и продолжает быстро погружаться, корма же, напротив, вздымается вверх.

Я понял, что сам виноват: не учел особенностей грунта и приливного поднятия воды: якорь зацепился, держит, вода подпирает, а вытратить цепь — поздно... Это все понятно, но нам не легче, и сделать уже ничего невозможно. Мы едва успели задрать вход в каюту, как «Беда» заняла совершенно вертикальную позицию, наподобие рыболовного поплавка. Пришлось спастись на корму. Так там и просидели до вечера, пока вода начала спадать.

Умудренный опытом, я ввел судно в узкий пролив и поставил «Беду» на швартовы.

Уверенные, что история с якорем не повторится, мы приготовили скромный ужин, произвели уборку и улеглись спать.

А утром Лом будит меня и рапортует:

— Разрешите доложить, капитан. Полный штитль, барометр показывает ясно. Температура наружного воздуха — двенадцать градусов Цельсия. Произвести измерение глубины и температуры заборной воды не представилось возможности за отсутствием таковой.

— То есть как это «за отсутствием»? — спрашиваю я. — Куда же она девалась?

— Ушла с отливом, — отрапортовал Лом. — Судно заклинило между скал и пребывает в состоянии устойчивого равновесия.

Я выхожу и вижу: действительно, то же, что и вчера, только в обратном смысле.

То, что я принимал за пролив, оказалось ущельем. К утру вода ушла, и мы встали как в сухом доке. Под килем пропсть в 20 футов, выбраться нет никакой возможности, и снова приходится положиться на стихию и ждать прилива. Но я не привык тратить время попусту: спустил штормтрап, взял топор и начисто обтесал борта в тех местах, где остались сучья. А когда вода пошла на прибыль, Лом спустил с кормы удочку и наловил рыбы на уху.

Так что, видите, даже такое обстоятельство можно использовать в положительном смысле. Но вообще-то нужно всегда помнить, что море коварно и непостоянно, и, в частности, с приливно-отливными явлениями ухо держать востро.

Я человек настойчивый, даже несколько упрямый и не привык отказываться от принятых решений. Как только «Беда» встала на воду, мы сошли на берег. Идем между скал по тропинке. Кругом на деревьях белки, птички какие-то: «Чик-чирик».

Мы углубились в лес, заблудились в самую гущу, а когда спохватились, смотрим: один лес кругом. Развели костер, а утром полезли на гору. Лезем. Вдруг сзади какой-то шум.

Я оглянулся, вижу: огонь стеной идет за нами; белки прыгают с ветки на ветку все выше по склону; птицы галдят. Шум, паника... Я не привык бегать от опасности, но тут поторопился.

Вылезли на верхушку скалы, отдышались, осмотрелись: с трех сторон огонь, с четвертой — крутая скала, и как раз под нами стоит «Беда».

А огонь все ближе. Белок кругом — видимо-невидимо! Осмелели. У других, знаете, хвосты пообгорели, так те особенно храбрые, лезут прямо на нас и, того гляди, свихнут в огонь.

Вдруг смотрю: одна белка нацелилась, распушила хвост и прямо на «Беду», на палубу. За ней другая, третья...

Я решил тоже прыгать. Фиорд глубокий, прозрачный. Ну, искупаемся в крайнем случае! Это даже полезно — искупаться перед завтраком.

— Старший помощник, за белками полный вперед! — скомандовал я.

Лом шагнул, занес уже ногу над пропастью, но вдруг извернулся как кошка — и назад. Естественная боязнь высоты, болезнь своего рода. Я вижу: не прыгнет.

Но я не растерялся. У меня с собой оказался бинокль. Я передал его Лому и строго спросил: — Старший помощник, сколько белок у вас на палубе?

Лом принялся считать:

— Раз, два, три, четыре, пять...

— Отставить! — крикнул я. — Без счета прыгать в трюм.

И тут чувство служебного долга взяло верх над сознанием опасности да и бинокль помог: приблизил палубу. Лом шагнул в пропасть — только брызги поднялись столбом. Я взглянул и последовал тем же путем.

Я вскарабкался на борт, мой старший помощник отрапортовал:

— Принято без счета полный груз белок живьем. Какие последуют распоряжения?

Тут, знаете, подумаешь, какие распоряжения! Ободрать с белок шкурки — жалко, а с другой стороны, возить с собой вокруг света — тоже хлопот не оберешься. Ведь это, знаете, кормить, поить, ухаживать!

Я подумал и решил ответить их в Антверпен: там есть один зоопарк, так он скупает разных зверей.

Ну, пошли. К вечеру ветерок закрепчал, потом начался настоящий шторм. Волны — как горы. Белки укачались с непривычки, а я радуюсь: «Беда» держится прекрасно, на пять с плюсом сдает штормовой экзамен. Лом тоже молодцом.

Я спустился в каюту, настроил приемник и слушало, что там, в эфире, делается. Слышу: «Иван, Роман, Константин, Ульяна, Татьяна, Семен, Кирилл», — прямо хоть не слушай. А у меня зуб был

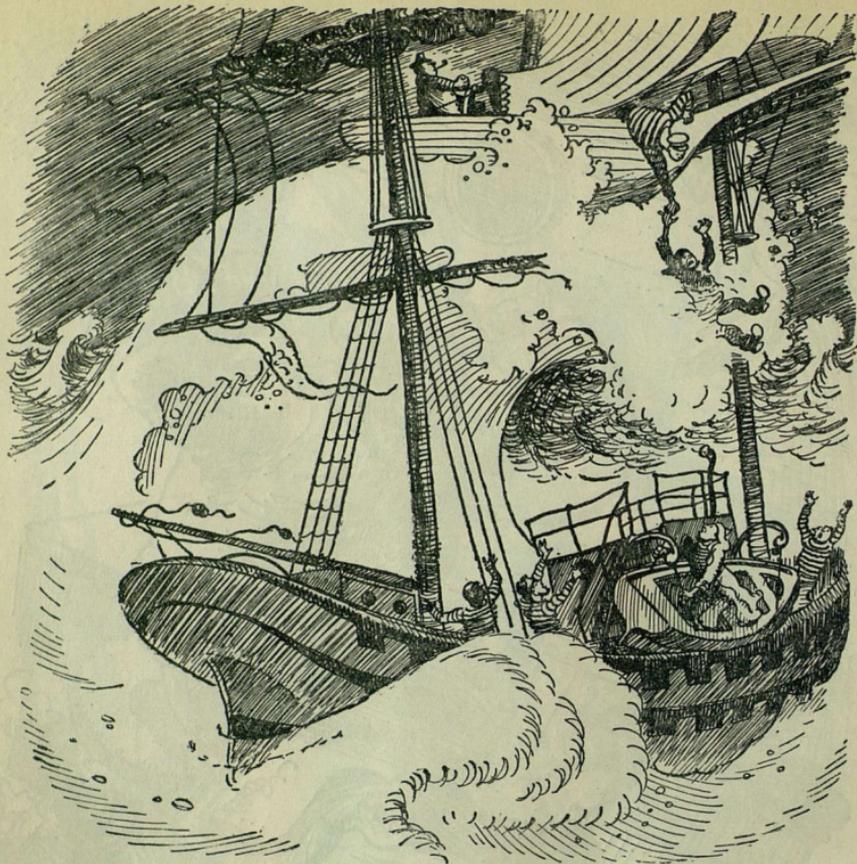
с дулом, разболелся, должно быть, после купанья, так разболелся, хоть плачь.

Я было снял наушники, вдруг слышу: никак «SOS»! Так и есть: сигнал бедствия! В это время так поддало «Беду», что она совсем легла на борт.

Белки взвыли. Ну, да это бы еще ничего, а хуже, что приемник прыг со стола, да об переборку — и в куски. Не соберешь... И передачу сразу как ножом отрезало — ничего не слышно.

Такое неприятное чувство! Рядом кто-то терпит бедствие, а где, кто, — неизвестно. И зуб еще хуже разболелся.

Он-то меня и выручил. Я, недолго думая, хватаю конец антенны и прямо в зуб, в дупло. Боль адская, но зато прием опять налачился. Музыки, конечно, не слышно, а морзе — лучше и не придумаешь. Точка колышет незаметно, как иглолка, а уж тире — точно кто шуруп туда закручивает! И никакого усилителя, и никакой настройки не надо: большой зуб и без того обладает высокой чувствительностью.

Терпеть трудно, конечно, но что поделаешь? Приходится жертвовать собой. Так всю передачу до конца на зуб и принял!

Оказывается, почти рядом с нами норвежский парусник потерпел аварию. Сели на мель на Доггербанке, получили пробину. Тут думать нечего, надо идти спасать.

Норвежцы уже отчаялись, а мы тут как тут. Я забыл про зуб и сам стал распоряжаться спасением.

Подхожу, вижу: дело дрянь. Вплотную, борт о борт, не встанешь, а перетаскивать людей на концах — тоже рискованно, еще перетопишь, чего доброго.

Шторм разыгрался пуще прежнего. Как накатит на это суденышко волна, так его и не видно совсем. Перекатывает через палубу — одни мачты торчат.

Вот в э́том и воспользовался. Зашел с наветра и вместе с волной на всех парусах пошел полным ходом. Тут, знаете, у меня был простой расчет:

у «Беды» осадка небольшая, как раз пройдет над палубой.

Я сам стою в руде и правлю так, чтобы не задеть за мачту, а Лом ловит потерпевших за шиворот, сразу подвое. Восемь раз так прошли и спасли всех шестнадцать человек во главе с капитаном. Капитан немного обиделся: ему полагается последнему уходить с судна, а Лом в спешке не разобрал: зацепил его первым... И только сняли последнего человека, накатился девятый вал! Как ухнет — только щепки полетели от несчастного суденышка. Мы поглядели, развернулись и пошли полным ходом назад, в Норвегию. Выручил, спас норвежцев.

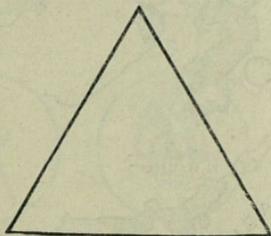
А все находчивость! В плавании, молодой человек, если хотите быть хорошим капитаном, никогда не теряйте ни одной возможности: используйте все, даже личное недомогание, если это понадобится.

(Продолжение следует)

Загадки, задачи, игры и фокусы

РАВНОСТОРОННИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Начертите пять таких треугольников и разделите их следующим образом:

- 1-й — тремя линиями на четыре равных части,
 - 2-й — тремя линиями на шесть равных частей,
 - 3-й — двумя линиями на четыре части (из них две равные),
 - 4-й — одной линией на четыре части (из них три равные),
 - 5-й — тремя линиями на три равные части.
- Четвертое задание кажется невыполнимым. На самом деле его очень нетрудно выполнить.

$$18 = 27$$

Математическая задача-шутка

Составил Боря Светлоградов

Равенство очень странное. Однако, если вы будете не очень внимательными, то я, пожалуй, докажу, что $18 = 27$.

Возьмем для доказательства такое равенство: $3^3 - 3^2 = 3^3 - 3^2$.

В левой части вынесем за скобки 3, а правую разложим на множители. Тогда получится: $3(3^2 - 3^2) = (3 - 3)(3^2 + 3^2 + 3^2)$.

Равенство, как видите, не нарушилось.

Выражение $(3^2 - 3^2)$, стоящее в левой части, разложим на разность этих чисел, умноженную на их сумму:

$$3(3 - 3)(3 + 3) = (3 - 3)(3^2 + 3^2 + 3^2).$$

Равенство опять-таки не нарушено. Теперь обе части уравнения сократим на равный член $(3 - 3)$ и получим:

$$3(3 + 3) = (3^2 + 3^2 + 3^2),$$

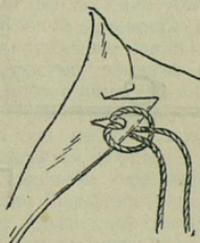
то есть $3 \times 6 = 9 + 9 + 9$, или $18 = 27$, что и требовалось доказать!

А ну-ка, найдите, где я ввел вас в заблуждение!

Географическо-зоологическая задача

Взять названия всех европейских столиц, отнять у них первые буквы и из этих букв составить наибольшее количество названий животных. Давший наибольшее количество считается выигравшим.

ПОПРОБУЙ ОСВОБОДИТЬСЯ

Возьми метров пять шпагату, свяжи концы и захлестни его петлей в петлю рубахи или куртки, как показано на рисунке. Другой конец либо привяжи к ножке стола либо дай кому-нибудь поддержать. Попробуй теперь освободиться, т. е. снять шпагат. Развязывать узел или резать шпагат, конечно, нельзя.

Герои Пушкина

Л. Успенский

Рис. Т. Мертешовой

Был до революции небезаламный русский писатель Гусев-Оренбургский, написавший за свою жизнь много рассказов и повестей.

Если бы каким-нибудь чудом вся остальная русская литература бесследно исчезла и ученым будущего пришлось прибегнуть

к сочинениям Гусева, чтобы узнать, что за страна была царская Россия, они получили бы о ней довольно странное представление. Россия, стали бы утверждать они, была удивительная страна попов—Пополандия. Кроме попов, поповичей, поповен, дьячков, дьяконов, дьякониц, пономарей и просвирен в

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

ней никто не жил. Там не было ни крестьян, ни дворян, ни рабочих, ни купцов—одни только попы...

И на самом деле, никого—или почти никого,— кроме попов, Гусев-Оренбургский не описывал. Не хотел, а может быть, и не умел изображать. Сердце не лежало. Писатели такого покроя встречаются не так уж редко. Порой они обладают даже значительным талантом, но замыкаются в узкий круг, становятся узкими специалистами. Один ограничивается исключительно людьми той же нации, к которой сам принадлежит. Другой изображает только своих современников. Третий, будучи сам чиновником, описывает только чиновный мир, как будто, кроме него, ничего интересного на свете нет.

Но рядом с такими писателями, а пожалуй, лучше сказать, высоко над ними, во всемирной литературе стоят другие писатели— всеобъемлющие гении. Для их творчества не существует границ ни во времени, ни в пространстве. С одинаковой легкостью перевоплощаются они в людей другой нации, другой исторической эпохи. Весь мир отражается в их произведениях тысячами своих граней, весь мир целиком, а не ка-

кая-нибудь его часть. Эти писатели— настоящие граждане всего мира.

Таким был Шекспир. Англичанин времен королевы Елизаветы, он собрал на страницах своих драм не только целый мир живых людей, но и представителей всех времен и народов. Мавры и венецианки, флорентийцы и датчане, принцы и ткачи, древнеегипетские царицы и английские кумушки, римские цезари и шотландские убийцы, республиканцы глубокой древности и коварные интриганы, окружавшие английских королей, самые простые, обычные мужчины и женщины и рядом с ними ведьмы, колдуны, эльфы, чудовища и призраки волшебных сказок— вся эта пестрая, шумная толпа живет, наслаждается, борется и умирает.

Таким гражданином мира был второй великан— Иоганн Вольфганг Гете. И для него маленькая голландская девушка времен Уленшпигеля так же жива, как дева древнего Коринфа, как средневековый мудрец доктор Фауст, как рыцари давнего прошлого, как люди далекого таинственного Востока. Таким же всеобъемлющим гением был и Пушкин.

Он никогда не выезжал на Запад, за границы темной и страшной крепостной России. И, тем не менее, вряд ли какой-нибудь

испанец оставил нам лучшее описание южной, пахнувшей лаврами и лимонами ночи чем он.

Он не знал арабского языка. Но его переложения корана вводят нас в самое сердце пышной и грозной мусульманской поэзии. Он был русским дворянином начала XIX века, но в то же время он умел воплощаться и в средневекового немецкого подмастерья, и в римского патриция эпохи Нерона, и в бессарабскую цыганку, и в турецкого фанатика-пашу. Он говорил их языком, думал их мыслями, чувствовал, как они.

Пушкин гордо сказал:

*«Слух обо мне пройдет по всей Руси
великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык.
И гордый внук славян, и финн, и ныне
дикий
Тунгус, и друг степей — калмык...»*

Пушкин не преувеличил. Все эти племена и народы «называют», помнят его, гордят-

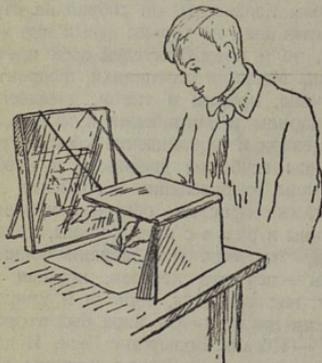
ся им и дорожат теперь, когда они стали не просто «языками, сущими в великой Руси», но свободными братьями в свободном Союзе наций.

В своем творчестве Пушкин был поистине интернационален. Тот, кто читает Пушкина от случая к случаю, как придется, даже не представляет себе, насколько широк его охват.

Я проделал такую работу. Я припомнил и собрал всех более или менее заметных пушкинских героев и наметил на карте места, где они жили или должны были бы жить.

Эта карта перед вами. Перед вами и ряд рисунков, изображающих пушкинских героев. Попробуйте внимательно взглянуться и в карту и в рисунки и установить, который из рисунков к какому пункту карты относится. Поставьте цифры под картинками в кружочки на карте. Тогда вы проверите свое знание величайшего из наших поэтов.

Трудная задача

Задание совсем простое: надо начертить квадрат с двумя диагоналями глядя на отражение в зеркале. Оказывается, что выполнить это задание очень трудно.

Делается это так. На стол ставится вертикально зеркало. Затем вы садитесь перед зеркалом. Листок бумаги, на котором вы будете чертить, вы кладете перед зеркалом так, чтобы и он и рука с карандашом хорошо были видны вам в зеркале. А сверху все прикрываете раскрытой книгой, как показано на рисунке.

Теперь, глядя на отражение руки в зеркале, попробуйте начертить квадрат с диагоналями.

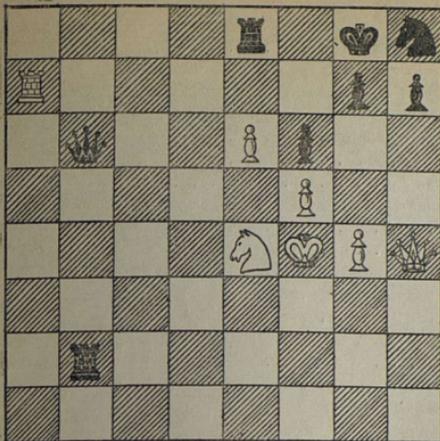
Так как в зеркале получаются все движения руки и карандаша в обратном порядке, а мы их привыкли видеть и контролировать в прямом, то вы будете все время направлять карандаш не в ту сторону и не сможете сделать самый простой чертёж.

Перед уроком

В перемену два ученика сели играть в шахматы. Однако звонок прервал партию на самом интересном месте, и противники, оставив фигуры на доске (в следующую перемену доиграем!), побежали в класс.

Заведующий комнатой отдыха подошел, чтобы собрать фигуры и убрать шахматы в шкаф. Увидев незаконченную партию, он задумался и вскоре решил: «Белые могут заматовать черного короля в пять ходов...» Однако, подумав еще, поправился: «Нет, пожалуй, в три хода. Ну, конечно, в три!»

Прав ли он был как в первом, так и во втором случае?

Шуточные вопросы

1. Какой город состоит из названий минерала и дерева?
2. Какая буква с местоимением составляет реку?
3. К какой ноте надо прибавить несколько деревьев, чтобы получилась самая заметная часть здания?
4. Какая птица состоит из буквы и реки?
5. Впишите в букву цифру, да так, чтобы эта цифра увеличилась на единицу.
6. Какими тремя нотами можно измерить расстояние?

ДВА БРЕВНА

Лжат два бревна: тонкое и толстое. Тонкое вдвое длиннее толстого. Зато диаметр толстого вдвое больше. Какое бревно тяжелее?

Фокус со стаканом

Вырежьте полоску бумаги длиной 30—40 сантиметров. Один конец этой полоски положите на край стола и сверху поставьте на нее стакан с водой. Теперь предложите кому-либо вытащить полоску бумаги из-под стакана, не прикасаясь к нему.

Многие, попробовав осторожно вытащить бумажку из-под стакана, скажут, что задача эта невыполнима. Тогда вы возьмите левой рукой бумажную полоску и слегка натяните ее. Затем ребром ладони правой руки смело, с силой ударьте по середине натянутой

бумажной полоски между вашей левой рукой и стаканом.

Ко всеобщему удивлению стакан останется на месте, а бумажная полоска легко выскользнет из-под него. Этот удивительный фокус объясняется очень просто.

Бумажка вследствие мгновенного рывка выдергивается из-под стакана. Стакан же благодаря инерции покоя остается на месте. Чем резче и мгновеннее будет рывок бумажки из-под стакана, тем больше шансов за то, что стакан останется на месте и вода в нем почти не шлохнется.

СО Д Е Р Ж А Н И Е Н О М Е Р А

Парусный мастер — рассказ К. Паустовского, рис. В. Цельмера	5
Рубен-партизан — народная песня, перевел с армянского А. Глоба, рис. Б. Сияявского	9
Приключение на границе — повесть Р. Фраермана, рис. В. Цельмера	10
Вук Стойович — стихи Радуге Стийенскою, рис. Ю. Кискачи	26
День в Гурзуфе — рассказ Ивана Новикова, рис. П. Митурича	30
Первый русский телеграф — Н. Григорьев, рис. Г. Шевякова	36
Вождь краснокожих — рассказ О. Генри, рис. А. Брея	48
«КОМПАС» — известия Географического общества читателей журнала «Пионер» № 10	
Наша родина — Н. Михайлов	56
Зарастающее озеро — Ю. Мазин	65
Конкурс на лучшие рисунки, карты, фотографии	67
Загадка Картагонского болота — М. Дурденевская	68
Фонд Географического общества	70
Моряк — рассказ И. Кипниса, рис. Б. Сияявского	71
Научный телеграф	74
Необычайная архитектура	79
Зимовочный кот — рассказ М. Зингера, рис. П. Митурича	80
ВОЕННЫЕ СТРАНИЦЫ:	
Луганские дружинники — С. Чукаев	86
Аустерлиц	88
Какие бывают орудия	93
Путешествия слов — очерк Д. Михайлова	94
ПОЧТА:	
Путешествие в будущее планеты Земля—рассказ и рисунки Шуры Герасимова	100
Моя модель — Толя Смирнов	102
Правда ли это? — Лена Трифонова	103
«Ясновидцы» — А. Югов	103
Как кузнец хотел страху научиться — сказку записал Толя Фидель, рис. Юры Золотова	104
Были ли ременные деньги? — Боря Мухай	105
Монеты из кожи — Н. Узумова	105
Шандиз и Дина — Юра Деницкий, рис. Глеба Баскакова	106
Что это за маркы? — В. Халепо	107
О дружбе — Бела Немировская	108
Техника флага — Сергей Григорьев, рис. Клетенберга	109
Москва ночью — фотографии А. Кулясова	114
Приключения капитана Врунгеля — А. Некрасов, рис. К. Ротова	117
Загадки, задачи, игры и фокусы	123

На обложке «Маневры» — картина художника П. Кузьмичева

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 822, тел. Д 3-30-73.

Ответ. редактор **Б. ИВАНТЕР**

Зам. редактора **В. Фраерман**

Отв. секретарь **В. Поддубная**

Худ. редактор **М. Аскинази**

Сдано в набор 19/II 1937 г.

Подписано к печати 5/III 1937 г.

Изд. № 263

Уполномоченный Главлита № Б — 10724. 82 × 110 1/16 бум. листа. 38 400 печ. зн. в печ. листе. 16 п. л.

Типография газеты «Правда» им. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Зак. № 367. Тираж 90 000.